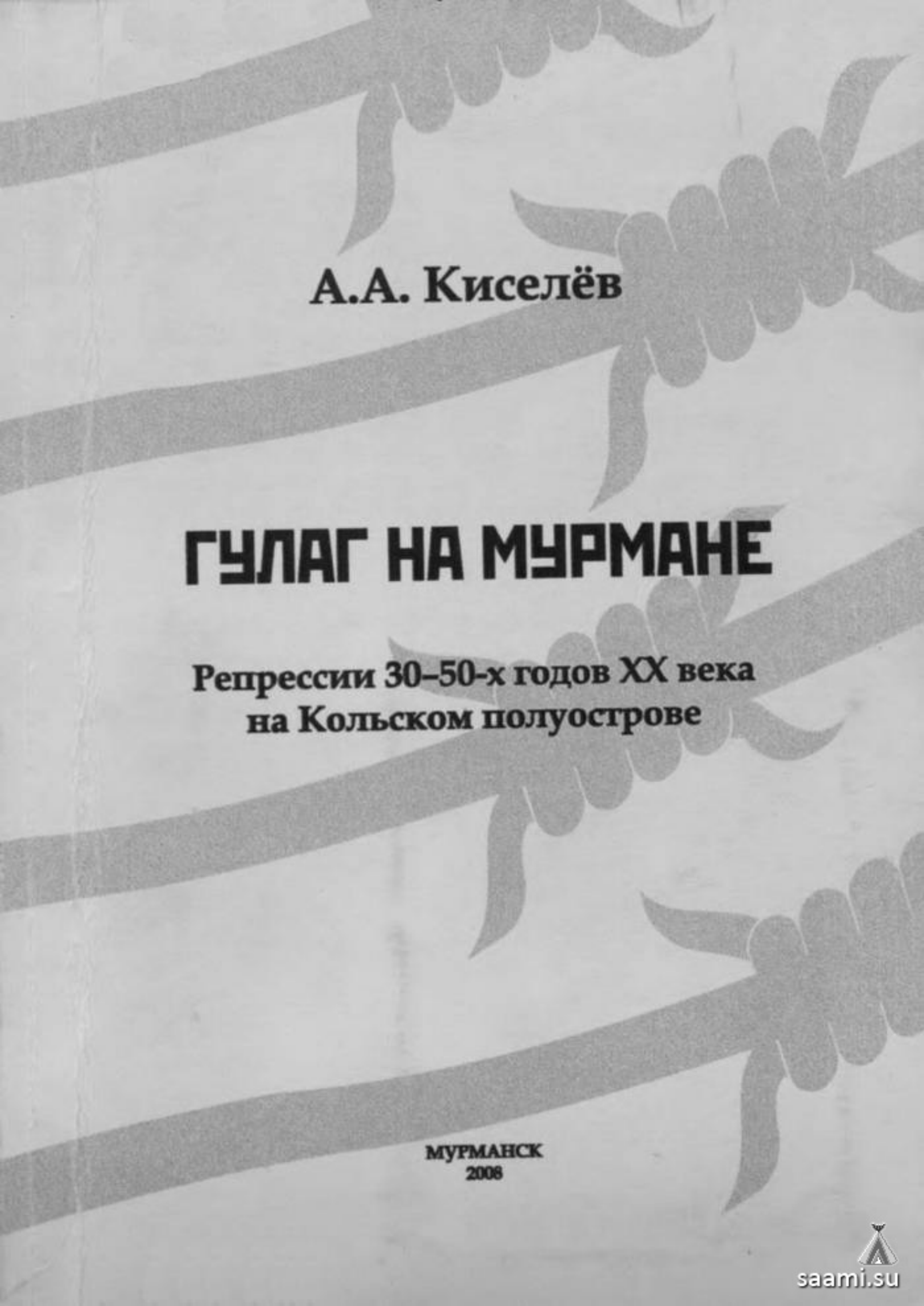

А.А. Киселёв

ГУЛАГ НА МУРМАНЕ

**Репрессии 30–50-х годов XX века
на Кольском полуострове**

**МУРМАНСК
2008**

saami.su

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
МУРМАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.А. Киселёв

ГУЛАГ на Мурмане

Репрессии 30–50-х годов XX века
на Кольском полуострове

Очерки

МУРМАНСК
2008

УДК 94(470.21)
ББК 63.3(2 Рос-4Мур)6
К44

Печатается по решению редакционно-издательского совета Мурманского государственного педагогического университета

Автор: А.А. Киселев, д-р ист. наук, профессор, зав. научно-исследовательской лабораторией исторического регионоведения (МГПУ)

Рецензенты: Д.А. Герасимов, канд. ист. наук, ст. преподаватель филиала РГСУ в г. Мурманске;
В.А. Карелин, канд. ист. наук, доцент, докторант СПбГУ;
И.А. Разумова, д-р ист. наук, гл. науч. сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Киселев А.А.

ГУЛАГ на Мурмане: Репрессии 30–50-х годов XX века на Кольском полуострове: Очерки. – Мурманск: МГПУ, 2008. – 198 с.

В сборник включены очерки доктора исторических наук, профессора А.А. Киселева, в которых на документальной основе воссоздается история тюрем, лагерей, колоний на Кольском Севере в советский период, рассказывается о жителях края, подвергшихся политическим репрессиям в 30–50-е годы XX века.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-88476-850-5

© Мурманский государственный
педагогический университет (МГПУ), 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Cum tacent, clamant.

Cicero¹

Во второй половине прошлого века россияне были свидетелями и отчасти участниками двух попыток построить социализм с человеческим лицом. В первый раз – после смерти И.В. Сталина, когда наступила «Хрущёвская оттепель» (это в конце 50-х – начале 60-х годов). Второй раз – в конце 80-х годов, когда М.С. Горбачёв провозгласил перестройку. И опять говорили о реформах в экономике, о демократии, о свободе слова, митингов и собраний, о плюрализме мнений, о пороках командно-административной системы СССР, о диктатуре КПСС и т.д. и т.п.

В годы перестройки широко открылись двери архивохранилищ, появилась возможность исследовать закрытые ранее для общества темы – о репрессированных, заключённых, сосланных, пленных. Тёмные до этого пятна советской истории стали предметами изучения и анализа.

То, о чём раньше краеведы только смутно догадывались, стало объектом истории. Цензуры не стало, никто не сдерживал интересы исследователей. И мы ринулись в архивы, в закрытые фонды музеев, в библиотеки. Так, в годы перестройки появились мои первые статьи по запрещенным ранее проблемам: в 1988 году в «Полярной правде» был опубликован большой материал «Раскулаченные на Мурмане», в 1989 году – «Заключённые на Севере», в 1990 году – «Волна репрессий среди рыбаков Мурманска» (в «Рыбном Мурмане») и «Репрессии на флоте» (в газете «На страже Заполярья»). А в 1992 году я дал большую серию статей (более десятка) под общим названием «ГУЛАГ на Мурмане: история тюрем, лагерей, колоний» в газете «Советский Мурман» (так тогда назывался «Мурманский вестник»). На следующий год (в марте 1993 года) эта тема получила своё продолжение. Одновременно были опубликованы в разных газетах мои статьи о репрессиях в Ловозёрском и Терском районах, о депортациях на Кольском полуострове и т.д.

Но последующие события ельцинской эпохи, экономические катаклизмы и завершающий этап реабилитации как-то отодвинули тему ГУЛАГа в дальний угол, я занялся другими проблемами местной истории (история Мурманска: в 1996 году ему исполнилось 80 лет; история Великой Отечественной войны на севере – тоже в связи с юбилеем). Одновременно я стал писать книгу о Мурманской области в связи с 70-летним юбилеем. Книга получилась отчётно-праздничной, в целом позитивной – чего добились мурманчане за истёкшие семь десятилетий.

¹ Молчит, но кричит (Цицерон).

И в это же время мне поступило предложение вернуться к газетным очеркам 80–90-х годов прошлого века о тёмных сторонах жизни Заполярья, вспомнить, что я писал в годы перестройки и гласности о лагерях и тюрьмах, о репрессированных и депортированных, о невинно пострадавших мурманчанах.

Мне показалось, что публикация тех газетных статей 1988–1993 годов в одном месте, под одной обложкой – стоящее дело.

Во-первых, многим читателям и краеведам, особенно на периферии, сейчас уже трудно найти областные газеты 15–20-летней давности.

Во-вторых, материалы о репрессиях печатались в разных издательствах, в разных газетах, что ещё больше осложняет их поиск. А предлагаемое издание позволяет вспомнить и эту эпоху XX века во всём её неприглядном виде, и (это, пожалуй, главное) людей, пострадавших от тоталитаризма, культа личности, командно-административной системы, произвола и политического строя.

Я ничего не стал менять принципиально в тех статьях: ни заголовков, ни содержания. Это чистый срез мировоззрения автора, его ощущений в период провозглашения гласности и больших надежд. Так ощущалась эпоха в тот переходный период развития общества.

Пусть эта книга о тёмной стороне жизни советского общества в 30–50-е годы XX века дополнит другие опусы (более светлые и радостные) о многогранной и богатой событиями истории Мурманской области.

Я делал этот материал в нескольких ракурсах. Во-первых, на фоне всей страны, в рамках всего ГУЛАГа НКВД СССР; во-вторых, в региональном плане – о Русском Севере; в-третьих, на материалах Мурманской области, Кольского полуострова.

При этом более или менее объективные документы общен исторического плана дополнялись субъективными воспоминаниями очевидцев и личными штрихами. Ведь многое из того, что описано в этих очерках, происходило на моих глазах. И все эти проблемы я анализирую с трёх позиций: как преподаватель отечественной истории вуза, как исследователь-краевед, как очевидец и свидетель. Как известно, человеку свойственно вспоминать только хорошее, а мне захотелось в целях восстановления истины рассказать и о том страшном времени, что пережили тысячи репрессированных мурманчан. Ведь пострадавших в сталинское время людей становится всё меньше, тёмные страницы нашей истории уходят в прошлое. Но забывать всё, что происходило в 30–50-е годы XX века, мы не имеем права.

Как писал 25 мая 2007 года в «Российской газете» известный политолог А. Ципко, «все нынешние свободы, которыми мы сегодня пользуемся, – и свобода совести, и свобода собраний, и свобода от цензуры, и свобода от руководящей роли КПСС, – нами получены в годы перестройки.

...Не надо ворошить прошлое, сводить с ним счёты, но не надо и создавать мифы, оскорбляющие разум и чувство собственного достоинства».

Другой видный общественный деятель нашего времени кинорежиссёр Н.Н. Досталь, снявший фильм о Варлааме Шаламове и собирающийся снять кино о Кандалакше в период сталинских репрессий (сценарий нашего земляка Михаила Кураева) летом 2007 года, говорил: «Мы всё ещё не готовы взглянуть в лицо своего прошлого. Речь даже не о покаянии, но хотя бы об осмыслении того, что с нами произошло, что мы сделали сами с собой. Отсутствие этого осмысления отбрасывает какую-то мрачную тень на наше настоящее и будущее. Вы посмотрите: мы исполняем старый сталинский гимн, лишь слегка подновлённый. Это же трагифарс, когда Ельцина, отменившего этот гимн, хоронят под его звуки».

И ещё один немаловажный момент.

Ведь многие из нынешних руководителей северных территорий – как политические, так и хозяйственные и коммерческие – вышли из тех семей, что входили в орбиту ГУЛАГа. Эти люди, как и представители так называемых силовых министерств, вовсе не заинтересованы в изучении глубинных процессов развития общества. Сын не хочет отвечать за действия своего отца. И это понятно: история повторяется...

Тема «ГУЛАГ на Мурмане» полностью пока не раскрыта, многие аспекты проблемы остаются за пределами и этой книги. Даже на вопрос, сколько же северян подверглось политическим репрессиям? – пока нет точного ответа. Комиссия по правам человека Мурманской области, куда ежегодно обращаются более сотни человек, в 2005 году сообщала, что в Книге Памяти, изданной в Мурманске, упомянуто около 30 000 репрессированных и что туда вошли данные о 9 680 пострадавших семьях.

Автор понимает, что сделаны лишь первые по изучению проблемы сталинских репрессий в одном отдельно взятом регионе России. Можно развить такие темы, как «Мурман и Соловки», «Беломорканал и Кольский полуостров», «Заключённые в Арктике». Можно было бы полнее проанализировать положение с лагерями в восточной части Европейского Севера России, в Коми крае. Но мы не стали этого делать по двум причинам: во-первых, для этого потребуется ещё, по крайней мере, столько же времени, сколько ушло на наше повествование; во-вторых, тот район (Печора, Ухта, Воркута) изучается учёными Коми республики, Москвы и Санкт-Петербурга.

Да и общие вопросы создания пенитенциарной системы в СССР не до конца исследованы. А ведь концлагеря в Советской России были организованы ещё осенью 1918 года по постановлению СНК РСФСР от 5 сентября¹. А одно из первых свидетельств о ГУЛАГе в зарубежной прессе появилось в 1924 году, в пражском журнале «Воля России» (№ 16 и 17).

¹ Декреты Советской власти. – М., 1964. – Т. 3. – С. 291.

А сколько неясностей и несуразностей в биографиях тех или иных репрессированных! Вот только один – почти классический пример. 3 ноября 1958 года родственникам отца Павла Флоренского, по словам А.Г. Фаворского, «гениального безработного, мужественного философа, математика и богослова», работавшего на Соловках санитаром, сообщили, что он умер 15 декабря 1943 года. А 24 ноября 1989 года было «сделано уточнение»: Флоренский расстрелян 8 декабря 1937 года. И так было сплошь и рядом и у нас, на Мурмане.

И теперь нам надо не только раскаиваться о содеянном, не только говорить о всепрощении, но и исправлять те места, что изложены были до сего времени неверно или неточно, восстанавливать историческую истину. Вот для этого мы и издаём эту книгу, написанную на архивных материалах и свидетельствах очевидцев.

В этот сборник включены мои статьи из периодической печати 1980–1990-х годов. За исключением ошибок и опечаток мы не меняли в этих текстах ничего, поэтому сразу хотим предупредить читателя, что в некоторых местах могут встречаться повторы. Но эта книга – не цельная монография, не исторический очерк, а сборник статей, представленных в таком виде, в каком они увидели свет впервые. Автор себе позволил разве что сгруппировать эти статьи в определенной последовательности.

В заключение я хотел бы поблагодарить всех, кто помогал мне в работе над книгой. Это архивисты Татьяна Геннадьевна Солодухина, Вера Васильевна Зайцева, Екатерина Михайловна Боева, библиотекари краеведческого отдела Областной библиотеки во главе с Е.Р. Михайловой, студенты СГФ МГПУ братья Алёхины, Иван Алексеев, Татьяна Носкова, Иван Телелейкин, аспирант Дмитрий Фокин и др.

Особую благодарность я выражаю ректору МГПУ профессору Р.И. Трипольскому, проректору МГПУ профессору А.М. Сергееву и начальнику научного отдела МГПУ доценту П.В. Фёдорову, без поддержки которых этот труд так бы и не увидел свет.

30 октября 2007 г.

В день памяти жертв политических репрессий.

ГУЛАГ НА МУРМАНЕ: ИСТОРИЯ ТЮРЕМ, ЛАГЕРЕЙ, КОЛОНИЙ

До конца 80-х годов XX века тема советских тюрем, исправительно-трудовых колоний, лагерей и иных мест заключения была в СССР закрытой. В краеведческих книгах и статьях сотрудники Главлита (так называлась «законспирированная» советская цензура) тщательно вычеркивали все, что хоть косвенно касалось зэков, спецпереселенцев, раскулаченных и сосланных. Вот почему иногда звучащие сейчас обвинения в адрес историков и краеведов якобы в замалчивании этих страниц истории страны представляются несостоятельными.

Как только наступила относительная свобода слова и появилась возможность обнародовать накопленный материал, в областных газетах был опубликован ряд материалов, в том числе – в январе 1989 года – моя большая статья «Заключенные на Севере».

За прошедшие с того времени годы обнаружилось немало новых фактов на эту значимую общероссийскую и краеведческую тему, которые мы и попытаемся изложить читателю. Нужно сразу оговориться, что абсолютно достоверных сведений, подтвержденных документальными источниками из архивов НКВД и КГБ, и сейчас немного, во всяком случае меньше, чем хотелось бы. Поэтому часто придется прибегать к выражениям: «наверное», «по-видимому», «возможно», «может быть».

И еще одно. Нам хотелось бы удержаться на позициях объективности, поэтому весь сомнительный материал мы оставим вне повествования. Для того чтобы яснее были некоторые вопросы, особенно когда речь заходит о количественных характеристиках, мы, помимо местного материала, используем сводные данные в целом по территории бывшего СССР.

Начиналось с застенков, погребов, острогов...

Преступники (государственные, политические, уголовные, религиозные и иные) были, есть и, наверное, будут в любом обществе. И тюрьмы или иные места заключения как средство и место наказания разного рода преступников существовали и существуют в любом государстве. Были они издавна и на Руси: уже в правовых актах XII и XIII веков говорится о заключении в застенки, подземелья, погреба или порубы, когда виновных, а часто и невиновных, заковывали в кандалы. О тюремном заключении говорилось в судебнике времен Ивана Грозного (1550 год), а Уложение 1649 года предусматривало тюремное заключение уже в 40 случаях.

Число тюрем в России росло с каждым новым царем, а количество заключенных увеличивалось пропорционально росту населения. Наверное, не зря исследователю этой проблемы М.Н. Гернету потребовались пять томов, чтобы создать «Историю царских тюрем» (последнее издание вы-

шло в 1960–1963 годы).

Само слово «тюрьма» в справочниках трактуется по-разному. По словарю В.И. Даля, это острог, темница, место заключения преступников или подсудимых, узников. Он упоминал такие типы тюрем, как долговая, каторжная, военная (каземат). Приводил и поговорку: «От сумы да от тюрьмы не отрекайся».

В энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (т. 67, 1902 г. изд.) понятие «тюрьма» производится от немецкого слова *Thurm* – «башня»: изолированное от внешнего мира и охраняемое стражею здание для принудительного содержания лиц, подлежащих заключению по приговорам судов или по распоряжениям административной власти. В этом источнике указано 14 видов тюрем, кроме вышеназванных там упоминаются еще пересыльные, женские, для несовершеннолетних, для пленных и др.

В третьем источнике мы нашли еще одну версию: слово «тюрьма» тюркского происхождения: темница, заточение. Как настоящие учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы они вошли в историю с XIV века. Британская энциклопедия считает, что первая настоящая мужская тюрьма в Европе появилась в 1595 году в Голландии (Цухтхауз). Что же касается России, то хотя мы и называем ее «тюрьмой народов», число арестантов в ней никогда не было большим. Так, на 1 января 1900 года, в российских тюрьмах находилось всего 90 тысяч узников, в т.ч. 65,4 тысячи – в общих, 9,7 – в исправительно-арестантских, 4,6 – в пересыльных, 4,2 тысячи – в каторжных.

Известно также, что эти «казенные дома» раньше пользовались другой, нежели сейчас, славой. Когда в 1913 году в знаменитой Бутырской тюрьме был объявлен конкурс на замещение должности надзирателя (по нынешней терминологии – контролера), на это место претендовало ни много ни мало 103 человека. Такой вот был конкурс...

Когда же в России утверждалась Советская власть и из старых тюрем выпустили всех заключенных, большевики во главе с В.И. Лениным и Ф.Э. Дзержинским стали искать новые пути борьбы с преступниками. Поначалу преобладали либеральные веяния. Так, Ленин в 1919 году определил такие приоритеты в наказаниях: больший процент условного осуждения, общественного порицания, замена лишения свободы общественным трудом с проживанием на дому, замена тюрьмы воспитательными учреждениями, введение товарищеских судов.

В проекте первого советского исправительно-трудового кодекса было записано: «Режим в трудовых колониях... должен приближаться к условиям работы и распорядка в соответствующих хозяйственных организациях для свободных граждан».

Однако обнаружились и другие тенденции – более суровые и жесткие. Их выразителем был Л.Д. Троцкий, который заявлял, что «враждебные государству элементы должны направляться в массовом порядке на

объекты строительства пролетарского государства». А «Известия ВЦИКа» 14 октября 1921 года на первой странице опубликовали статью некоего А. Кудрина «Концентрационные лагеря», в которой шла речь, как рациональнее использовать труд заключенных. До настоящих концлагерей дело тогда не дошло, но система учреждений мест заключения стала складываться по-новому. Вновь стали наполняться уже новыми преступниками тюрьмы. Они стали функционировать как один из видов исправительно-трудовых учреждений с двумя типами режимов: общим и строгим.

20 мая 1930 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о мерах так называемой «социальной защиты». Их было четырнадцать, главными были:

1. Объявление врагом трудящихся с лишением гражданских прав.
2. Лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях.
3. Лишение свободы в общих местах заключения.
4. Принудительные работы без лишения свободы.
5. Поражение политических и отдельных гражданских прав.

В тот же день было внесено изменение в 46-ю статью Исправительно-трудового Кодекса. Пункт «А» в ней стал звучать так:

«Учреждения для применения мер социальной защиты исправительно-трудового характера:

- 1) Исправительно-трудовые лагеря;
- 2) Дома заключенных для осужденных к лишению свободы;
- 3) Трудовые колонии открытого и закрытого типов».

Если полистать последний юридический энциклопедический словарь, можно обнаружить, что в современном лексиконе правоведов нет понятий «лагерь» и «концлагерь», а про исправительно-трудовую колонию сказано так: «Основной вид исправительно-трудового учреждения. ИТК есть общего, усиленного, строгого и особого режима. Кроме того, есть колонии-поселения трех видов».

Все это мы вспомнили для того, чтобы точнее оперировать понятиями, когда перейдем к конкретному материалу. Попутно заметим еще две существенные детали.

Во-первых, в течение советской истории мест заключения (1923–1953 годы) наблюдалась, образно говоря, их «концентрация». Так, если в начале 20-х годов на одно учреждение ГУМЗ (Главное управление мест заключения) НКВД приходилось в среднем 220 человек (сентябрь 1923 года: 355 ИТУ и 80 тысяч зэков), а в конце 20-х – более 600 (май 1930 года: 279 ИТУ и 171 тысяча зэков), то в 30-е годы картина резко меняется: число заключенных во многих ИТЛ составляло уже от 2 до 5 тысяч человек.

И во-вторых, СССР шел своим «особым путем» в исправлении, да и в наказании преступников. Более того, наше государство игнорировало одобренный Лигой Наций в 1934 году первый свод международных правил обращения с заключенными...

От ардома до исправдома

Тюрьмы как средство и место наказания преступников появились на Кольском полуострове сравнительно недавно. Дело в том, что людей, явно нарушавших закон, на Севере было немного, его в этом отношении ограждали малолюдность, отдаленность и приграничность. Даже в конце XIX века здесь жило всего около десяти тысяч человек. Провинившихся, как правило, сажали в холодную избу под присмотр станового пристава. Ну а потом, если нужно было, отправляли в тюрьму Архангельска, бывшего тогда губернским центром. Первая настоящая камера для содержания арестантов на Кольском полуострове появилась лишь в 1899 году в новом уездном центре – Александровске. Но и она большую часть года пустовала.

Проблема борьбы с преступностью на Мурмане встала всерьез только в период строительства Мурманской железной дороги и в годы Первой мировой войны. Тогда-то и появились первые места заключения в Мурманске: тюрьма в тридцатом бараке для «цивильных» и гауптвахта для военнослужащих. Когда пришли интервенты (англичане, французы, американцы), эти учреждения, в том числе и знаменитая «тридцатка», стали использоваться ими.

В этот период в регионе насчитывалось двенадцать тюрем. Ими назывались и бараки с дезертирами, и огороженные колючей проволокой лагеря военнопленных, и даже линейный корабль «Чесма», превращенный англичанами в плавучий каземат.

У белогвардейцев периода Гражданской войны на Севере появились свои тюрьмы. Самой страшной из них была Иокангская. Слава богу, что она функционировала недолго – с осени 1919 по февраль 1920 годов. Но и за этот короткий период в Иоканге «стараниями» надзирателя Судакова погибло несколько сот каторжников.

Когда в 1920 году на Мурмане вновь утвердились Советы, Иокангская тюрьма, как и ряд других – в Печенге, в Александровске, на Торос-острове, – были ликвидированы, а Мурманская стала служить новой власти.

Что собой представляла первая советская тюрьма у нас в Заполярье, мы можем судить по воспоминаниям бывшего министра белогвардейского правительства Северной области Бориса Соколова (он был арестован после падения режима Е.К. Миллера в Архангельске, затем привезен в Мурманск). Так вот господин министр, очутившись впоследствии на свободе в Европе, вспоминал: «Наконец нас привели к низкому деревянному зданию – тюрьме. Здесь, после тщательного обыска и избиения некоторых... нас ввели в общую камеру. В помещении, едва ли предназначенном больше чем на двадцать человек, мы нашли около сотни раньше нас арестованных. В этой камере была вся высшая администрация Мурманского края, арестованная в первые же дни переворота. Между ними был начальник

края Ермолов, сенатор Виноградский, много военных, а также и ряд местных интеллигентов».

Про нравы и порядки, царящие в Мурманской тюрьме 1920 году, Б. Соколов писал так: «...Помимо скученности нашей камеры, плохого питания было организованное и тщательно продуманное издевательство. Всех нас заставляли в центре города производить самую грязную и утомительную работу. Чистить отхожие места, пилить огромные бревна, причем на это собирался весь большевистский город... Мы все спали на грязном полу. Изобилие паразитов. Невыносимо спертый воздух, запах парашаи».

Потом всех арестантов-белогвардейцев и им сочувствующих отправили на юг: кого – в Петрозаводск, кого – в Петроград, а некоторых – в Москву. И несколько месяцев тюрьма пустовала. Но потом пошли «советские преступники»: воры, грабители, жулики, торговые махинаторы, самогонщики, хулиганы всех мастей. Особенно много людей сидели за кражи, хищения государственного имущества и дезертирство из Красной Армии.

Тюрьма тогда называлась арестным домом (сокращенно – ардом), подчинялась карательному отделу Мурманского губисполкома (им заведовал с сентября 1921 года И.Е. Хохлов). На запрос губчека в декабре 1921 года карательный отдел отвечал: «Политических заключенных в местах заключения г. Мурманска нет».

В начале 1922 года Мурманский арестный дом стал подчиняться исправительно-трудовому подотделу отдела юстиции губисполкома. Вот тогда вместо ардома появилось новое название советских тюрем – исправдом. Штат исправдома насчитывал в 1922 году 34 человека, в том числе 14 человек караульной команды, 6 ключников, 2 наблюдателя. Число же заключенных колебалось: после амнистии в честь пятилетия революции их было 30, а в декабре этого же 1922 года осталось еще меньше – 14 человек. Но свято место пусто не бывает, и тюрьма постепенно наполнялась.

Мурманский исправдом не отличался чистотой и порядком. Врач по фамилии Александровский в декабре 1922 года был вынужден составить акт об антисанитарном состоянии исправдома. В документе отмечались скученность (вместо 25 арестантов порой сидело 50–60), отсутствие бани, белья, обмундирования и т.д.

А число преступлений все годы нэпа росло. Почти в каждом номере губернской (потом – окружной) газеты писали либо о грабежах и изнасиловании, либо о драках с поножовщиной. А уж растраты, воровство и мошенничество были явлением обычным. Камеры предварительного заключения (КПЗ) не пустовали ни днем, ни ночью. Воров сменяли хулиганы, проститутки – торговки краденым и самогонщицы.

Но годы нэпа были периодом поиска не только путей экономического развития страны, но и решения других государственных проблем, в том числе и правоохранных. В обиходе была тогда такая мера наказания, как лишение политических прав. Вот информация из «Полярной правды»

от 23 декабря 1924 года: «Список лиц, лишенных избирательных прав по г. Мурманску, согласно ст.ст. 23 и 65 Конституции РСФСР:

- 1) Кирилов, техник пути, бывший офицер.
- 2) Бодягин, рабочий службы пути, осужден за кражу, освобожден до срока.
- 3) Фарламов, счетовод телеграфа, бывший служащий жандармского корпуса в Петрозаводске.
- 4) Фролов Федор, б. полковник, два раза судился за хищения из вагонов.
- 5) Иванов Михаил, активный член партии кадетов».

Такого рода «лишенцев» было много. Но в тюрьму (вернее, домзак, а потом исправдом) их тогда не сажали.

Однако в конце 20-х годов на Кольский полуостров пришла новая волна преступности, тесно связанная с пьянством и алкоголизмом. Тюрма (будем называть ее все-таки по-старому) после амнистий в связи с завершением Гражданской войны, смертью Ленина и 10-летием Советской власти вновь стала наполняться преступным людом. Правда, идеи Ф.Э. Дзержинского о «перековке» и перевоспитании зэков еще были живы. Окружная газета, к примеру, 27 декабря 1929 года опубликовала любопытную заметку «Мастерская заключенных». В ней говорилось, что в исправдоме работает обувная мастерская (5 сапожников), имеющая много заказов, ибо мурманчан привлекают дешевые цены и хорошее качество сшитой и отремонтированной обуви. Далее газета сообщала, что исправдом планирует открыть слесарную и жестяную мастерские. На этом, пожалуй, и заканчивается первая – и в основном безоблачная – страница истории Мурманской тюрьмы.

СЛОН и Мурман

СЛОН – это Соловецкий лагерь особого назначения. Он был создан в 1923 году на базе трех северных лагерей – Архангельского, Холмогорского и Пертоминского. В его истории четко прослеживаются три этапа: первый – с 1923 по 1929 годы, когда на Соловки ссылали дворян и аристократов, интеллигентов и церковников; второй – с 1930 по 1936, когда контингент заключенных расширился за счет вредителей-инженеров и раскулаченных крестьян, троцкистов и зиновьевцев; третий, заключительный этап был самым коротким (1937–1939 годы), в эти годы СЛОН превратился в СТОН (Соловецкая тюрьма особого назначения).

В каждый отрезок времени в Соловках были свои начальники, свои нравы и традиции. Мурманчане, побывавшие на Соловках в 20-е годы, вспоминали чекистов А.П. Ногтева, Ф.И. Эйхманса, Д. Успенского, Васькова, Зарина, которые, будучи винтиками в государственной машине репрессий, возглавляли «перековку» тысяч заключенных. Среди последних

здесь были социально опасные элементы и казры (контрреволюционеры), церковники и бандиты, бывшие полковники и валютчики, артисты и аферисты, рецидивисты и растратчики, писатели и хулиганье, философы и шантажисты, профессора и проститутки-«пампушечки».

Вначале (в пору «демократического перевоспитания» – это в середине 20-х годов) уголовников держали отдельно, в Соловецком кремле: тут и стены каменные, и кельи большие, и сторожить легче. А политические размещались в трех скитах. Но потом все перемешалось: часть политических вывезли в политизоляторы на восток, а вместо них на пароходах доставили новые сотни «уроку».

Пересыльные лагеря поблизости от Соловков (в Кеми – Кемперпункт, Архангельске и других местах) тоже были забиты. Здесь встречали и провожали словами: «Входящий – не грусти, уходящий – не радуйся». На воротах главного лагеря в Соловках долгое время висел лозунг двадцатых годов: «Через труд – к освобождению!». Все три колонны зэков, поселенные в Кремле, видели этот афоризм дважды в день: уходя на работу и возвращаясь на ночь. А в лагерьной столовой был оформлен щит с таким стихом:

Чтобы другим ты снова стал,
Тебя трудлаг перековал!
Перевернул земли ты груды
И ешь заслуженно премблюда!

Ну а после работы и столовой (премблюда – это премиальное блюдо) в кельях-казармах, или бараках-общежитиях, начиналась своя жизнь: разговоры и разборки, игра в карты и сведение счетов, поиски съестного и воровство, мат и насилие. На двух- и трехэтажных нарах вплоть до отбоя копошились усталые и большей частью безропотные, забитые люди: кто-то сушил своим телом промокшие портянки, кто-то вел тихие разговоры с ближайшим соседом, а кто-то (их звали «науходоносоры») вслушивался, собирал информацию, чтобы утром донести куда следует.

Такая «идиллия» закончилась в конце 20-х – начале 30-х годов, когда основную массу заключенных СЛОНа (всего там было вроде бы около 60 тысяч) перебросили на строительство Беломорско-Балтийского канала.

Мы коснулись истории СЛОНа прежде всего потому, что Соловки были связаны с Мурманом давними и разносторонними контактами. В средние века Соловецкий монастырь, наряду с дружинами новгородских бояр и московских князей, вел колонизацию Кольского полуострова. В конце XIX века на островах расположилась биологическая станция, которая вела изучение не только Белого, но и Баренцева моря. (Там начинал свою карьеру Н.М. Книпович.) В 1899 году биологи перебазировались в только что построенный Александровск (Полярный). Соловецкие монахи не забывали свою мурманскую паству и в начале нынешнего века.

Когда при Советах монастырь закрыли, а кельи превратили в тюремные камеры, их «хозяевами» стали многие мурманчане. В пору существования СЛОНа здесь издавался журнал «Соловецкие острова», который доходил и до библиотек Мурманской губернии. Одно время выходила газета «Новые Соловки» (печаталась с 1925 года). У одного бывшего заключенного я видел приложения к этой газете: «Соловецкий безбожник» и даже «Соловецкий крокодил».

Среди узников Соловецких лагерей было много ученых и инженеров, они работали над проблемами освоения природных богатств Севера, выполняли проектные и иные работы для Мурманской железной дороги, а профессор П.А. Флоренский, например, занимался проблемой добычи йода из морских водорослей, сконструировал необходимые для этого приспособления, разработал технологию, которая использовалась и на острове Кильдин.

Связь Мурманска с Соловками не прекратилась и после ликвидации СЛОНа в 1939 году. В войну здесь, на архипелаге, располагалась школа юнг Северного флота, откуда поступало пополнение специалистов-моряков. В память об этом на Соловках остались две улицы, созвучные мурманским – имени Ивана Сивко и Саши Ковалева.

Ныне же Соловки привлекают многих своеобразной природой, богатой и славной (хотя в ней есть и черные страницы) историей, церковно-монастырским ренессансом, архитектурой Кремля и скита. Каждое лето из Мурманска идут туда туристские теплоходы (в свое время вокруг Кольского полуострова ходил товарно-пассажирский пароход «Соловки»). Кстати говоря, в состав Мурманского пароходства когда-то входил пароход «Онега», до революции принадлежавший Соловецкому монастырю (тогда это судно звали «Любовь»).

Связь между Соловками и Мурманом в 30-е годы была двусторонней. С одной стороны, на Соловки этапировались люди, осужденные на Кольском полуострове (в 20-е годы среди них было много китайцев из Мурманска – при посещении музея Соловецких лагерей я обнаружил фамилии двух «наших» китайцев – Тянь-Сучан и Хун Тайфу, а также священнослужителей из Кольских приходов). Как вспоминали очевидцы, среди соловецких ээков было много поморов и рыбаков – их на архипелаге использовали по прямому назначению: они ловили беломорскую селедочку.

С другой стороны, с 1929 года колонны соловецких узников строили на полуострове дороги, в частности в Хибинах. Как сообщал в газете «Котлован» А. Матвеев, в Хибинны были переброшены заключенные 6-го отделения УСЛОНа: «Они работали круглые сутки в три смены, вручную перелопатив 300 тысяч кубометров грунта. Многие умерли, не выдержав рабских условий труда, других унесли эпидемии тифа, туберкулеза, цинги. Могилы “услоновцев” – первые братские могилы в Хибинах».

Цифру объемов «перелопаченной земли» А. Матвеев позаимствовал у А.И. Солженицына, который в «Архипелаге ГУЛАГ» со ссылкой на журнал «Соловецкие острова» писал: «С большими трудностями провели грунтовую дорогу по долине реки Белой, по берегу озера Вудъявр до горы Кукисвумчорр (Апатиты) на протяжении 27 километров, устилая болота бревнами и песчаными насыпями, выравнивая капризные рельефы осыпающихся склонов каменистых гор... Затем УСЛОН построил там и железную дорогу – 11 километров за один зимний месяц...».

Принимая на веру и объемы выполненных зэками работ, и сроки их исполнения, мы не можем согласиться с Александром Исаевичем лишь в таком утверждении: «Во всех точках Мурманской железной дороги от Лодейного Поля до Тайболы к 1929 году уже появились лагерные пункты СЛОНа». Нет, их в двадцатые годы на Кольском полуострове еще не было. Но к этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас от Соловков перейдем к Беломорканалу.

«ББК»

Как-то я уже вспоминал, что в детские годы (а это было в Мончегорске до Второй мировой войны) считал аббревиатуру ББК общей кличкой арестантов.

Заклученные группами по 50–100 человек работали на погрузке леса, мостили дороги, копали фундаменты. И «вольные» звали их не зэками, как сейчас, а «бэбэка», т.е. прибывшими со стройки Беломорско-Балтийского канала.

История связи ББК и Мурмана началась еще в годы первой пятилетки. Когда Сталину пришла мысль связать водным путем Белое и Балтийское моря, он в первую очередь думал не об укреплении обороноспособности СССР (какая же от канала польза, если по нему даже миноносцы не могли проходить, не освободившись от вооружения; к тому же полгода канал был подо льдом), а как с наибольшей эффективностью использовать сотни тысяч людей, попавших в разряд «раскулаченных» и «врагов народа». И вдруг (в планах пятилетки об этом ничего не говорилось) появилось решение – строить канал длиной 227 километров, помочь индустриализации Карело-Мурманского края (тогда проблемы Карелии и Мурмана рассматривались вместе, комплексно).

Вначале на Беломорканале были только уголовники. Но работали они плохо, непроизводительно. Тогда сюда стали присылать «социально вредных» и раскулаченных, а затем и осужденных по знаменитой 58-й статье (контрреволюция). По подсчётам карельского краеведа И.И. Чухина, в 1932 году таких было уже около 60 тысяч. А всего, как утверждал тот же Чухин, «через систему лагерей СЛОН – ББЛ – ББК прошло с 1923 по 1941 годы около 700 000 человек».

Среди них было немало и мурманчан. Были наши земляки и в Сороклаге (строили порт), и в Сегежлаге (ЦБК), и в Пудожлаге (рудники). Мурманчан лагерное начальство пыталось привлечь «ударным питанием», зачетной системой (один день высокопроизводительного труда за два дня срока). Действовали круговая порука (весь барак отвечал за поведение каждого зэка) и самоохрана. Как вспоминал инженер Д. Витковский, на ББК при невыполнении нормы давали лишь 300 граммов хлеба, тогда как выполнивший норму на сто процентов получал до килограмма.

В начале в Белбалтлаге было 9 отделений по 10–15 тысяч зэков в каждом. В центральных поселках отделений располагались управление, радиоузел, лазарет, РУР (рота усиленного режима), кладбище, где хоронили умерших. На объектах строительства создавались лагпункты, а еще дальше (на лесозаготовках, на дальних участках) – так называемые «командировки». В управлении были конторы (части): производственно-техническая, учетно-распределительная, культурно-воспитательная, финансовая, проектная и т.д.

Заклученных в ББЛ (Беломорско-Балтийских лагерях) вскоре стало так много, что им не хватало работы на узкой ленте канала. И их стали сдавать в «аренду» другим организациям. Так они появились в Хибинах, потом на Нивастрое и даже у геологов. Что они там делали? Все, что нужно было подрядчикам: на предприятиях треста «Апатит» прокладывали дороги, валили лес, строили бараки; на строительстве НиваГЭС-2 рыли канал, тянули дорогу к Кандалакше; в геологических партиях копали канавы, шурфы, переносили грузы, сооружали поселки.

Вот воспоминание заключенного Кириченко: «Приезжаем на разъезд Мурманской железной дороги. С этапом следовало 900 человек. Три дня отдохнули. 27 мая дали работу: очищать мох от камней. Стоим мы у камней, работать охота, а трудно. Стоит перед нами непроходимая двенадцатиметровая сосна, скала, гранит и диабаз.

Ну, очистили, ну, подошли к скальным работам, уже многое обсудив. Ну, стали мы разбивать и вывозить эту гранитную скалу тачками, за сто метров прочь. А вокруг меня крестьяне, они скалу не знают, как ее брать. Поручают каждому два кубометра скалы разбить и вывезти тачкой, нам, как новичкам, совершить половину этого, то есть один кубометр, и будет это считаться за 100 процентов. Но и этого мы не могли сделать, хотя и работали с полным напряжением...».

Один из таких лагерей находился на западной стороне Кольского залива, в районе Мишуково. Там находились каналоармейцы (10-е отделение ББК), туда же посылали «подкрепления» из Мурманска. Мурманчанка Пульхерия Степановна Коношенко как-то рассказывала, как мать брала ее, тогда еще маленькую девочку, на свидания с отцом, сидевшим в этом лагере: зэки добывали железную руду, которую отправляли на испытания в Ленинград.

Но основная масса мурманчан об этом лагере ББК и не догадывалась. О нем не говорили и не писали, хотя геологоразведочными и горными работами здесь интересовались в высших сферах страны. «Полярная правда» 10 июня 1932 года писала, что вчера, т.е. 9 июня, С.М. Киров вместе с «полномочным представителем ОГПУ при Ленинградском военном округе тов. Медведем» прибыл в Мурманск. Они сразу же направились на моторном катере к месту разработок железных руд Кольского фиорда, находящихся в районе Лавны и Киевараки.

Многие удивлялись: ОГПУ-то тут при чем? И только много позже все стало ясно: разработки железных руд вел ГУЛАГ (потом нашли богатые руды у ст. Оленьей, и Мишуковское месторождение бедных руд забросили, а лагерь «свернули»).

Управление лагерей Беломорского канала вело на Кольском полуострове самые разнообразные работы и после сдачи ББК в строй. Самой большой стройкой того времени было сооружение Нижнетуломской гидростанции, куда были присланы зэки со строительства шлюзов Беломорканала (об этой стройке – чуть позже).

Важной стройкой ББК в 1935–1936 годах было также сооружение железной дороги к Мончегорску, где работали зэки 14-го отделения Беломорлага (начальник Рубцов). Чуть позже заключенные стали тянуть железную дорогу к востоку от Кировска и строить магистраль Котлас – Воркута. Мурманчанин А. Еремин, откликнувшийся на нашу первую публикацию о лагерях, писал, что строительство железной дороги Котлас – Воркута было «похлеще Беломорканала».

Был еще один объект использования заключенных Беломорлага, а потом Коллага, на территории Кольского полуострова – военное строительство. Зэки сооружали военно-морские объекты на Торос-острове, в Сайда-губе, в Порт-Владимире, на Рыбачьем.

Когда начинали Беломорканал, чекисты боялись, что заключенные попытаются воспользоваться близостью границы с капиталистическим миром. Да, кое-кто бежал. И некоторые даже удачно. Но все же это были единицы. Система охраны и внутренней слежки (на каждую сотню зэков приходилось 8 стукачей) была так хорошо отработана, что руководство ГУЛАГа стало использовать заключенных и рядом с границей. Тем паче, что НКВД было выгоднее иметь дела с наркоматом обороны, чем с наркоматом тяжелой промышленности.

Разберемся с цифрами

После знакомства советских читателей с трудами А.И. Солженицына, С.Н. Мельгунова, Р.А. Медведева, А.Д. Сахарова, А.Н. Рыбакова, Роберта Конквеста и других авторов о терроре, репрессиях и системе ГУЛАГа в СССР, все мы какос-то время были в шоке: «Как же так? И мы

ничего не знали?». Потом удивление сменилось сомнением: «А не завышены ли цифры? А что говорят архивы?». Так, по мнению А.И. Солженицына и А.В. Антонова-Овсеенко, на Беломорканале было «триста тысяч замученных»¹. А что касалось общих цифр репрессированных в СССР, то назывались десятки миллионов.

Тот же А.В. Антонов-Овсеенко, ссылаясь на Н. Хрущева, А. Шелепина и А. Кузнецова, утверждал, что только с января 1935 по июнь 1941 года в СССР было репрессировано 19 миллионов 840 тысяч человек, и добавлял: «Из них в первый же после ареста год казнены и погибли под пытками 7 миллионов». Что же касается заключенных, то Антонов-Овсеенко в книге «Портрет тирана», изданной в 1980 году за рубежом, называл цифру 16 миллионов (якобы по учету пайкодач).

Насколько все это правдоподобно, как выглядит на самом деле? Откуда появились эти громадные цифры?

Чтобы разобраться, следует, прежде всего, уточнить термин «репрессированные». Ведь в эту категорию входили не только заключенные (грубо говоря, арестанты), но и ссыльные (спецпоселенцы, трудпоселенцы, социально вредные элементы, «националисты», раскулаченные и т.д.). К репрессированным относились и условно осужденные, и лишённые избирательных прав, и переселенные (депортированные) народы (от немцев Поволжья до татар Крыма). И, наверное, всех их под одну крышу ГУЛАГа помещать не стоит.

Потом вся эта масса обиженных системой и законом (а точнее, беззаконием) людей была в постоянном движении: одни получали освобождение, другие – добавку, третьи после лагеря шли на поселение, четвертые реабилитировались, пятые восстанавливались в избирательных правах, шестые возвращались домой, седьмые умирали. И точно зафиксировать каждую группу репрессированных очень сложно.

Но вот как это выглядело в целом по стране по архивным источникам НКВД-МВД.

В сентябре 1923 года в Главном управлении мест заключения НКВД, как мы уже упоминали вначале, было 355 учреждений подобного типа, где содержалось 79 947 заключенных. К маю 1930 года НКВД РСФСР имел 279 учреждений, где отбывал наказание уже 171 251 зэк.

В 1931 году появляется Главное управление лагерями – знаменитый ГУЛАГ. Число заключенных росло не по дням, а по часам: в 1934 году – полмиллиона, в 1938 – около миллиона, в 1942 – полтора миллиона человек. И это только в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ). Если же взять и ИТК (исправительно-трудовые колонии), то, по архивным данным, численность заключенных в СССР на 1 января составляла: в 1935 году – 966 тысяч, в 1938 – 1 882, в 1941 – 1 930 тысяч. Есть точные данные и о

¹ Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 87.

количестве учреждений ГУЛАГа: на 1 марта 1940 года насчитывалось 53 ИТЛ, 425 ИТК и 50 колоний для несовершеннолетних.

Кроме лагерей и колоний, заключенные могли находиться и в тюрьмах, количество арестантов в которых колебалось не только в течение месяца, но и в течение дня. Наиболее «урожайным» для тюрем был конец 1940 и начало 1941 года: в тюрьмах СССР тогда сидело соответственно 435 и 488 тысяч (это когда сажали за нарушения распорядка дня – за прогулы, опоздания и т.д.). А обычно в тюрьмах находилось в среднем по 250–300 тысяч арестантов.

И вот если сложить число всех заключенных в лагерях, колониях, тюрьмах, мы получим искомые цифры. Получается не 5, как пишут одни, и не 16 миллионов, как утверждают другие, а значительно меньше.

Чтобы нас не обвинили в желании приуменьшить число заключенных, мы назовем еще ряд источников и цифр.

В справке НКВД о составе ГУЛАГа по состоянию на 1 февраля 1937 года приводились такие цифры: в ИТЛ – 1 127 тысяч, в ИТК – 340, в тюрьмах – 545 тысяч, итого – 2 012 тысяч заключенных¹. Этот же журнал в девятом номере за 1990 год утверждал, что в СССР в июне 1941 года было 2,3 миллиона заключенных, из них 420 тысяч ушли в Красную Армию в первый год войны. Самая большая цифра заключенных в СССР в предвоенные годы мне встретилась в четвертом номере журнала «Вопросы истории» за 1989 год: в январе 1937 года в местах заключения было свыше 2 653 тысяч человек.

Много это или мало? Конечно, много! Если взять население СССР тогда за 170 миллионов человек, то это более 1,5 процента. И все же это реальные факты, подтвержденные документально.

Теперь второй немаловажный вопрос: что представляли собой заключенные 30-х годов? Сейчас бытует мнение, что это сплошь невинно осужденные, борцы за свободу и демократию. Обратимся вновь к архивам. Удельный вес осужденных за контрреволюционные преступления (58-я статья УК СССР) в 1934 году составлял 26,5 процента, в 1937 – 12,8, в 1939 – 34,5. Подавляющее большинство сидело все же не за «политику». Вот данные ГУЛАГа на весну 1940 года: из 1 668 тысяч заключенных за контрреволюционную деятельность сидели 28,7 процента, за хулиганство и спекуляцию – 12,4, за кражи – 9,7, за должностные и хозяйственные преступления – 8,9, за преступления против личности – 5,9 процента и т.д.

Это, так сказать, официальные данные. Некоторые исследователи (тот же Антонов-Овсеенко) считают, что «казров» было больше (до 90 процентов). И что часто политическим заключенным формально инкриминировались уголовно наказуемые преступления. Что ж, и это, наверное, было.

¹ Военно-исторический журнал. – 1991. – № 7. – С. 65–73.

...А теперь, после восстановления исторической справедливости о численном составе ГУЛАГа и о соотношении «политиков» и уголовников, вернемся к довоенному Кольскому полуострову.

Заранее оговоримся, что надежных исторических источников у нас нет. Мы пока не можем точно сказать, сколько всего заключенных работало в крае, сколько здесь было лагерей и тюрем. Все же попытаемся приоткрыть кое-какие тайны, посмотреть сегодняшним взглядом на эти белые пятна истории.

Начнем с тюрем. По имеющимся у нас сведениям, в Мурманском округе их было две: одна – в Мурманске, другая – в Хибиногорске-Кировске. О первой оставил воспоминания ветеран Мурманского Семен Иванович Кулешов, о второй – старожил Хибин А.А. Гейнке. И тот и другой больше описывали порядки, существовавшие в местах заключения: страшную тесноту, антисанитарию, издевательства, нарушения прав человека.

Вот что утверждал в 1989 году С.И. Кулешов: «На том месте, где сейчас облисполком, до войны стояло двухэтажное здание НКВД. Вот туда меня и посадили, в подвал. Тюрьма была небольшой – 24 камеры. Но народу там набилось много. Только в нашей камере было 17 человек, а помещение-то всего 9 квадратов... К следователю меня вызвали только через месяц. Шкаревский его фамилия. Не поднимая глаз, сказал: “Пиши”. “А что писать?” – спрашиваю. “Пиши, тебе говорю! И запомни: здесь вопросы задаю я”, – и ударил кулаком по столу. Нет, он меня не бил. Бил другой следователь – Школин. Ногами. Говорил при этом, что не хочет руки пачкать. А вот Кирсанов – тот палкой. Она у него вся измочаленная была. У начальника их группы Малинина в кабинете, на самом видном месте, стояла дубинка – красивая такая, сучковатая, из кизилового дерева, лаком крытая. Он ее редко в ход пускал, но уж бил, говорили, наверняка...».

Ф.Ф. Шамонин, вожак мурманских комсомольцев в 30-е годы, арестованный 10 марта 1938 года, вспоминал, что особенно зверствовали при допросах приезжие, прикомандированные следователи. Он запомнил фамилию ленинградского чекиста капитана Козлова: «Козлов стал истязать меня, бил меня по лицу, за волосы дергал, стучал головой о стенку, бил, я все держался, терпел. Потом стал бить в живот. Бил кулаками в живот, коленом; в живот ногами стал ударять, в половой орган коленкой, потом опять в поясницу, в живот. Я падал, меня быстро подхватывали, били опять в живот...».

А вот что вспоминал о тюрьме в Хибинах Альберт Александрович Гейнке: «Специальной тюрьмы в Кировске не было, и под нее приспособили бывший барак. В небольшой камере нас было больше 30 человек. Мрак, сырость, смрад, ужасные крики за стенами, в том числе и женские. Часто плакал новорожденный ребенок, которого не давали матери кормить, пока она не подпишет протоколы допросов... Кажется, во время первого допроса мне выбили зубы и в камеру приволокли без сознания...

Потом начались “конвейера”. Это допрос в течение двух суток и больше, когда следователи меняются через каждые четыре часа, а тебе не дают есть, не выпускают в туалет, ставят то у раскаленной печки, то на сквозняке, бьют, приводят в чувство и снова бьют».

В связи с историей кировской тюрьмы (ее официальное название – Дом предварительного заключения – ДПЗ) могу вспомнить трагическую историю члена ВКП(б) с 1919 года К.М. Рожкова. Он работал в этом самом ДПЗ врачом. И когда в тридцать седьмом году через тюрьму пошли массы арестованных, он стал громко возмущаться тюремными порядками, стал требовать хотя бы минимальной законности – регулярных прогулок для заключенных, прекращения избиений и пыток, улучшения питания, соблюдения элементарной гигиены в камерах, всего, что входило в его служебные функции. Начальство предупредило: «Помалкивай!». Но врач стал жаловаться выше, и вот итог: Рожкова обвинили, что он помогает заключенным, сначала исключили в декабре 1937 года «за поддержку разоблаченных врагов народа» из ВКП(б), а потом и арестовали.

...В общем, тюрьмы Мурмана в тридцатые годы (а с 1938 года появилась третья тюрьма – в Кандалакше. Она располагалась на окраине, у моста через Ниву) в корне отличались от домзаков двадцатых. Они были переполнены, там царил произвол во всем, начиная от условий содержания и кончая передачами и свиданиями. Подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осужденные – все были перемешаны. И некому было распутывать – прокурорского надзора практически не было.

...Теперь о лагерях. Сейчас мы знаем, что в области находится 5 исправительно-трудовых колоний, причем три (ИТК-16, ИТК-17, ИТК-18) находятся неподалеку от Мурманска. А сколько лагерей было до войны?

Общество «Мемориал» как-то опубликовало карту ГУЛАГа той поры. Так вот, на Кольском полуострове было отмечено 5 точек. Журнал «ЭКО» на картосхеме «Сталинские лагеря европейской части СССР (Северо-Запад)» называл лагеря в Кандалакше, Коле, Мончегорске, Хибинах и так называемую стройку 511. Но, видимо, составители этих материалов плохо знали проблему. Иначе не появились бы такие «перлы»: Сорок-Обозренский лагерь, строительство ж/д Кандалакша – Кучерва (?), Сегета (вместо Сегежа) и т.д. Да и номер стройки перепутан.

По нашим подсчетам, в 30-е годы в Мурманском крае было не менее 10–15 лагерей. Вот места их нахождения: в Кандалакше (перед самой войной там появился еще один лагерь – с польскими арестантами, о его существовании мне рассказал почетный гражданин Кандалакши Г.В. Елисеев), на Нивастрое, в Пинозере, Апатитах, за Титаном, в Кировске, Мончегорске, Ловозере, Мурмашах, Коле, на побережье. Если учесть, что в Кандалакше, Хибинах, на Туломе и на стройках Северного флота было не по одному лагерю, общее число их на Мурмане могло превысить и полтора десятка. Исправительно-трудовые лагеря были в постоянном движении, пе-

ремещении: одни заканчивали объекты, другие расширялись вокруг новых промышленных строек. И количество заключенных в них было непостоянным. Так из года в год по всей стране кочевали огромные массы арестованных. Сначала в пересыльные тюрьмы, где рецидивисты «обучали» новичков уму-разуму. Затем в лагеря, потом по объектам работы.

Вот поэтому и нелегко ответить на вопрос: сколько же заключенных «перевоспитывалось» в лагерях Мурмана? Если считать, что в каждом было по две тысячи зэков, эта цифра могла составить 30 тысяч. Но в то же время есть данные, что только на строительстве Нижне-туломской ГЭС было занято от 12 до 20 тысяч человек. А на стройку железной дороги к Мончегорску в 1935 году было «занаряжено» 10 тысяч зэков...

Заключенные в Хибинах и в Ковдоре

Хибины были первым объектом индустриализации на Кольском полуострове, где широко стал использоваться еще в первой пятилетке труд заключенных. Хотя первоначально на них не рассчитывали. Когда В.И. Кондриков отчитывался о первых шагах Хибинской стройки на секретариате Мурманского окружкома ВКП(б), в постановлении было записано:

«Считать необходимым при наборе рабочей силы условновцами (УСЛОН – управление соловецких лагерей особого назначения. – А.К.) пользоваться в исключительных случаях...». Но... вольнонаемных не было, и пришлось обращаться к рабскому труду арестантов.

Как мы уже писали, все началось со строительства дорог – автогужевой и железной. Да и вообще тогда среди хозяйственников бытовало мнение: «Если нет вольнонаемной рабочей силы, проси заключенных – они сделают все, что нужно: дороги, корпуса промышленных предприятий, электростанции».

Первые лагерники в Хибинах были почти все уголовники, прибыли, как уже говорилось, с Соловецких островов. Кировчанка Л.П. Пучкова, выяснявшая по моей просьбе этот вопрос, получила с Соловков от сотрудницы музея А.В. Мельник такое подтверждение: «Железную дорогу (в массе) строили заключенные, сидевшие на Соловках по самым разным статьям – кто был в наличии в то время. Но специалистов набирали из зэков со специальным образованием (инженеры и другие руководители)». Кстати говоря, за каждого специалиста трест «Апатит» платил УСЛОНу по 8 тысяч рублей в год. Имевшие сроки инженеры занимали в Хибинах высокие посты в электротехнической и транспортной службах, в экономическом и юридическом отделах управления треста «Апатит».

Кировчанин Н.П. Червинский по этому поводу вспоминал: «...Вадим Александрович Залесский, инженер-химик, участник Первой мировой войны, до приезда в Хибины был в заключении на Соловках. От него мы узнали о знаменитой Секирной горе и песню “Хороши по весне комары у

высокой Секирной горы...". В кровавую круговерть 1937–1938 годов он был арестован и, по-видимому, расстрелян в Мурманске».

По-видимому, с Соловков же прибыли заключенные на строительство и Нивской гидроэлектростанции. Только тут к уголовникам добавились сотни арестованных крестьян и священнослужителей. В журнале «СССР на стройке» нам встретилось фото, сделанное здесь: на высокой арке укреплен портрет Сталина, а ниже – огромный (метров 12 – не меньше в длину) лозунг с его словами: «Нет городов – надо их строить. Нет электроэнергии – надо строить гидроэлектростанции». И заключенные строили.

Сами же зэковские лагеря и в Хибинах, и на Нивастрое были временными и сооружались из подручного материала: леса, земли и камня. Расчищенная в стороне от города или поселка площадка обносилась двойным или даже тройным забором из колючей проволоки, на углах ставились сторожевые вышки, а в центре строили низкие бараки-казармы с тройными нарами без пола. Рядом – минимум хозяйственных построек: столовая, пекарня, лазарет, баня и т.д.

Вот как познакомились первые хибингорцы из раскулаченных со своими соседями-заключенными: «Идем по рельсам с разъезда Белый. Кругом горы, пейзаж непривычный. Видим – колючая проволока, вышки, за проволокой бараки. Может, думаю, нам сюда? Одна бабенка побойчей попыталась под проволоку сунуться, ну, ее с вышки мужик семизэтажным:

– Куда... стрелять буду! Мы к нему:

– Куда нам?

Он рукой машет – дальше, мол... А на воротах было написано – УСЛОН».

Еще раз повторимся: считать, что в лагерях сидели одни невинные, конечно же нельзя. К тому же никто там не боролся ни с воровскими традициями, ни с тюремными привычками, ни с матом, ни с жаргоном и блатными манерами. Процветали вымогательство, поборы. В вожаки и лидеры чаще всего выбивались самые отпетые уголовники. Нередко осужденные пытались делить сферы влияния: на глазах всей бригады могли изнасиловать, избить и даже убить человека. Причем вожаки нигде не работали, а только командовали: перераспределяли объекты труда, отбирали передачи, деньги, вещи. Никакого прокурорского надзора за лагерями и колониями не было, жаловаться было некому. Все заключенные для «гражданина начальника» были на одно лицо: серая масса, немая и враждебная толпа. В пору переезда и обустройства чаще всего случались побеги. В связи с этим вспоминаются два таких случая.

20 апреля 1930 года в хибинском лагере был совершен групповой побег. Заключенные бежали не на юг, ближе к родным местам, а на север. Они, по всей видимости, пытались либо уйти за кордон, либо запутать следы. Но поначалу преступники решили вооружиться и с этой целью напали на одиноко стоящий дом лесника. Забрав два ружья, беглецы решили изба-

виться от свидетелей и убили всех, кто был в доме, а потом подожгли избу.

По пути к Мурманску убийцы-рецидивисты Болдашов, Мишин-Гуров и Мошавец 2 мая захватили неподалеку от Шонгуя железнодорожную казарму и зверски убили всех находившихся там рабочих и членов их семей. Чтобы скрыть следы нового преступления, эки спустили все трупы под лед протекавшей рядом реки.

И только спустя две недели после побега, когда милиция успокоилась (да и Первомайские праздники были!), беглецы на ходу залезли в товарняк, идущий на юг, и были таковы (поймали их позже на Украине. Известный тогда следователь-писатель Л.Р. Шейнин, начинавший карьеру у нас на Севере, описал этот страшный эпизод в рассказе «Чужие в тундре»).

Вторая история произошла чуть позже. Один из заключенных, бежавших из карельского лагеря, не подался, как большинство, на юг, ближе к дому, или в сторону «дружественной» Финляндии, а сел в поезд, идущий к Мурманску. Здесь ночью ему удалось подкараулить и убить пассажира приблизительно своих лет, воспользоваться его документами. Так, рецидивист Володенков превратился в гражданина Федорова. Он работал шофером в Хибиногорске, стал ударником и даже подал заявление в партию. И только в мае 1931 года выяснилось, кто есть кто...

Состав Кольских лагерей постоянно пополнялся, так как от недоедания, болезней (особенно мучили цинга, туберкулез и тиф), непосильной работы умирало много арестантов. Их хоронили тут же за забором лагеря, а на смену им прибывали новички с Украины, из Белоруссии, южных районов России. Среди них все больше становилось «вредителей», «кулаков» и «подкулачников».

Да и в самих Хибинах обстановка накалялась. Эшелоны с раскулаченными прибывали один за другим, а жилья не было, продуктов не хватало. Спецконтингент не имел права выезда и выхода за пределы поселения без разрешения спецкомендатуры. Раскулаченные поначалу даже не имели возможности выбрать место работы. У них удерживалась пятая часть заработанных денег. К тому же полярная ночь, безысходность и ностальгия по родным местам доводили людей до отчаяния. И часть высланных пыталась бежать. Их вылавливали и отправляли в тюрьму. А после короткого разбирательства – в исправительно-трудовые лагеря. При этом уже не на Кольский полуостров, а, понятно, куда-нибудь на Урал, Печору, в Сибирь.

Кировчанин Андрей Порфирьевич Малько вспоминал: «Первый мой арест был в ночь на 19 марта 1933 года, взяли с работы. Я работал старшим десятником рудничного движения на Кукисвумчорре. В эту ночь нас арестовали 219 человек, все из спецпоселенцев, т.е. бывших кулаков.

Грузовиками нас повезли на станцию, посадили в товарные вагоны и отправили в Мурманск. Часть этапа попала в центральную тюрьму, вторая половина – в бойню, она стояла на горе посередине Мурманска. Там нас сидело 450 человек.

Следствие велось только ночью. Фамилии следователи не говорили. Да и я не мог запомнить, так как после допроса забывал имена даже своих детей. Обвиняли в организации кулацкого контрреволюционного заговора, что мы собирались перейти государственную границу, с оружием в руках уйти в Финляндию, что мы занимались вредительством, что мы недовольны Советской властью... Следствие велось более полутора месяцев».

По 58-й статье А.П. Малько отсидел 12 лет, а в 1949 году его вновь арестовали и реабилитировали лишь в 1958. (Эти воспоминания передала мне внучка А.П. Малько, Татьяна Михайловна Миколук, работавшая в библиотеке № 17 г. Мурманска.) Таких судеб в Хибинах было тысячи.

После того как трест «Апатит» встал на ноги, решил проблему рабочей силы, заключенных стали использовать в других необжитых местах Кольского полуострова – в Монче-тундре, в Ловозерских тундрах, в районе Пинозеро – Ковдор. Особенно много заключенных было переброшено к границе после советско-финской войны, в 1940 году.

Геолог И.В. Бельков вспоминал: «В конце июля на Ковдор пришла группа примерно пять тысяч человек заключенных, расположившихся в лесу на берегу озера Ковдор (где сейчас выстроен город) и сразу же приступивших к строительству лагеря. Через несколько дней весь лес на берегу озера был вырублен, лагерь был огорожен колючей проволокой и выстроены дома для охраны и первые бараки для заключенных...

Основная масса заключенных в это же время начала строить шоссейную грунтовую дорогу от села Ена до Ковдора, а часть (300 человек) поступила в район месторождения для проведения горных выработок. Весь контингент заключенных был разбит на бригады по 100 человек в каждой. Бригадиры – из числа осужденных за уголовные преступления. Именно они управляли всеми внутрилагерными делами. Бригадиры следили за работой своих подопечных и пользовались неограниченным авторитетом. Система зачётов определяла высокую работоспособность: за выполнение норм на 150% снижался срок на 25%, при выполнении двойной нормы – срок снижался вдвое. Учет вел бригадир под периодическим контролем лагерного руководства. За ударную работу полагалось усиленное питание, увеличенная норма выдачи табака, сладости и т.д.».

Конечно, называть хибинские и ковдорские лагеря исправительно-трудовыми можно было только с большой натяжкой. Нельзя было «исправлять» и «воспитывать» массу людей в несколько тысяч, когда в каждом отдельном помещении находилось 150–200 человек. Один спит, а у другого – бессонница, один храпит, а другой – нервничает. Одному – 20 лет, другому – 60, одному нездоровится, а сосед думает о побеге. Одного мучает холод от морозного пола или сквозняк от двери, а другой весь в поту на верхних нарах.

Эти лагеря по своему содержанию были ближе к концлагерям, труд в них являлся не средством воспитания, а самоцелью – интересы производ-

ственного характера всегда были выше всего остального.

Не было тогда в лагерях и четкой дифференциации по тяжести преступлений и числу судимостей. Некогда было разбираться: маховик репрессий набирал обороты. Редактор «Хибиногорского рабочего», журналист и писатель Анатолий Васильевич Горелов вспоминал:

«Доносы сгубили. Валили, как из канализации: кто на комнату зарился, кто на должность. Арестовали меня 11 марта 1937 года».

А супруга Роза Рафаиловна дополняла:

«Были мы в гостях у моих родителей. Возвращаемся – машина у подъезда. Чего бы ради? Но спокойно поднялись по лестнице, стали открывать дверь, а к нам несколько серьезных мужчин: “Горелов?” – “Горелов”. – “Проходите в квартиру, вот ордер на обыск и арест”.

Обыскали все. Многого забрали. Книг больше всего жалко – библиотеку мы любовно подбирали. Комнаты опечатали. Анатолия Ефимовича увезли, а я, не чувствуя под собой ног, кинулась в райком. Секретарь угрюмо бросил: “Разберутся”. Через два месяца он же мне сообщил, что Горелову дали десять лет, и отпаивал меня после обморока. Потом и его арестовали».

В конце 1940 года на свидание с отцом, сидевшим в ИТЛ на станции Пинозеро, приехал молодой тогда, а ныне широко известный писатель Юрий Нагибин. Вот его воспоминания об этом: «За окном бежали сопки, поросшие карликовыми соснами, промелькнула станция Полярный Круг, скоро и мне сходить, а я все не могу поверить, что эти дали, снега, вся эта чужеродность обернутся отцом.

С такими ощущениями, будто играю в какую-то странную игру, выволок я чемоданы в тамбур и, когда причалил к маленькой, занесенной снегом платформе, прыгнул вниз... Мы двинулись широкой санной дорогой к темнеющим невдалеке постройкам. Кругом была пустота, немного солнца и низенькие, разбросанные там и сям строения. Ничего грозного, зловещего или хотя бы странного.

А потом я заметил словно бы нитку, по которой бегал солнечный луч.

Нитка была натянута между нами и ближайшими строениями; приглядевшись, я увидел над этой ниткой другую, затем еще и еще. И вдруг весь простор засверкал тоненькими нитями-бликами. Эти блики забегали, заиграли и спереди, и справа, и слева, и дальше, вон у тех сопки, и за той карликовой рощицей сосен-лилипутов. С нашим приближением нити очернялись, и их оказалось более десятка, туго и тесно натянутых одна над другой, и уже видно, что это вовсе не нити, а проволока с шипами колючек, и колючая эта огорожка со всех сторон охватывает строения, на которые мы держим путь. И тут, наконец, я понял, что весь простор, как шахматная доска, разграфлен на квадраты колючей проволокой, что передо мной во все концы простиралась гигантская клетка».

Это были лагеря (мужские и женские), переполненные кольским и иным людом, арестованным и осужденным по указу об укреплении дисциплины. Зэки здесь строили восточный участок железной дороги к финской границе.

Заключенные были в Хибинах и в войну. Людмила Павловна Пучкова, работавшая тогда в эвакогоспитале № 1445 (на 20-м км), писала: «Весной (ранней, в марте) 1943 г. к нам ночью привезли в здание школы № 6 (это второе отделение эвакогоспиталя) большую группу истощенных заключенных. Из каких лагерей – не знаю. Какое количество – тоже не помню (хотя медстатистиком была). У всех заключенных – дистрофия. Мы их отпаивали, а потом откармливали. Смотреть на них было жутко и жалко (старались и не смотреть по возможности, как они друг за другом, как тени, еле двигались к бачку с кипятком в коридоре). Некоторые лежали, были не в состоянии подняться. На мой вопрос, почему их к нам привезли, мне сказали, что все они изъявили желание пойти на фронт защищать Родину.

Приблизительно через месяц все поправились (внешне, по крайней мере) и были отправлены в распоряжение 19-й армии (вероятно, на Кандалакшское направление)».

Вторая страница истории хибинских лагерей относится к послевоенному времени, и мы вернемся к этому вопросу попозже.

Как строилась Туломская ГЭС

Река Тулома до 30-х годов была своенравна, порожиста и быстра. На всем протяжении от Нотозера и до Кольского залива на ее берегах стояли хутора и небольшие селения. Вскоре после революции финны, саамы и русские, жившие тут, увидели гидроизыскателей и узнали, что на реке собираются соорудить гидростанцию.

– Тулома включена в план ГОЭЛРО, – пояснял бородатый профессор, – и мы ищем место, где удобнее поставить плотину и здание ГЭС.

– А как же с нашими землями и домами? Их затопят?

– Ну, до этого еще далеко, во всяком случае, вы успеете перебраться на новые места.

Колонисты уже почти забыли об этих разговорах, но вдруг новость: в Мурманши прибыли заключенные строить гидростанцию. Это было в 1933 году.

В тот год с большой помпой был сдан в эксплуатацию Беломорско-Балтийский канал. На нем побывал сам Сталин. Часть заключенных, соорудивших канал, была освобождена (12,5 тысячи). Оставшиеся (а это было большинство) отправлены на другой канал: Москва – Волга. Но несколько тысяч зеков остались в Карелии и на Мурмане. В КАССР они достраивали канал, сооружали целлюлозно-бумажные комбинаты и дороги. А на Кольский полуостров перевели седьмое отделение Белбалтлага.

Первый лагерь заключенных Туломстроя расположился на южной окраине Колы. Зэки, специализировавшиеся на сооружении лагерей, в течение нескольких дней выровняли площадку, сделали заборы, поставили сторожевые вышки. Художник, входящий в состав особой бригады КВЧ (культурно-воспитательной части), написал шестиметровый плакат-лозунг: «Труд в СССР – дело чести, доблести и геройства». С другой стороны были написаны слова Максима Горького: «Если враг не сдается – его уничтожают». Транспарант повесили на арке главного входа в лагерь.

Из этих ворот колонны лагерников по четыре человека в ряд, окруженные конными и пешими конвоирами с собаками, уходили строить грунтовую дорогу к Мурмашам. Рядом другая команда тянула железную дорогу. Шло соревнование – кто быстрее. Победили «грунтовики» – в январе 1934 года автогужевая дорога для автомобилей, тракторов и повозок была готова (ее торжественно открыли 27 января).

А в это время обустроивались еще три лагеря: один в Мурмашах, второй – на острове, третий – на левом берегу Туломы. Один из участников событий той поры позже вспоминал:

– Первые дни рабочие-заключенные жили в палатках, быстро заготовили лес и торф и построили более сотни землянок и барачков – надо было выдерживать сорокаградусные морозы...

Сколько во всех этих Туломских лагерях было заключенных, можно сказать лишь приблизительно. В промелькнувшей журнальной публикации 1935 года говорилось о 12 тысячах человек. Во всех других источниках говорится уже о 20 и более тысячах. Наверное, вначале зэков было поменьше, а потом их число выросло.

Кто сидел в Туломских лагерях? Осужденные за контрреволюционную деятельность (особенно много их поступило после убийства С.М. Кирова), уголовники всех мастей, воры и грабители, раскулаченные и басмачи, дехкане и баи, священники, муллы и инженеры-«вредители». Состав был многонациональный: кроме русских и украинцев, было много немцев-колонистов, представителей народов Средней Азии и евреев.

Из последних в историю Туломстроя вошел Лев Эрлихман. Сначала весь лагерь знал его как убежденного «отказника»: «От работы зэкидохнут». Когда весь барак уходил на стройку, он брэнчал на гитаре (которую у него каждый день отбирали):

Никогда я не был на разводе,
Ты меня не спрашивай о нем...

Но как-то вернувшись из шизо (штрафного изолятора), Эрлихман попросил послать его на самый трудный участок. Там он стал председателем трудового коллектива, его бригада стала передовой, о нем писали в лагерной газете «Заполярная перековка». Интересная, между прочим, газета: распространялась только в зонах. Если же появлялась в поселке, начиналось следствие: как, откуда? В газете появлялись такие перлы:

«С утра скала – гранит науки,
А вечером нужно было работать
и читать, И чтобы наша жизнь не была
искалечена, Нужно было себя перековать».

Свой лидер был и у заключенных из Средней Азии, его звали Саид-Мурат. Казах по национальности, басмач «по профессии» (по другим данным, контрабандист), он стал лидером мусульманской части зэков. Один из них впоследствии вспоминал:

«Руководство разношерстной массой людей с их своеобразными нравами и обычаями, повадками, с различной реакцией на окружающие жесткие природные условия было чрезвычайно затрудненным и в некоторых случаях своеобразным, когда учитывались патриархальные, родовые и иные связи между людьми».

Легендарному герою труда на Туломстрое, атлетически сложенному Саид-Мурату, хорошо знающему языки народов Средней Азии, руководство стройки разрешало периодически в специально оборудованном и убранном в восточном стиле помещении (с коврами, подушками, пиалами и пр.) организовывать «приёмы» с обильным угощением (жирный плов, зелёный чай) для заключенных-мусульман. (А вообще-то начальство стройки не очень считалось с тем, что осужденный мусульманин не ест свинину, а его напарник из иудеев отказывается работать по субботам.)

Во время этих приемов-собраний Саид-Мурат якобы делился с собратьями методами своей работы, поучал единоверцев и даже требовал от них высокопроизводительной работы. (На мой взгляд, и Л. Эрлихмана, и Саид-Мурата умело использовало руководство лагерей: с их помощью держало в узде и послушании основную и взрывоопасную массу. А в обмен на это предоставляло лидерам зэков определенные льготы.)

Достаточно объективную, на наш взгляд, картину происходящего на Туломстрое дал прораб Д.П. Витковский, сидевший до этого и на Соловках, и на ББК (кстати, он прибыл оттуда в Мурмаши без конвоя). Вот что он писал в воспоминаниях:

«Людей здесь гораздо больше. Но, бог мой, что это за люди! Совсем нет медлительных, рассудительных и таких хороших в работе и лагерном быту крестьян-раскулаченных. Почти сплошь вся масса – развратная, распущенная, развинченная, все проигравшая в карты; в бога, в душу, в горло изматерившаяся шпана-уркаганы. И сверху совсем немного, тоненькая пленочка бывших инженеров, бывших артистов, бывших наркомов, бывших директоров...

Но зато там начальником лагерей Сутырин. Он хорошо разбирается в деле и в людях, и с ним хорошо работать. И помощников он набирает под стать себе...»

Кстати говоря, это не единственная положительная характеристика начальника Туломстроя, комбрига внутренних войск В.А. Сутырина. По-

видимому, это был умный руководитель, умело учитывавший требования сверху (ГУЛАГ), просьбы и нужды снизу (заключенные) и реальную обстановку внутри (лагерное и техническое руководство). Он понимал, что от производственных успехов зэков зависели должности, звания, награды разным чинам внутренней службы. Видел, как лагерная администрация часто заигрывает с заключенными – а куда денешься? Их тысячи, а у тебя – несколько десятков новобранцев-красноармейцев и дюжина офицеров караульной службы. Приходилось мириться и с грубостью, и с невоспитанностью службистов НКВД, чей поведенческий комплекс чаще всего определялся правилом: «Сила есть – ума не надо».

О воспитании никто и не заикался: на 200 человек заключенных приходился один сотрудник ИТЛ, занимавшийся воспитательной работой...

Как жили заключенные Туломстроя? Обычно по прибытии этапа, после обыска, бани и дезинфекции происходила сортировка спецконтингента: отбирали инженеров, техников, нормировщиков, чертежников, механизаторов, затем выявляли счетных работников – бухгалтеров, счетоводов, учетчиков. Всех остальных комплектовали в бригады и колонны.

Жили зэки в типовых бараках. Отопление было дровяное: зимой железные печки полыхали круглосуточно. Дневальные следили за огнём и освещением. В каждом бараке стояла бочка с водой. Нары обычно были в три этажа, и лишь там, где жили ИТР, – в два.

Во всей лагерной жизни присутствовали фальшь и демагогия, начиная от лозунгов на воротах и в казармах и заканчивая концертами самодеятельности. В каждом бараке, бригаде, колонне были «стукачи» и «наседки». Понятия чести, достоинства, дружбы в лагерях были поставлены с ног на голову.

Помимо плановой, официальной культурно-воспитательной работы (ликбез, читки газет, доклады и лекции, изредка – концерты самодеятельности и демонстрация кинофильмов), в лагерях полнокровно кипела «внутренняя» жизнь. Разборы и препирательства, борьба с соперниками за влияние, игра в карты, «выходы» на водку и женщин. Очевидец писал: «Вечером в бараке дрались, пили какими-то таинственными путями добытую водку, играли в карты, проигрывали своё, чужое, пайки, обеды, обмундирование, самих себя».

Почти во всех лагерях были потайные места, где, как говорили зэки, «ночью пляшут и поют, утром плачут и встают». И это несмотря на строгую систему наказаний – лишение права на переписку, свидания, посылки. Особенно лагерники боялись попасть в БУР – барак усиленного режима.

Лицемерие проявлялось в организации так называемого социалистического соревнования: лучшей бригаде присуждался переходящий красный вымпел, передовой колонне – Красное знамя. Зэкам присваивались звания ударников и стахановцев. Но за всем этим стояла прозаическая пайка хлеба, лишнее («прем») блюдо в столовой, другие льготы.

Кормили заключённых кого как. Поначалу, правда, всех плохо, пока не обустроили столовые и кухни и не завели своё подсобное хозяйство (позже у «Туломстроя» появился даже свой совхоз!). А всё зависело от выполнения норм: бывший заключённый «Туломстроя» Передерский, выступая по телевидению в январе 1989 года, свидетельствовал: кто не выполнял норму, получал 400 граммов плохо пропечённого хлеба; кто выполнял на 100% – 800 граммов и горячее питание. Если норма перевыполнялась, ээк мог рассчитывать и на килограмм хлеба, и на махорку, и на льготы в переписке, свиданиях и т.д.

Инженер Д.П. Витковский вспоминал: «Кормили и одевали заключённых не в пример лучше, чем на Беломорканале. Голодающих и замерзающих не было... К заключённым иногда приезжали жёны. Им отводили отдельные комнаты» (может быть, так было только для ИТР? – А.К.).

В лагерях уделялось внимание соблюдению санитарных норм. Но хотя были баня и дезинфекция, вши мучили всех: и политических, и уголовников. Ну а если ещё добавить клопов и летних комаров, то понятно, что борьба с кровососущими паразитами тоже превращалась в борьбу за существование.

Работали обычно в две смены начиная с восьми часов утра. Рабочий день длился 10 часов (без дороги). Каждая колонна ээков была самостоятельным участком: земельно-скальная колонна, колонна бетонного хозяйства, дорожного и жилого строительства, силового здания и т.д. Один из заключённых вспоминал: «Морозным февральским днём 1934 г. в нижнем течении Туломы, у последних её порогов, прогремели взрывы. С огнём и дымом взметнули они ввысь тысячи тонн скальной породы. На водосбросе, плотине, здании станции работы велись одновременно и быстро, хотя техники не хватало. Использовались тачки, телеги, вагонетки, которые толкались вручную, в лучшем случае конной тягой...».

Об этом же писал и начальник «Туломстроя» В.А. Сутырин: «“Туломстрой” не может похвастать высоким уровнем механизации. Удельный вес ручного труда у нас весьма значителен...».

Да и зачем нужны были механизмы, если и без них стройка Туломской гидростанции шла «небывалыми темпами, прославившими Беломорстрой» (это из журнальной статьи).

Егор Васильевич Новосельцев, осуждённый по 136 статье УК РСФСР на шесть лет, в 1933 году был отправлен из Карелии на Тулому: «Я сперва работал на общих работах, т.е. бурил скалу, на тачках возил грунт... Потом меня назначили монтёром. Начальником связи лагерей был подполковник Мыльников Николай Филиппович, а заместителем из заключённых Верещагин Николай Петрович... Мы восстанавливали связь между лагерями первым, вторым, третьим и четвёртым, а также с Рестикентом, Мурманском и Колой...».

Как рассказывал начальник механизации А.И. Водяницкий, тоже из

осуждённых, «заклѣнные работали круглосуточно на двух бетонных заводах. Один из них находился у здания ГЭС, там было две бетономешалки типа «Рамсон». Другой построили на левобережном уступе скалы, в 150 метрах от водосброса. Отсюда бетон возили лошадьми в саморазгружающихся вагонетках. Прогрев блоков перед бетонированием водосброса в зимнее время осуществлялся паром от паровоза типа «Кукушка»».

В отчёте об итогах работы «Туломстроя» мы нашли перечисление других объектов, обслуживаемых зэками. Это – землечерпательный караван, который рыл отводящий канал в Вересовой Губе, три компрессорные станции (две – на головном сооружении, одна – на здании ГЭС) с полутора десятками компрессоров «Борец» и «МК-5».

На сооружении ГЭС использовалась неплохая водоотливная техника, правда, она часто выходила из строя, когда прекращалась подача электроэнергии. Тогда насосы останавливались, и их медленно, но верно заливала фильтрующая вода. Заклѣнным приходилось потом их доставать, сушить и вновь начинать откачку.

На стройке было всего два экскаватора «Ковровец», один из них работал в песчаном карьере на левом берегу. Крановое хозяйство было представлено двумя отечественными кранами грузоподъёмностью по 5 тонн и десятком импортных от 1 до 3 тонн, прибывших в 1933–1934 годах с ББК.

Горизонтальное перемещение скальной породы и песка производилось тремя способами: на тачках и носилках, на грабарках и ленточным транспортѣром. Была на стройке узкоколейка с 10 мотовозами и сотней вагонеток.

И вся эта техника, начиная от тачек и заканчивая экскаваторами, была в руках заклѣнных. Они обслуживали буксиры и баржи, доставлявшие «северным завозом» всё необходимое – от муки до фуфак, бушлатов и полушубков. Они же тянули ЛЭП, оборудовали стадион и клуб, «поставхановски перевыполняли нормы, строили социалистическое общество».

Д.П. Витковский писал, что главной силой был всё же «рабочий пар», рабочие руки зѣков. Использовался на стройке и такой приём. Если где-либо работа не ладилась, начальство бросало туда женские ударные бригады. Эта близость зѣков – мужчин и женщин – сказывалась тут же: особливо ярилась шпана, работа приобретала другие темпы. Об этом тут же писалось в газете; ударников и мужских, и женских бригад всячески поощряли.

Но нигде никогда не сообщалось, сколько на Туломе погибло людей, особенно на скальных работах. Основными причинами гибели заклѣнных были низкая техническая культура работающих, пренебрежение техникой безопасности и погоня за количественными результатами (от объѣма скальных работ зависели все блага, начиная от питания и заканчивая сокращением сроков отсидки). Еженедельно гибли от случайных взрывов. Нередко бывало, что новая партия рабочих начинала бурить там, где остались невзорвавшиеся запалы.

Количество травм и учесть было трудно. Поскольку было всего лишь несколько станков вертикального («Сандерсон») и наклонного («Крелиус») бурения и не хватало перфораторов, 90% буровых работ производилось вручную: с помощью бура и кувалды. Ну а тут – берегись, руки!

На каждом километре

А теперь из Мурманской области давайте отправимся километров на 100–150 южнее, в самый центр Кольского полуострова. Здесь в середине 30-х годов велись обширные геологоразведочные работы, а в Монче-тундре развернулось строительство медно-никелевого комбината.

На этой стройке так же, как и на других, широко использовался труд заключенных. Небольшие отряды «бэбэковцев» (а еще их называли «гопниками») появились в Монче-тундре в 1934 году. Они прокладывали дороги между поселками и к промплощадке, обслуживали геологов.

Летом 1935 года было решено строить железную дорогу Мончегорск – Оленья. Управляющий трестом «Кольстрой» и начальник стройки «Североникеля» В.И. Кондриков обратился за помощью в Москву. Из Кремля позвонили в Ленинград и приказали решить вопрос с рабочей силой за счет ББК. И вот уже 27 июня того же года Ленинградский облисполком предложил управлению Беломорско-Балтийского канала выделить для строительства железной дороги в Монче-тундре 2 500 заключенных, а затем увеличить этот контингент вчетверо. Вот фрагмент постановления:

«Тов. Раппопорту (это начальник Беломорстроя – А.К.) принять меры для дальнейшего пополнения строительства комбината рабочей силой с доведением к началу 1936 г. числа рабочих до 10 000 человек».

Из Карелии на север потянулись эшелоны с арестантами. Один из конвоиров рассказывал:

– Был среди зэков разный сброд: и нэпманы, и спекулянты, и беглое кулачье, и шулера, и воры всех категорий, и инженеры-«вредители», и неграмотные мужики, и бывшие студенты, и даже профессора и министры Временного правительства (говорят, что на Соловках и ББК перевоспитывался один из лидеров кадетской партии, министр путей сообщения Н.В. Некрасов. А в эссе Берберовой «Железная женщина» даже утверждается, что экс-министр на открытии Беломорканала «рыдал от радости, глядя на это достижение»).

А какая национальная «палитра»: рядом с евреями – «сохлы», к татарам жмутся узбеки. Особенно тяжело было им да таджикам – многие прибыли в лагерь в шелковых халатах и тюбетейках. Это при 40-градусных-то морозах! Остальные одеты кто как: кто в рваном, кто в лаптях, кто в папиросном ящике, у иного пиджак кожаный, а задница голая...

Пока теплушки тащились к месту назначения, урки, сидевшие по 35-й статье, продолжали издеваться над другими заключенными. У одних

отбирали пищу, у других – обувь и одежду. Где силой, где хитростью («Давай поменяю мои сандалеты на твои сапоги. Я их лучше сохраню в дороге. А на месте я тебе их отдам»).

Особенно доставалось политическим и интеллигентам. Хуже всего в лагерях было арестованным коммунистам, особенно из партийной номенклатуры, священнослужителям и смирным, безропотным деревенским мужикам. Главное в дороге, а потом и в лагере, было приспособиться к обстановке, к лагерному люду, иногда даже – «ошпанеть».

Шли эшелоны, чаще всего товарные составы, лишь изредка попадались «столыпинские» вагоны, в намеченные ГУЛАГом пункты. Не спеша разгружались на заброшенных разъездах или в дальних тупиках узловых станций. Арестанты строились в колонны и шли по только что прорубленным просекам к будущим местам расположения. Дикость и серость запыленного ландшафта, безлюдность и хилость растительности, свинцовое холодное небо и вечные штормовые ветра одних ошеломяли, других подавляли.

Да, этот природно-климатический фактор не надо забывать. Представьте себе заключенного, присланного из Средней Азии или Краснодар: там день как день, ночь как ночь, а тут полгода – ночь, три месяца – день. С осени бедного южанина донимает тоска и тревожное беспокойство: как выжить в холоде, а с весны у него опять смутная маета: как не умереть?

Но разгорались костры у палаток и шалашей, появлялись каша и кипяток, настроение менялось к лучшему. И хотя в первые дни люди часто спотыкались о камни и проваливались в торфяные ямы, жизнь продолжалась.

Поначалу селились в огромных брезентовых палатках. Но они предохраняли лишь от ветра. На землю настилали побольше веток сосны или ели. Посредине ставили высокую трехэтажную железную печь; если не было такой, то обычную железную бочку. Ну а дальше все зависело от того, как поел и как одет. Если у зэка был более или менее новый бушлат, под ним еще шерстяной свитер да пара теплого белья, на голове – шапка-ушанка, завязанная под подбородком, чтобы ночью не украли, а на ногах – теплая обувь, то все зависело от «благоприятного расположения звезд».

А звезды могли распорядиться по-всякому – ведь был же случай, что писарь в графе «специальность» вместо «инженер» начертал нечто настолько трудночитаемое, что в дальнейшем запись стали расшифровывать как «изувер». И к химику-технологу впредь относились как к представителю ордена иезуитов.

Но все пути имеют начало и конец. Кончилась и эта дорога. В Оленьей – разгрузка: «Выходи! Стройся! Шаг влево, шаг вправо считается побегом. Стреляем без предупреждения». Вдоль намеченной трассы железной дороги к Мончегорску протяженностью 33 километра возникло семь поселков с заключенными: у станции Оленьей (эти зэки обеспечивали связь с Большой землей, перегружали все необходимое для стройки: от рельсов до

муки); второй – на 6-м километре, третий – на 12-м, четвертый – на 16-м, пятый – где-то в районе 20-го, шестой – на 25-м и седьмой – на 29-м километре.

Строительство поселков не заняло много времени. Руководство Белбалтлага полагало, что «дорогу сделаем быстро» и нечего тратить силы на капитальное строительство. Зэки жили в палатках военного образца, лишь к зиме их утеплили. Только кухни-столовые, лазареты да общежития конвоя были построены по-солидному.

Главное, по мнению начальника 14-го отделения ББК Рубцова, осуществлявшего строительство железной дороги, заключалось не в жилье и обустройстве, а в расчистке трассы, насыпке полотна и укладке шпал и рельсов. Уже в августе 1935 года на всем тридцатитрехкилометровом участке закипела работа. Вырубленный лес шел на бараки и пристанционные постройки (создавались разъезды, строились тупики). Песок для насыпи брали в карьерах вдоль дороги. Кроме нескольких экскаваторов, выделенных «Североникелем», никакой техники не было. Выручали тачки, носилки, лопаты.

Таким образом, заключенные 14-го отделения ББК с 20 августа 1935 года по 27 апреля 1936 года подготовили более 80 тысяч кубометров железнодорожных насыпей, сделали 35 тысяч кубометров выемок.

Бывший зэк Г.Т. Бордонос вспоминал, что на Север его привезли в конце 1935 года: он работал на 6-м километре ветки Оленья – Мончегорск. «Затем, – пишет Григорий Трофимович – нас погнали тропинкой по снегу на четвертый участок. На 12-м километре нас положили на снег, ибо мы были голодные и не могли дальше идти. Пока варили баланду, мы лежали на снегу. Покормили баландой, и опять в путь. Прибыли на четвертый участок. Там была только палатка с инструментом: лопаты, кайла, топоры. Начали строить себе жилье.

Я лично работал на лошади, укладывал дорогу. Иногда приходилось ездить по озеру Имандра на станцию Оленья за продуктами и товарами. Не было у нас ни пекарни, ни бани, хлеб привозили из Колы. Зимой он был такой мерзлый, что мы пилили его на пайки. Нас загрызали вши... Политических и блатной мир содержали в одних бараках. Было все: издевательство, холод и голод».

Жили и работали зэки в Монче-тундре в невероятно трудных условиях: основная тяжесть работ пришлась на зимние месяцы, много сил уходило на борьбу со снегом, да и работать в морозы плохо одетым и скудно питавшимся зэкам было нелегко; немало времени тратилось на то, чтобы добраться до работы; спали в плохо приспособленных помещениях, многие заболели и умирали (практически каждый десятый).

Один из заключенных мончегорских лагерей рассказывал:

– Многое, конечно, зависело от бригадиров, десятников и прорабов: какую работу получит артель, какая будет установлена норма, как будет

учтено ее выполнение. Да и нам, рядовым зэкам, не стоило хлопать ушами. Надо бы уметь «закладывать туфту», т.е. выполнить и даже перевыполнить норму в любом случае: если это на земляных работах, то дать соответствующий объем выработки; если это на лесозаготовке, то сложить древесину так, чтобы из одного кубометра получилось полтора, а то и два.

«Заклоченный, — продолжает мой собеседник, — как и солдат, по мнению начальства, никогда не должен был быть без дела: если кончался лесоповал, его бросали на «бревна» (сплав и выкатка), если кончалась договорная работа, его заставляли что-то делать в зоне — городить заборы, рыть ямы и канавы, утеплять казармы, пилить дрова и т.д. Да и вообще нам, лагерникам, не давали долго засиживаться на одном месте...»

А еще этот человек (фамилию не называю по его просьбе) вспоминал лагерные бани:

«В них было грязно, как на скотном дворе, и часто не было горячей воды. Там зэк, по сути, не мылся, а кое-как ополаскивался, а затем переодевался в прожаренное опять же кое-как белье. У нас было даже такое выражение — “пытка баней”».

Но работы на сооружении железной дороги Оленья — Мончегорск шли своим чередом, и к Первомайским праздникам 1936 года начальник Беломорстроя Я.Д. Раппопорт докладывал в ГУЛАГ об очередной победе: «Железная дорога в Монче-тундру построена в рекордно короткие сроки». Возражения железнодорожников и «Североникеля», что ветка построена вчерне и не может быть пущена в эксплуатацию, не были приняты к сведению. Ссылки на то, что договор между ББК и «Североникелем» не выполнен, что объемы работ завышены, что акты о простое рабочей силы и сделанной работе подписаны только представителями ББК, тоже не имели последствий. 14-е отделение ББК было переброшено на другие, более выгодные объекты.

А когда стал таять снег, пригрело солнышко, железная дорога от Мончегорска до Оленьей «потекла», насыпь стала расползаться, многие шпалы повисли в воздухе. Все лето тридцать шестого года комбинату «Североникель» пришлось доводить дорогу до кондиции. Приняли эту ветку в эксплуатацию намного позже.

О том, что заключенные стояли лагерями на 6-м, 12-м, 16-м километрах, вспоминал и В.Н. Терентьев, мальчишкой добравшийся в мае 1936 года из Оленьей в Мончегорск. Вот как это описано журналистом В. Татуром: «...На 16-м километре усталые пешеходы увидели людей и две палатки. Путников приютили в них и предоставили возможность выспаться.

Утром Валера и трое геологов двинулись дальше. Дойдя до 27-го километра, они встретили много работающих. Одни из них возили на тачках песок. Другие строили мост через Мончу и башню для водоканализации (для заправки паровозов). Рельсы уже лежали на железнодорожном полотне, но в беспорядке.

На левом берегу реки стояли 18 палаток и подсобные помещения. Здесь, в поселке, на 29-м километре, и жили заключенные».

Валерий Николаевич Терентьев вспоминал, что в Мончегорске до войны было несколько лагерей. Зэки с 32-го километра строили дорогу и дома по улицам Строительной и Западной, железнодорожную станцию. Заключенные с Малого Кумужья строили цеха комбината «Североникель». А те, кто жил на Большом Кумужье, прокладывали шахты...

В начале 90-х годов на страницах мурманских газет появилось несколько статей о мончегорских лагерях. Одна из них даже называлась довольно амбициозно – «В системе Мончелага». Но в исторических документах и литературе такого понятия – «Мончелаг» – никогда не существовало. Да и лагерей политзаключенных в черте Мончегорска, как там сообщалось, не было – существовали общие лагеря и для уголовников, и для «политиков». Их было до войны в черте Мончегорска несколько. О двух из них упоминал в «Котловане» геолог И.К. Бельков. Он же свидетельствовал, что «большинство ИТР геологической службы... были также заключенные». Кстати говоря, к этой категории лиц, осужденных советским судом, относился и главный консультант геологического бюро «Североникеля» профессор В.К. Котульский. Как вспоминали очевидцы, куда бы он ни шел – на шахту, домой или на совещание, – его сопровождал молчаливый страж из НКВД.

Что же касается лагерей заключенных, то наиболее крупный из них был на 32-м километре. По словам мончегорского старожила А.С. Герасимовой (в изложении В. Татура), лагерь располагался у озерка. Здесь стояли два ряда бараков. Были столовая, медицинский пункт. Заключенные работали на строительстве проспекта Metallургов и комбината «Североникель». Водили их строем, рядом находились часовые. Разговаривать с заключенными не разрешалось, но некоторые «вольности» были. В частности, мать Александры Степановны по причине беременности была тогда на легких работах и на деньги зэков покупала им курево, хлеб, чай, сахар. Делалось это вполне легально, с разрешения местного начальства. «Слава Богу, опять день прошел. Всем “бабаковцам” снесла хлеба», – этими словами обычно заканчивала день ныне покойная женщина.

«Бабаковцами», как мы уже говорили, называли тех заключенных, которые прибыли в Монче-тундру со строительства Беломорско-Балтийского канала. На куртках у них якобы были нашиты красным три буквы «ББК».

Упоминались в одной из заметок лагеря заключенных на Кумужье (Большом и Малом), на Большой Сопче и на Кашко-озере (там зэки заготавливали для «Североникеля» лес)...

Из других строек цветной металлургии на Кольском полуострове, где использовался труд заключенных, надо назвать еще две: сооружение Кандалакшского алюминиевого завода и Ловозерского ГОКа («Аллуайвст-

рой»). Информация об этих объектах была очень скупой (они имели стратегическое значение), а о зэках вообще ничего не говорили.

В заметке Е. Шопинского «Аллуайвстрой», опубликованной в «Полярной правде» 27 декабря 1939 года, кратко упоминалось, что в ловозерских тундрах идет сооружение обогатительной фабрики, что это строительство идет с 1938 года, что лучшими людьми и передовиками производства являлись Воронцов, Ефимов, Кулаков.

Ни о назначении обогатительной фабрики (редкие земли), ни о репрессиях (были арестованы А.И. Викман, У.М. Лейлютанен, Э.И. Ранта и др.), ни о заключенных (а их, по данным музея Ловозерского ГОКа, было около 17 тысяч), работавших в системе «Редметразведка», ничего в печати не сообщалось.

А порядки в этих лагерях были не лучше, чем в других. И в ловозерских тундрах солидарность среди закоренелых уголовников была сильнее, чем у политических, которые часто не доверяли друг другу: «Меня посадили ни за что, по недоразумению, а вот тебя наверняка за дело».

И здесь «социально чуждые» не могли попасть в категорию «лагерной общности», там могли быть лишь «социально близкие»: уголовные элементы, доносчики, стукачи. И здесь зэка могли поймать на употреблении чифира (крепкого чая), на нарушении режима (слонялся без дела во время работы), распорядка дня (спал до отбоя).

Когда в 1941 году началась война с Германией, все лагеря на Кольском полуострове были ликвидированы, а арестанты вывезены на восток. Но уже с 1942 года гулаговская опухоль стала вновь расти на Кольской земле. Сначала появились поселения и лагеря фильтрационного, профилактического характера: в них находились бывшие военнопленные и партизаны, а также люди, сотрудничавшие с немцами на оккупированной территории. Потом по указанию Л.П. Берии возникли исправительно-трудовые колонии при всех крупных предприятиях: тресте «Апатит» (о чем мы еще расскажем), комбинате «Североникель» (два мужских и один женский лагеря), при Оленегорском и Ловозерском ГОКах и т.д.

Зэки и криминогенная обстановка

Только в конце 80-х годов историкам, да и то не всем, разрешили заглянуть в «особые папки» Мурманского обкома ВКП(б). В этих секретных делах хранились протоколы закрытых совещаний, где обсуждались мобилизационные вопросы, проблемы обороноспособности, дислокации войск и флота, преступности и криминогенной обстановки в области.

Эта обстановка в середине 30-х годов была очень сложная. Обычно носящий уголовный характер бандитизм на Кольском полуострове все чаще стал принимать политическую окраску. Бывшие напманы, злобствующие хозяйчики, непримиримые офицеры, закусившие удила кулаки часто

поддерживали уголовников и словом и делом. В Мурманске, Кировске и других местах бандиты терроризировали население, на окраинах городов и поселков процветали воровские притоны.

Начальник уголовного розыска Мурманска А.А. Кошелев вспоминал: «В городе действовали бежавшие из мест заключения преступники, много хлопот доставляли моряки, списанные с судов по компроматам, а также буйствующие иностранные моряки. Я уж не говорю о скрывавшихся кулаках...».

Поступавшая в окружном ВКП(б) информация становилась все тревожнее. Вот только две оперативные сводки одного тридцать пятого года:

«В ночь на 25 февраля двое неизвестных под видом моряков с рыболовного траулера, стоящего под выгрузкой в порту, не предъявив документов, пытались пройти через проходную траловой базы. При задержании они напали на охранников Киреева и Моргунова, нанесли им тяжелые ранения головы и, завладев двумя револьверами системы “наган”, скрылись. Предположительно, разбойное нападение совершили бежавшие из следственной тюрьмы Каминский и Корнев».

«23 сентября в деревне Мишуково неизвестные грабители напали на сторожа рыболовецкой артели Парамонова, связали и изолировали его в подсобное помещение конторы, после чего специальным приспособлением взломали в кассе сейф, откуда похитили около ста тысяч рублей».

Расследование по первому случаю показало, что воры-рецидивисты, перепилив решетку окна следственной камеры, спустились на самодельных веревках во двор и, воспользовавшись оплошностью охраны, бежали в город. В ориентировке говорилось: Каминский Степан Ермолаевич... из мест заключения бежал в 1933 году, находился во всесоюзном розыске. В декабре 1934 года, проживая на нелегальном положении в Мурманске, в соучастии с Корневым и Степановым совершил крупную кражу железнодорожных грузов и был арестован. По характеру агрессивен, злобен. При задержании способен оказать активное сопротивление...

Корнев Василий Андреевич... в конце 1934 года, проживая в Мурманске без прописки, вошел в банду Каминского, был арестован...

Степанов Иван Максимович... в июне 1934 года, освободившись из исправительно-трудового лагеря, с целью совершения краж прибыл в Мурманск, где проживал по поддельному паспорту. В банде Каминского играл роль наводчика...

Захватив милицейские наганы, бандиты совершили ряд ограблений и изнасилований, а затем «залегли на дно» у одного бывшего зэка, работавшего грузчиком в магазине ТПО. Немало пришлось потрудиться милиции, чтобы арестовать преступников.

Что же касалось второго ЧП – ограбления кассы в Мишуково, сразу было видно, что это дело опытных воров-рецидивистов.

Из «медвежатников» (специалистов по вскрытию сейфов) 30-х годов

на Мурмане были хорошо известны братья-близнецы Захаровы – Константин и Павел. До 1935 года они привлекались к уголовной ответственности не менее шести раз, но свой воровской инструмент так и не выдали.

Захаровы прибыли на «гастроли» на Кольский полуостров из Ленинградской области. Здесь совершили два ограбления: в кассе рыболовецкого колхоза взяли 100 тысяч, а на руднике в Кировске – 40 тысяч рублей. Но тюрьма уже вновь плакала по братьям: их задержали, деньги и «балерину» (воровской инструмент) нашли в огороде их дяди в Тик-губе.

Таких случаев в Мурманском округе было тогда очень много. Часто заключенные после отбывтия сроков наказания оставались на Севере, и далеко не все находили себе честное место в жизни, преступная среда вновь засасывала человека в свой омут.

В области всегда было сложно с трудовым и бытовым устройством освобождающихся. Сотни бывших зэков мыкались по городам и поселкам полуострова, не имея возможности устроиться на работу: то из-за отсутствия специальности, то прописки, то нужной рекомендации.

Да и побеги из лагерей, многие из которых были временными и плохо охраняемыми, случались частенько. Причин для этого было достаточно. Наверное, поэтому вопрос «О ненормальностях в организации труда заключенных» обсуждался в начале 1937 года на заседании бюро Мурманского окружкома ВКП(б). Докладывал главный чекист округа В.Г. Кравцов. Речь шла не только об организации труда, а обо всей системе содержания заключенных. В лагерях царили произвол, насилие, беззаконие. Это тогда говорили: «Не ври, что десятку ни за что дали, ни за что только пять дают». Заключенные были настоящими рабами социалистического общества, более бесправными и обиженными, чем невольники времен Цезаря и Спартака. Они были обижены и оскорблены государством, их ежедневно унижали караульные и лагерное начальство, над ними издевались собратья-уркаганы, отбиравшие пожитки и пищу. Постоянное недоедание (УДП – усиленное дополнительное питание) не спасало. Эту аббревиатуру заключенные расшифровывали по-своему: «Умрешь днем позже», и издевательства, избиения и болезни часто заканчивались смертельным исходом. А политработники и сотрудники КВЧ (культурно-воспитательная часть) продолжали воспитывать заключенных в духе преданности партии и Сталину.

Один из заключенных (Юз Алешковский) оставил такое стихотворное свидетельство:

В чужих грехах мы с ходу признавались,
Этапом шли навстречу злой судьбе,
Но верили Вам так, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе...
То дождь, то снег, то мошара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры разводили пламя –

Спасибо Вам, я греюсь у костра...
Вы снитесь нам, когда в партийной кепке
И в кителе идете на парад.
Мы рубим лес по-сталински, а щепки,
А щепки во все стороны летят.

Вся жизнь заключенных состояла из одного маршрута: лагерь – рабочая зона – лагерь; в каждом лагере ежедневно их ожидал БУР – барак усиленного режима; среди них было от 20 до 40 процентов с отклонениями психики. Впрочем, немногим лучше обстояло дело у раскулаченных и ссыльных, состоящих на учете в спецкомендатурах Кировска, Кандалакши, Мончегорска, Кильдинстроя...

Все это вместе взятое, особенно большое количество исправительно-трудовых лагерей, когда на каждых десяти жителях Мурмана приходился один заключенный, прямо влияло на криминогенную обстановку на полуострове.

Был еще один фактор, усиливающий напряженное состояние общества: у многих мурманчан в тюрьмах и лагерях оказались родственники, друзья и знакомые. Многие про себя возмущались: что же происходит? Где справедливость? Куда смотрит Советская власть?

Мурманчанка Шахова недавно вспоминала: «У меня в 1938 году забрали отца и четырех его братьев, когда мы жили в Кильдинстрое. Лишь один из братьев выжил, пройдя через 10 лет тюрьмы и каторги. Остальные, в том числе и мой отец, умерли от пыток в Кировске. Где он похоронен, где брошены его останки, нам неизвестно. Некуда и цветы принести...».

Таких судеб было не десятки, не сотни, а тысячи.

Зэки и Северный флот

Казалось бы, что может быть общего между этими двумя понятиями? Впервые мне пришлось задуматься над этим вопросом много лет назад, когда в «Новом мире» (1962, № 2) прочитал повесть Вениамина Каверина о транспортировке зэков из Кольского залива к Западной Лице на строительство аэродрома в канун войны с Германией.

Вот два небольших отрывка из этой повести (ее название «Семь пар нечистых»).

Первый – об отправке заключенных из Мурманска: «Вдоль рельсов выстраивались какие-то плохо одетые люди. Охрана покрикивала на них. В грустном свете незаходящего солнца у них были бледные, усталые лица. Старший охранник в подвязанной куртке со свистком и пистолетом за поясом скомандовал, и они быстро... ловко опустились на одно колено. Стожевые собаки, большие овчарки, сидели смирно по сторонам колонны. Старший сосчитал людей, они встали и по мосткам, переброшенным с пирса, разговаривая и толкаясь, пошли на “Онегу” (так назывался пароход,

на котором перевозили заключенных)».

Вторая цитата – о составе спецконтингента: «Среди заключенных, расположившихся в трюме, было много так называемых “указников”, т.е. людей, осужденных за прогул или даже за то, что они опоздали на работу. Но были и настоящие уголовники, приговоренные к длительным срокам тюремного заключения. Почти все они, кроме восьми – девяти, сидевших в мурманской тюрьме, встретились впервые в порту...

Заключенные работали всегда, в Мурманске их каждый день водили в порт или на рытье котлованов».

Фабула повествования была такова: зэки (их было около 100 человек) решили поднять мятеж-восстание, захватить пароход и уйти за кордон – за границу. Но (дело происходило в июне 1941 года) в море они узнали, что немцы напали на СССР, что началась война. В среде заключенных произошел раскол, большинство высказалось против бунта: «Обстановка изменилась, нас так и так освободят».

Повесть заинтересовала тогда краеведов, и мы послали письмо В.А. Каверину с просьбой сообщить, насколько достоверны эти факты. Он подтвердил: «Это было. Об этом мне рассказал в Полярном, где я был корреспондентом в войну, один из очевидцев».

Значит, заключенные все-таки использовались для строительства военных объектов вблизи границы. Надо искать об этом материалы. Но где?

И вот, наконец, в Государственном архиве Мурманской области случайно нахожу упоминание, что в конце 30-х годов 10-е отделение Белбалтлага имело лагеря на Торос-острове, в Порт-Владимире, в Сайда-губе и даже на Абрам-мысе.

Затем один ветеран войны рассказал о заключенных на острове Кильдин. Что они там делали? Строили казармы, артиллерийские позиции, посадочную площадку, причалы для военных кораблей, ремонтную базу, дорогу.

Приблизительно тогда же я получил письмо от Лилии Тамминен, которая родилась и росла на Торос-острове. Она сообщила, что услововцы свободно ходили по острову и даже угощали ее, пятилетнюю девочку, конфетами.

У Северного флота было тогда несколько военно-строительных организаций, которые использовали труд заключенных при строительстве автогужевых и железной дорог.

В особых папках Мурманского обкома ВКП(б) есть указания на то, что Кольлаг (начальником был некто Гаврилов) с 1938 года строил дорогу к Ваенге (объект № 41), а также к военно-морской базе и аэродрому. На протяжении 29 километров располагались несколько лагпунктов и поселков заключенных. (Где-то около 21 километра был еще один засекреченный объект № 33.) По вопросам этих военных объектов Мурманский обком партии не раз обращался к Л.П. Берии.

Еще одно сообщение о лагерях на побережье я получил в феврале 1990 года, когда выступал с лекцией в гидрографическом отделе Северного военно-морского флота. В.И. Теплов из Западной Лицы со слов работников маяка рассказал мне, что большой лагерь заключенных (якобы около 4 тысяч человек) был до войны в губе Нерпичьей. Их, якобы, в июне 1941 года вывезти не смогли и расстреляли. Так это или не так – на совести рассказчика.

Больше никакими сведениями об использовании труда заключенных на Северном флоте не располагаю. Думаю, эти вопросы требуют дальнейшего изучения, так же как и проблема репрессированных североморцев. Ведь многие из них сидели в мурманских тюрьмах и лагерях (в т.ч. начальник штаба Северного флота П.С. Смирнов, командиры подводных лодок Н.К. Грибоедов, Л.М. Рейснер, К.М. Шуйский).

Кстати о Константине Шуйском, его трагедии (осенью 1939 года он повел «Щ-424» в море, но в Кольском заливе рыболовный траулер налетел на лодку и разворотил ее корпус. «Щука» затонула почти со всем экипажем. А Шуйского, стоявшего на мостике и оставшегося живым, посадили в тюрьму. Подводник И.А. Колышкин писал: «Шуйский отбывал наказание в лагерях близ Мурманска. Его вскоре расконвоировали, и наши иногда встречали его в городе, куда он попадал по транспортным делам, – это была его лагерная профессия. Костю не забывали на бригаде. И когда началась война, было написано ходатайство, чтобы Шуйского как опытного военно-морского специалиста временно освободили для участия в боевых действиях флота, дабы он мог кровью смыть содеянное. Ходатайство было удовлетворено». Так «из мест заключения» прибыл к нам на бригаду (подводных лодок – А.К.). Константин Матвеевич Шуйский «с отбытием оставшегося срока наказания после войны». (В повести В. Каверина «Семь пар нечистых» В.М. Шуйский выведен под именем Николая Ивановича Веревкина.)

Мало кто знает, что в роли «врага народа» побывал и широко известный подводник-североморец Николай Александрович Лунин. Во время разгула шпиономании в октябре 1938 года его арестовали. Историк-журналист Н. Степанищев писал: «Тринадцать долгих месяцев провел подводник за решеткой в мурманской тюрьме. Николай Александрович выдержал изнурительные допросы, бесстрашно отстаивал свое честное имя. 27 ноября 1939 года в Мурманске под председательством полкового комиссара Стеблина состоялось закрытое заседание военного трибунала, на котором с североморца сняли заклятое клеймо «враг народа».

Меньше повезло К.Н. Грибоедову, о котором С.И. Кулешов вспоминал так: «Со мной в камере сидел Константин Николаевич Грибоедов, капитан I ранга, командир бригады подводных лодок. Образованнейший, эрудированный человек. Умница. Говорили, что он даже родственник по какой-то дальней ветви великого писателя. Когда приходил с допроса, мы

его спрашивали: “Ну как?” – “Да так, – отвечал, – кельке шоз”. Это по-французски “кое-что”. Он много языков знал. Был душой нашего тюремного коллектива, его совестью, вожаком. Расстреляли его...».

А вот что писала о К.Н. Грибоедове А.В. Кривенко: «Константин Николаевич был арестован весной 1938 года, а летом сотрудники Наркомата внутренних дел привезли его в мурманскую окружную тюрьму и поместили в общую камеру. Допросы с пристрастием вели по ночам начальник мурманского отдела НКВД Кравцов и его следователи».

Вдоль границы с Финляндией

В конце 30-х годов, когда общую политику ГУЛАГа стал определять Л.П. Берия, заключенные начали широко использоваться на строительстве не только военных объектов Северного флота, но и железных дорог к финской границе.

О ветке на северо-запад от Пинозера к Ковдору мы уже говорили, она была сдана в эксплуатацию в июне 1941 года. А вот что касается железнодорожной ветки к Алакуртти и Куолаярви, то историк-краевед Виктор Михайлов нашел и обнародовал директиву НКВД от 19 января 1940 года:

«Мурманск, НКВД, Горику.

Решением ЦК ВКП(б) и СНК на НКВД СССР возложена задача строительства новой железной дороги. Приступить немедленно и открыть движение поездов не позднее 15 марта 1940 года. Для выполнения почетной и высоко ответственной работы в сроки, установленные ЦК ВКП(б), приказываю: организовать управление строительства и исправительно-трудового лагеря, который числить строительством 105/3 с дислокацией на ст. Кандалакша Кировской железной дороги...

Отобрать из числа инженерно-технических работников 10 человек и отправить в командировку на строительство 105/3. Для выполнения работ использовать лагерников исправтрудлагеря строительства Сегежского комбината и Сороклага... Для комплектования строительства направить 34 тысячи лагерников с расчетом их прибытия на место ст. Кандалакша Мурманской области партиями и этапом.

Начальнику УНКВД Ленинградской области тов. Гоглидзе наблюдать за качественным отбором контингентов... Отправить только мужчин – лучших производственников, здоровых, пригодных к тяжелому физическому труду в условиях Севера, имеющих остаток срока заключения не менее 6 месяцев... Бригады направлять со всем наличием медицинского, производственного аппарата, запасом продовольствия, инвентарем, рабочим инструментом.

Объявить заключенным, что всем, хорошо работающим на строительстве, будет выдаваться повышенное премиальное вознаграждение.

Лучшим ударникам и особо отличившимся по окончании строительства будут применены льготы в виде сокращения сроков. А лучшие ударники-рекордисты будут освобождены досрочно и представлены к наградам. По отношению же отказников, дезорганизаторов производства и лагерного режима применять самые суровые меры. Ввести на строительстве для заключенных повышенные нормы питания.

Народный комиссар внутренних дел СССР, комиссар госбезопасности Л. Берия».

Как видите, стройка 105/3 была сверхударной и стратегической, и заключенных (аж 34 тысячи!) для этого дела подбирали со знанием дела.

По-видимому, были заключенные и у УНР – 95,96 и др., которые работали вдоль сухопутной границы в Титовском оборонительном районе.

В последние годы жизни Сталина

На начало Великой Отечественной войны в СССР было 2,3 миллиона заключенных. Движение в ГУЛАГе, по данным «Комсомольской правды» (см. номер от 29.09.89), в войну было таким: прибыло 2 550 тысяч, убыло из ГУЛАГа 3 400 тысяч, в том числе 900 тысяч в первые два года войны. В декабре 1944 года в местах заключения СССР находилось 1 450 тысяч осужденных. В том же номере газеты приводятся и цифры вклада ГУЛАГа в дело Победы – 315 тонн добытого золота, 6 500 тонн выплавленного никеля, почти 15 000 тонн концентрата олова и др.

Что касается Кольского полуострова, то о зэках военной поры у нас немного сведений. Известно, что исправительно-трудовые лагеря были ликвидированы и эвакуированы летом 1941 года; вывозились лагерники и поездами, и пароходами. Те же, кто арестовывался и осуждался по законам военного времени, содержались либо в следственном изоляторе Мурманска, либо в тюрьмах Кандалакши (№ 2) и Кировска (№ 3). Существовали и внутренние тюрьмы УНКВД (в областном центре) и при особом отделе Северного флота (в Полярном).

Летом 1941 года в Заполярье прибыла большая партия заключенных из Воркуты и Печоры (более 8 тысяч). Это были люди, имевшие небольшие сроки и изъявившие желание воевать с фашистами. Их послали на Северный фронт, и многие из них сражались в составе Полярной дивизии.

Ветеран этого соединения народного ополчения Борис Соколов спустя много лет подтверждал: «Да, в составе дивизии были не только добровольцы: коммунисты, комсомольцы, беспартийные из Мурманска и Колы. Предоставлена была возможность искупить свою вину перед народом в бою с фашистами и уголовным преступникам... Я свидетель их героических поступков в бою. Со всех оставшихся в живых после сражения были сняты судимости».

С 1944 года, после открытия Второго фронта и разгрома немецких захватчиков в Заполярье, в Мурманской области появились проверочно-фильтрационные лагеря. В них помещались прибывшие морем из Европы советские граждане, оказавшиеся по каким-либо причинам (плен, фашистские мобилизации на трудовой фронт, разного рода беженцы, эмигранты и т.д.) у союзников. В этих же лагерях сидели и работали «подозрительные элементы» с оккупированной немцами и их союзниками территории. По данным еженедельника «Аргументы и факты», в 1946 году в проверочно-фильтрационных лагерях СССР осталось 228 тысяч человек, а к 1 января 1947 года – всего 29 тысяч. Все остальные были либо отпущены по домам, либо осуждены и переведены в исправительно-трудовые колонии, либо высланы в отдаленные места страны. У нас в области эти люди работали на всех крупных предприятиях; чаще всего их звали «партизанами» (среди них было много западных украинцев).

К сожалению, послевоенные годы не привнесли положительных изменений в репрессивно-карательную политику Советского государства. Число заключенных продолжало расти: в 1947 году – 1 722 тысячи, в 1948 – 2 200, в 1949 – 2 357 тысяч.

По архивным данным, на 1 января 1950 года в системе ГУЛАГа числился 2 561 351 заключенный, в том числе 1 416 300 человек в ИТЛ и 1 145 051 – в ИТК. 23 процента из них были осуждены за так называемые контрреволюционные преступления.

Кроме того, в тот год на спецпоселении числилось 2 660 040 человек да в тюрьмах сидели 230 тысяч. Таким образом, общее число репрессированных составляло 5,5 миллиона. Это был, пожалуй, пик политики сталинско-бериевских репрессий в системе ГУЛАГа: ни до, ни после этого количество заключенных и ссыльных не превышало эти цифры.

Оглядываясь на прошлое – на свое окружение, близких и соседей – и кажется, что не было ни одной семьи, в которой кто-нибудь в те времена не сидел в заключении; не то сказал – в лагерь, подбирал колоски в поле в голодное время – в тюрьму, унес с работы что-то валяющееся – в колонию, допустил халатность, растрату – получи 10 лет. А уж репрессии «за политику», пассивность в борьбе с космополитизмом, международным сионизмом, недостаточную бдительность в борьбе с происками всяких врагов – это было в порядке вещей.

Именно в то время на Западе утверждали, что число заключенных в СССР составляло около 20 миллионов человек (Элеонора Рузвельт), что за период с 1938 по 1950 годы в тюрьмах и лагерях СССР погибло 12 миллионов (Р. Конквест), что к ним надо добавить еще, по крайней мере, миллион расстрелянных (тот же Роберт Конквест в изложении редакции журнала «Родина»).

А как же на самом деле обстояло дело, где истина?

Когда умер Сталин и расстреляли Берию, Хрущев решил начать реа-

билитацию, приказал Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко, министру внутренних дел С.Н. Круглову и министру юстиции К.П. Горшенину подготовить справку о количестве осужденных за контрреволюционные преступления за период с 1921 по 1953 годы. Тогда было подсчитано, что за эти 33 года Коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией и военными трибуналами были осуждены 3 777 380 человек: к высшей мере наказания – 642 980, содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже – 2 369 200, к ссылке и высылке – 765 180.

Эти цифры были приняты на веру, но в годы перестройки в нашей печати приводились и другие данные. Так, «Московские новости» в 1990 году приводили общее число репрессированных – 3 778 234 человека, а расстрелянных – 786 098 человек.

Еще одна, сравнительно новая, информация. 3 августа 1992 года на коллегии Министерства безопасности Российской Федерации (МБРФ) было заявлено (в изложении газеты «Известия»), что «за все время коммунистической власти (1917–1990 годы) в СССР по обвинению в государственных преступлениях и некоторым другим статьям уголовного законодательства аналогичного свойства осуждены 3 853 900 человек, 827 995 из них приговорены к расстрелу».

В день когда вышел упомянутый номер «Известий» (4 августа 1992 года), Центральное телевидение по каналу «Останкино» транслировало четвертую серию французского документального фильма «Секретные службы». В этой серии, посвященной КГБ, утверждалось, что в ходе репрессий погибло 3 миллиона человек, а всего было репрессировано 20 миллионов.

Так что свистопляска с цифрами продолжалась...

Но вернемся к первым послевоенным годам на Мурмане. Наряду с военнопленными (их лагеря были во всех городах Кольского полуострова), к восстановлению народного хозяйства стали вновь широко привлекаться и заключенные, к концу 40-х годов на территории полуострова было опять не менее полутора десятков ИТК. Особенно густо были напичканы ими центральные части полуострова, в первую очередь Хибины.

В конце четвертой пятилетки (в 1950 году) комбинат «Апатит» был вновь, как и до войны, передан в систему НКВД. Нужно было быстрее поднимать сельское хозяйство, выпускать больше удобрений, и никто, по мнению Л.П. Берии, поддержанного Сталиным, кроме НКВД, с этой задачей не мог справиться. Вновь пошли в Хибины эшелоны с зэками.

...На рудниках, на первой обогатительной фабрике были закрытые зоны (сушильное отделение, погрузка концентрата на АНОФ-1), где день работы заключенным зачитывался за три.

Работали заключенные также на разгрузке грузов, прибывших в адрес комбината «Апатит», а также в службе пути желдорцеха и дорожной

службе автобазы... Под предлогом нехватки конвойных часто работали 20–30 эков там, где требовалось всего 3–4 человека.

На мой вопрос о составе заключенных кировчанка Л.П. Пучкова (а она в те годы работала в отделе труда и заработной платы и была представителем администрации в лагерном суде) вспоминала, что среди лагерников было много «участников Великой Отечественной войны, нарушивших воинский режим (самовольные отлучки и др.) в частях, расположенных на территории стран освобожденной Восточной Европы». Было много посаженных за воровство в деревне (тогда говорили – «за колоски»). Были и рецидивисты-уголовники, но их было немного...

До самого последнего времени у нас не было полной ясности с лагерями восточнее Хибин, входящими в так называемую «стройку 509». Ловозерский краевед И. Евремов утверждал, что эти лагеря заключенных – на 17-м, 44-м, 62-м, 72-м, 101-м и 130-м километрах за Кировском – возникли в войну и были предназначены для вывоза ленд-лизовских грузов из Йоканги.

Другая версия содержится в недавно опубликованных воспоминаниях ветерана Севера И.В. Белькова: он считает эти лагеря «продуктом» послевоенного времени. «В 1950 году было начато крупное строительство железной дороги Титан – Йоканга. По всей трассе организации министерства государственной безопасности проводили изыскательские работы, а в 1951–1952 годах разместились лагеря заключенных. Отдельные лагпункты были в поселке Титан, на 44, 56, 72, 82, 101, 125, 137-м километрах трассы. До 180-го километра, где находилось управление строительством, проложили грунтовую дорогу; до 82-го километра сделана насыпь, а до 56-го уложены рельсы. На 137, 180, 240 и 265 километрах трассы были сооружены посадочные полосы для самолетов АН-2, до 180-го километра протянута телефонная линия».

Спустя полвека сюда, в восточную часть полуострова, пришли краеведы и журналисты. И вот их описание: «Лагерь на сотом километре представляет из себя целый городок – около двадцати построек, как относительно сохранившихся, так и разрушенных. Половина из них были бараками, казармами, и один очень крепкий небольшой жилой дом, можно предположить, предназначался для офицеров.

Чем отличается казарма охраны от барака заключенных? Размеры их одинаковы – приблизительно 26 на 8 метров, высота 3,5. Но в первых сохранилась электропроводка, были полы и потолки, а главное – остались пирамиды для оружия. Другие же здания без следов электрического освещения, от пола и потолка не осталось никаких следов, по всей видимости, их не было совсем. Отсюда вывод: здесь жили заключенные. Отапливались здания, наверное, «буржуйками», поскольку никаких следов от каменных печей и труб нет.

Хорошо сохранились остатки столовой. Здесь, в Т-образном здании, тоже нетрудно угадать, где были большой зал и кухня. На последней – остатки полок для посуды. Цел и родник-колодец в полукилометре от лагеря. Вода в нем чистая и вкусная».

Наглядным подтверждением этого описания были фотографии, опубликованные в газете: забор из колючей проволоки, сохранившаяся сторожевая вышка.

Другая группа краеведов (из Ревды) обследовала заброшенный лагерь на 72-м километре. Они писали: «От тех времен сохранилась земляная насыпь (железной дороги к морю – А.К.), а на месте лагеря – тройной ряд колючей проволоки, разрушенные бараки, две угловые вышки для часовых. Судя по размерам, лагерь мог вместить 800 человек.

В числе находок оказались и бытовые предметы: миски, кружки, ложки и т.д. На донышке одной из кружек нацарапана фамилия ее хозяина – Николай Коростев, удалось разобрать еще одну фамилию – Морозов».

Одно из бревен с обрывками колючей проволоки из этого лагеря краеведы доставили в музей истории Ловозерского ГОКа...

Одновременно я продолжал поиски материалов об этой «последней великой сталинской стройке на Кольском полуострове» в архивах и кое-что нашел.

Начальником управления ИТЛ и стройки МВД № 509 был инженер-майор (потом подполковник) И.Г. Мельник. Штаб этой мощной организации размещался в Титане. Руководящие кадры на стройку прибывали со всей страны, с таких же номерных объектов (№ 501, 503, 505, 511).

Военно-строительные и железнодорожные батальоны (а их число доходило до тринадцати, и в каждом было по 900–950 человек) размещались от Кировска, где стоял первый батальон, которым в 1951 г. командовал А.Н. Филимонов, до Гремихи. В архивных документах они значатся как в/ч 1406, 1407, 1408, 1409, 1410, 1411, 1412 и т.д. Вперемежку с ними в тундре стояли лагеря заключенных.

Вот состояние первого лагерного поселка на 1 марта 1952 года (по архивным данным): заключенных – 579 человек, лошадей – 49, кухни-столовой нет, клуба нет; эти объекты, так же как баня, пекарня и пять бараков, еще только строились, а пока заключенные жили в палатках. Лагерный поселок № 2 размещался на 56-м километре. На 19 ноября 1952 года в нем проживали 1 236 заключенных, размещенных в пяти бараках.

На одном из совещаний в управлении стройки № 509 (это было 3 мая 1952 года) обсуждался вопрос о ходе строительства на участке от 45-го до 130-го километра. Вот тогда-то и было решено строить целый ряд лагерных поселков: на 45-м километре (на тысячу заключенных), на 56-м и 62-м (по 500 человек), а также на 72-м и 82-м километрах. Одновременно создавались военные городки в районах центральной части Кольского полуострова, возникли лесопильные, бетонные, шпалорезные заводы и другие

промышленные предприятия. Строительное управление № 509 возводило также оборотное депо на станции К. (Кировск? Кандалакша?), линии электропередач ЛЭП-35 и ЛЭП-10 и ряд военных объектов в Гремихе.

К началу 1953 года силами заключенных был построен большой участок железной дороги от Кировска до Гремихи. Даже ходил поезд от Титана до моста через реку Умбу. Правда, этот рабочий поезд № 1502 до пункта ГК-97 шел со скоростью 10 км/ч, а дальше – еще медленнее.

Смерть Сталина, арест Берия, ликвидация ГУЛАГа приостановили строительство (стройка № 509 стала именоваться «п/я 16»).

Сравнительно недавно более или менее прояснилась картина с лагерями в районе Кандалакши. Михаил Кураев в повести «Петя по дороге в царствие небесное» писал, что всеми лагерями в районе Кандалакши в начале 50-х годов (а их было якобы шесть) командовал полковник Богуславский. Один лагерь на тысячу душ был за лесным поселком, на скалистой плешине. Другой – на краю города, а самый крупный был в Пинозере.

Автор этой повести говорит: «Разный народ был в ту пору в лагерях, разный, и можно только удивляться, как в последующие времена стало получаться, что сидел в лагерях цвет России». Мальчишкой Кураев видел, как участок за Кировской аллеей, «ближе к Чкаловской улице, обнесли столбами. Между столбами натянули что-то линий в пять-шесть новенькую колючую проволоку, по краям поставили четыре деревянные вышки из белых сосновых досок, вышки были с красивыми шатровыми крышами... Запускали в зону с Чкаловской, там была и комендантская времянка, и караулка и все как полагается».

Станислав Еремеевич Лопинцев, сосед и однокашник М.Н. Кураева по Кандалакше, недавно вспоминал, что в окрестностях города, в поселке Лесном «располагались лагерь мужской, а затем и женский, обнесенные проволокой, и вышки с часовыми. Были попытки, изредка и удачные, прорваться из мужского лагеря в женский, была и стрельба. Мы все это видели».

Видели кандалакшцы и настоящие побеги на волю, один из таких случаев и описан в этой во многом автобиографической повести. Там же Кураев сообщал, что «на Пинозере шесть человек ушло, одного в Котласе взяли, второго – в Обозерской, третий по пьянке засыпался, а трое – с концами».

Описаны у М.Н. Кураева и нравы лагерной администрации: начальник лагеря «держал парикмахера, которого привозили ему на квартиру; если собирались гости на именины или Октябрьские, привозили и поваров, мобилизованных среди отбывающих отсидку проворовавшихся кухмистеров». (Потом якобы Богуславского посадили, а в лагере его зэки зарезали.)

Строительство подземной Нивской гидростанции в Кандалакше обошлось без помощи заключенных, силами спецпереселенцев и репатриированных. Как свидетельствует М.Н. Кураев, на НиваГЭС-III «немецкие и итальянские военнопленные, полученные в конце сорок пятого года,

не прижились; зато наши пленные, полученные из немецких лагерей через репатриационные службы, очень своевременно, как раз в предпусковой период дали очень хороший контингент...».

Несколько лагерей было в зоне Мончегорска – Оленегорска. Широкая общественность ничего не знала тогда о внутренней жизни этих мест заключения. Причем особенно тяжело было в лагерях и колониях женщинам. Помню, на рубеже 40–50-х годов одному моему приятелю пришлось по партийным делам посетить женский лагерь в Мончегорске (его начальником был З.Я. Бергер). Эти женщины-заключенные работали на строительстве и передали на волю ряд записок, что у них в лагере царит произвол, что начальство, начиная от главного и заканчивая конвоирами, оскорбляет, грабит и насилует молодых женщин. И при разборе жалоб, касающихся офицеров-коммунистов, все это подтвердилось.

Был еще один повод для беспокойства общественности: побег и поиски заключенных. Каких только способов бегства не придумывали зэки. Помню, один заключенный бежал из оленегорского лагеря в бочке с фекалиями. Как он вытерпел эту вонь без противогаза, почему его не выдал «золотарь» – трудно сказать...

В общем, после войны положение заключенных было несколько не лучше, чем в тридцатые годы. Вот описание одного такого послевоенного лагеря: «В этом барачном городке, окруженном “колючкой”, пулеметами и собаками, среди мелких карманников и убийц; среди гомосексуалистов и профессора, которого черт дернул за язык рассказать в кругу своих друзей анекдот про “трубку” (в нем говорилось, что у Сталина пропала курительная трубка, Берия начал следствие: к концу дня сознались в похищении сто человек. Но вечером Иосиф Виссарионович обнаружил ее под софой. К сожалению, воров уже расстреляли); среди дезертиров войны и многоженцев; среди бывших полицаев со Смоленщины и перепуганного насмерть еврея, у которого, как установило следствие, двадцать четвертая ветка родословного древа проживает в Бонне; среди всех этих голодных, избитых судьбой, исковерканных пороками, своими и общественными; среди этих дрожащих от холода и страха полулюдей жила надежда.

Она бродит по ночным баракам призраком амнистии, обрывая тяжелые сны, завязывая бесконечные разговоры – разговоры до утра, пока дождливый рассвет не погонит всю эту массу тел инстинктом голода в столовую».

И амнистия пришла – в 1953 году из 2,5 миллиона человек была освобождена половина: 1 181 264 человека. После смерти Сталина (5 марта 1953 года) лагеря стали ликвидироваться, заключенные, попавшие под амнистию, разъезжались по домам. Кого не отпускали, переводили в новые пункты назначения. Началась реабилитация политических. Число лагерей на Кольском полуострове вновь стало сокращаться...

Уже после того как этот материал был написан, мне представили свои, весьма ценные материалы сотрудники информационного центра УВД Мурманской области (выражаю искреннюю благодарность майору В.Б. Грачеву, сотрудникам А.В. Галат и Л.П. Шмидт). Так вот, на рубеже 40-х и 50-х годов на Кольском полуострове была густая сеть исправительно-трудовых учреждений.

Лагерные отделения были в Кандалакше (№ 1 и 10), в Шонгуе (№ 2 «Дорстройка»), в Мурманске (№ 8, тут сидели по обвинению в государственной измене и терроризме), в Оленьей (№ 9), в Червяной губе (№ 13), в Мончегорске (№ 14), в Африканде, Княжой (№ 15), в Мурмашах (№ 18).

Отдельные лагерные пункты и ИТК находились в Мурманске (ИТК 1 и 17), в Кице (ИТК-2), в Лавне, на Зеленом мысу и Шонгуе (ИТК-3), в поселке Пауча на Нотозере (ИТК-4), в Ваенге и Варламовой губе (ИТК-5), в Кировске (ИТК-6, здесь содержались осужденные за антисоветскую агитацию), в Кандалакше (ИТК-7), в поселке Ена (ИТК-16).

В этом же списке числились Белореченские исправительно-трудовые лагеря с отделениями в Кировске (ЛО-1), в районе Хибин (ЛО-2), в Шонгуе (ЛО-3), в Лоухах (ЛО-4), Энгозере (ЛО-5), в Апатитах (ЛО-6).

Что ни говорите, а уточненная картина впечатляет.

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ НА СЕВЕРЕ

Впервые с этой проблемой современного общества и, стало быть, истории я столкнулся давно, где-то полвека назад. Произошло это при следующих обстоятельствах.

В канун Второй мировой войны – это было то ли в 1937-м, то ли в 1938-м годах (точно не помню) – мы поехали из Монче-губы на лодке за грибами в дальний угол озера Имандра. Грибов было много, мы увлеклись и под конец, как это иногда бывает, заблудились. И вот тут-то на склоне холма увидели два полуистлевших трупа-скелета. Старший среди нас палкой поворошил остатки телогреек, сморщенной шапки, какой-то сумки и определил: «Это зэки, заключенные. Видно, бежали из лагеря, заблудились и умерли от голода. А может, замерзли зимой». Мы молча переглянулись и спешно бросились вниз к блестящему вдали озеру, хотя сопровождавшие нас взрослые успокаивали, что таких останков в тундре много встречается. Жуткая картина со скелетами долго не выходила из памяти.

А вскоре я увидел заключенных воочию. Они мостили одну из улиц Мончегорска булыжником. Колонна арестантов была окружена шестью-семью конвойными красноармейцами. Серая масса (заключенных было человек сто, а то и больше) копошилась на полотне дороги, а нам, вольным, предлагали не подходить близко, ходить обочиной. Но любопытство одолевало нас, было жалко молодых парней и бородатых мужиков, и мы незаметно подсовывали им то горбушку хлеба, то пачку папирос. А заключенные (все северяне звали их «бэбэка», и многие не понимали этой аббревиатуры – арестантов прислали с Беломорско-Балтийского канала) стремились передать через нас весточку на волю: они клали листки или конверты под камни, откуда мы после окончания их работы вынимали и отправляли по указанным адресам. Мы понимали, что это нарушение правопорядка, но жалость к арестантам побеждала другие нравственные устои. Взрослые ругали нас, стращали милицией и НКВД, запугивали и самими заключенными, которые, мол, убежав из лагерей, пошаливают в окрестностях, нападают на жителей, насилюют женщин.

Не знаю, сколько тут было правды, сколько вымысла, но судьбы заключенных на Севере долгие годы были объектом особых разговоров и темой, практически закрытой для печати.

В пору перестройки, демократизации и гласности появилось немало публикаций о лагерях и заключенных, однако почти все они сделаны как бы «изнутри» проблемы: описывают события, пережитые самими, в основном, политическими заключенными. Мы же попытаемся исследовать проблему извне и с объективных, исторических позиций.

Общезвестно, что всякое государство должно иметь свой аппарат насилия, всякое общество имеет собственные законы. Важно, чтобы эти

законы при осуществлении государственной власти не игнорировались, их основы не попирались.

Однако этот постулат в корне нарушался в годы культа Сталина. Отсюда пошли беззакония в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР в 1922–1934 годах), а затем – в НКВД. Именно на этой почве выросли «чекисты» сталинской формации – Г.Г. Ягода, Н.И. Ежов и Л.П. Берия.

Говоря о беззакониях и репрессиях, мы долгое время вели отсчет от 1934 года, считая, что весь кошмар начался после убийства С.М. Кирова. Однако это не так, и ныне история поставила в порядок дня вопросы о пересмотре так называемого «Шахтинского дела» (1928 год), процессов «Промпартии» (1930 год), «Союзного бюро меньшевиков» (1931 год), церковников и т.д. И потому начальной полосой массовых репрессий правильнее считать годы первой пятилетки.

Да, это были годы социалистической индустриализации, когда в СССР в короткие сроки создавалась крупная промышленность, осуществлялся план ГОЭЛРО. «Славными символами этих достижений, – говорилось в докладе, посвященном 70-летию Октябрьской революции 2 ноября 1987 года, – стали Магнитка, Кузбасс, Днепрогэс, Уралмаш, Хибинский комбинат... Это был трудовой подвиг всемирно-исторического значения, подвиг освобожденного труда, подвиг партии большевиков».

Все это так, тем не менее в этой бочке меда есть не одна ложка дегтя. В том же докладе упоминались тяжелейшие условия труда, отсутствие механизации, полуголодное существование рабочих. Но у этих людей были свобода, бескорыстие и уверенность в необходимости происходящего.

Мы же хотим рассказать об использовании труда заключенных, приоткрыть еще одну страницу мурманской истории.

Но сначала – общие положения этой проблемы в масштабах всей страны.

Число репрессированных и изолированных от общества стало быстро расти в конце 20-х годов. Наряду с действительными преступниками-уголовниками в тюрьмы все чаще попадались инженеры-«вредители», люди творческого труда – «контрреволюционеры», интеллигенты из бывших дворянских семей. Поскольку тюрьмы не могли вместить всех попавших за решетку, спешно создавалась система исправительно-трудовых лагерей. Они были организованы во многих районах Союза (в Сибири, Казахстане, на Урале), но особенно много их было на Севере – от Беломорканала до Воркуты.

Заключенные довоенных лагерей, как тогда утверждали, проходили «перековку трудом»: они валили лес на территории Архангельска, строили шахты на Ухте и Печоре, прокладывали дороги в непроходимой тайге и тундре.

Сравнительно гуманные условия существования прежних мест заключения уходили в прошлое. Соловки с их демократическими методами воспитания, со своим высокопрофессиональным театром, со своей прессой (выходил даже общественно-политический журнал), со своим микроклиматом (там отбывал срок заключения председатель Всесоюзного фонда культуры академик Д.С. Лихачев), остались примером «либеральности» времен Ф.Э. Дзержинского и В.Р. Менжинского.

Искусственно вызванное обострение классовой борьбы, ориентировка на неправильно понятый лозунг «Если враг не сдается, его уничтожают» привели к дальнейшему росту числа заключенных.

Об этом заговорили на Западе, СССР был обвинен в широком использовании «принудительного труда». Скрывать существующее положение, которое к тому же усложнялось изоляцией в тюрьмах и лагерях части кулачества, было больше нельзя. И на шестом Всесоюзном съезде Советов в 1931 году тогдашний глава правительства В.М. Молотов вынужден был признать: «Да, в стране используется труд заключенных в интересах социалистического строительства». Были названы районы, где имелись большие контингенты заключенных и некоторые объекты работ. Но ни тогда, ни позже общей цифры заключенных в стране не называлось.

Косвенно же об этом мы можем судить по постановлению ЦИКа СССР в связи с успешным окончанием строительства Беломорско-Балтийского канала имени Сталина, в котором говорилось, что сокращаются «сроки отбывания мер социальной защиты в отношении 59 516 человек» и полностью освобождаются 12 464 человека. А ведь эти поощрения коснулись далеко не всех каналоармейцев.

Что же касается Кольского полуострова, то, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, впервые труд заключенных в широком масштабе был использован в Хибинах. Зэки, среди которых поначалу преобладали уголовники, строили дорогу — сначала грунтовую, а потом — железную.

В связи с этим вспоминается такой случай.

20 апреля 1930 года в Хибинском лагере был совершен групповой побег. Заключенные бежали на север, пытаясь запутать следы, и, возможно, намеревались уйти за кордон. Но поначалу преступники решили по-настоящему вооружиться и с этой целью напали на лесника: вырезали всю семью и забрали два ружья. Чтобы скрыть следы преступления, дом был сожжен.

По пути к Мурманску убийцы Болдашов, Мишин-Гуров и Мошавец 2 мая захватили железнодорожную казарму неподалеку от Шонгуя и одного за другим зверски убили пятнадцать человек, а трупы спустили под лед рядом протекавшей речки. Но на станции Кола заключенные-беглецы почувствовали, что их преследуют, ищут. С необходимыми предосторожностями они уселись в пустой товарный вагон и, как говорится, «смылись» на

юг. В конце концов, их нашли на Украине и расстреляли, а случай этот описал следователь Л.Р. Шейниц в рассказе «Чужие в тундре».

Этот эпизод мы вновь вспомнили с той целью, чтобы не создалось впечатления, что в лагерях сидели одни невинные. Там был всякий народ – вспомните хотя бы кинофильм «Холодное лето пятьдесят третьего...».

В 30-е годы процент политических (вот тут-то действительно невинных) заключенных ежегодно увеличивался, одновременно на Кольском полуострове росло число лагерей. Заключенные строили Нивскую и Нижне-Тулумскую гидростанции, железнодорожную ветку Оленья – Мончегорск, шоссейные дороги к Кильдинстрою и Ваенге, а также к финской границе. Докладывая правительству о ходе освоения богатств Кольского полуострова, управляющий трестом «Апатит» В.И. Кондриков писал, что в начале строительства многие уповали на ГУЛАГ – «он все выстроит».

Об использовании труда заключенных в Заполярье хорошо знали руководители Ленинградской областной и Мурманской окружной партийных организаций. Знали и санкционировали, не только благословляли, но и способствовали развитию лагерной системы. С этой целью посещал поселения Белбалтлага в 1932 году и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микоян. 6 августа 1935 года А.А. Жданов и А.И. Микоян посетили строительство Нижне-Тулумской гидростанции. Их сопровождали начальник Беломорстроя Я.Д. Раппопорт и начальник Туломстроя комбриг внутренних войск В.А. Сутырин.

Самые большие контингенты заключенных в те годы были в Карелии. В книжке, изданной в 1934 году про Беломорканал, читаем:

«По старой Мурманской дороге с ее безобразным грубым профилем, который будет впоследствии изменен, с ее крутыми поворотами и откосами... по дороге этой идут эшелоны...

С юга прут исправдомовские, с севера, от Кеми – соловчане, обжившие север, уже знающие, как раскинуть ставеж, великую лесную пристань; куда складывают лес, вырубленный для сплава».

О дальнейшей судьбе прибывших один из заключенных вспоминал так:

«Выстроились возле них, воров, известная статья. Видим, бывшие кулаки и подрывная интеллигенция презирают нас за измену преступному миру, что мы согласились работать. Им хотелось ждать часа освобождения, чтобы мстить администрации новой страны за изоляцию. Каэры (контрреволюционеры – А.К.) укоряли нас, звали нас ворами, пользовались каждым случаем, чтобы возбудить против нас недоверие у властей».

На самом деле чаще бывало наоборот – урки-тридцатипятники (35-я статья) издевались над осужденными по 58-й статье: «Все-то вы знаете – и историю, и географию, и философию, а вот как уберечься от лагеря – не знаете». Доставалось в лагерях и бывшим кулакам. Один из заключенных, Фома Ледеркин, вспоминал:

«Я прибыл этапом в теплушке, полной соцвредами. Среди этой армии уголовных ехало шестеро осужденных по кулацким делам. Их обокрали, едва они успели войти в теплушку, стащили белье, одеяла, хлеб, чайник, сахар. У меня свистнули сапоги. Сидя в портянках, я увидел, как утираются моим полотенцем, как надевают мою рубаху, примеривают сапоги».

Приблизительно так же обстояли дела и в лагерях Кольского полуострова: противопоставление уголовников политическим, потворство стихийной власти произвола и силы, попрание человеческого достоинства.

Вот что рассказывал один из конвоиров – а они в военной форме, с винтовками и шашками, иные на лошадях, а другие с собаками: «Был среди зэков разный сброд: и нэпманы, и спекулянты, и беглое кулачье, и шулера, и воры всех категорий, и инженеры-«вредители», и неграмотные мужики, и бывшие студенты, и даже профессора и министры Временного правительства.

А какая национальная коловороть: рядом с евреями – хохлы, к татарам жмутся узбеки. Особенно тяжело было им да таджикам – многие прибыли в лагерь в шелковых халатах и тюбетейках. Это при 40-градусных-то морозах. Остальные одеты кто как: кто в рваном, кто в лаптях, кто в папиросном ящике, у иного пиджак кожаный, а задница голая».

Не все выдерживали строгий режим, полуголодное существование и произвол воров в законе. Были побег, погони и возврат с добавлением срока. Было и по-другому. Один из заключенных, бежавших из Белморлага, не подался, как большинство на юг или в сторону Финляндии, а сел в поезд, идущий к Мурманску. В вагоне убил пассажира приблизительно своих лет, взял его документы и приехал в Хибиногорск. Так рецидивист Володенков стал в сентябре 1930 года стахановцем Федоровым. Работая шофером в тресте «Апатит», он вошел в доверие и даже подал заявление о приеме в партию. Разоблачили его только в мае 1931 года, когда он организовал выступление шоферов против милиции.

Так что с заключенными на Мурмане бывало по-всякому.

Как была организована, судя по литературе, лагерная жизнь в начале 30-х годов?

Прежде всего, следует отметить, что построение лагерей ОГПУ было очень последовательно в своей систематичности, начиная от главного штаба – через отделения, лагпункты, сооружения – до участковой фаланги, до последней бригады... Бригада, как правило, была занята одним видом работы: землекопной, либо подрывной, либо лесозаготовительной... Фаланга объединяла эти работы на одном участке. Типовая бригада заключенных обычно состояла из 25–30 человек, фаланга – из 250–300.

Об организации работ заключенный Кириченко рассказывал:

«Приезжаем на разъезд Мурманской дороги. С этапом следовало 900 человек. Три дня отдохнули. 27 мая дали работу: очищать мох от кам-

ней. Стоим мы у камней, работать охота, а трудно. Стоит перед нами непроходимая двенадцатиметровая сосна, скала, гранит и диабаз.

Ну, очистили, ну, подошли к скальным работам, уже многое обсудив.

Ну, стали мы разбивать и вывозить эту гранитную скалу тачками, за сто метров прочь. А вокруг меня крестьяне, он скалу не знает, как ее брать. Поручают каждому два кубометра скалы разбить и вывезти тачкой, нам, как новичкам, совершить половину этого, то есть один кубометр, и будет это считаться за 100 процентов. Но и этого мы не могли сделать, хотя и работали с полным напряжением».

После завершения основных работ по сооружению Беломорско-Балтийского канала (летом 1933 года его осмотрели И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов и С.М. Киров) большая часть заключенных была переброшена на другую ударную стройку – на канал Москва-Волга. А несколько отрядов были переведены на Кольский полуостров.

И здесь обустройство шло заведенным порядком – шли эшелоны в намеченные ГУЛАГом (главным управлением лагерей ОГПУ – НКВД) пункты. Не спеша разгружались в уединенных от людей местах. Шли в сторону от железной дороги непроторенными путями. Дикость, безлюдность, хилость растительности, серость ландшафта, свинцовое небо с дождями, обилие камней («Да тут валунов больше, чем деревьев!»), резкие и холодные ветры – все это если не ошеломяло заключенных, то озадачивало. Но вскоре у огромных костров разбивались палатки, сооружались шалаши – начиналась жизнь на новом месте. Хотя поначалу городские, привыкшие к асфальту и тротуарам, спотыкались о каждый булыжник и проваливались в маломальскую ямку, вскоре и они привыкали к каверзам Заполярья.

По рассказам старожилов Мурманска, одно из отделений ВБК (10-е) располагалось на западной стороне Кольского залива. В начале 30-х годов там, у Лавны велись горнопроходческие работы в поисках железной руды. И на этих работах использовались заключенные.

Обычно по прибытии эшелона – будь-то на Нивастрой, будь-то в Мурманск или Мурмаши – происходила сортировка спецконтингента: отбирали инженеров, чертежников, счетных работников – бухгалтеров, счетоводов, учетчиков. Остальные комплектовались в бригады и уже на следующий день выходили на работу.

Жили в типовых бараках: 70 метров длиной, 20 метров шириной. Нары в два-три этажа. Отопление дровяное, освещение как придется.

Большое внимание уделялось соблюдению санитарных норм и борьбе со вшами. Регулярно все белье пропусклось через пять «учреждений»: дезинфекционную камеру, прачечную, сушилку, гнидобойню и гладильню. В гнидобойнях Карелии и Мурманска было много монашеск, умело орудовавших металлической палочкой и стеклянным скребком.

Кормежка в лагерях была, прямо скажем, не для гурманов. Баланда, где крупинка за крупинкой бегала с дубинкой, каша, чаще всего перловая,

по прозвищу «шрапнель». Мясо, рыбу, сахар разворачивали до стола. Спасали двойные пайки хлеба да передачи с воли.

Помимо официальной культурно-воспитательной работы (читки газет, обучение неграмотных, художественная самодеятельность, кино), были подпольные виды занятий. Особенно процветала игра в карты. Были в лагерях и скрытые места, где, как говорили сами заключенные, «ночью пляшут и поют, а утром плачут и встают». И это несмотря на строгую систему наказаний – особенно заключенные боялись РУРа (роты усиленного режима). Бывало и так, как в свое время писал бывший заключенный Ю. Домбровский:

Кровь и снег,
И на сбившемся снеге
Труп, согнувшийся в колесо.
Это кто-то убит «при побеге».
Это просто убили и все!

На заполярных стройках, где использовались заключенные, преобладал ручной труд. Отводящий и деривационный каналы на НиваГЭС-2, все земляные работы на Нижне-Тулумской ГЭС выполнены лопатами. А отвозили землю на тачках. Заключенные невесело шутили по поводу этой «малой механизации».

«ОСО – две ручки и колесо» (ОСО – Особое совещание при НКВД, которое часто определяло судьбу политических заключенных). А с Беломорканала в Мурмаши перекочевала такая частушка:

Маша, Маша, Манечка,
Работнула тачечна.
Мы приладили к ней крыла,
Чтоб всех прочих перекрыла.

Тут речь идет об особой конструкции этого рабского орудия производства: эта тачка отличалась от всех других конструкций приземистостью и увеличенной вместимостью (для этого с боков и делались «крылья»).

Большинство заключенных на сооружении гидростанций работали более или менее добросовестно, и было этому конкретное обоснование: во-первых, продовольственный паек зависел от выполнения норм выработки: перевыполнялось задание в два раза – соответственно увеличивался паек, недовыполнялся «урок» – сокращалось довольствие; во-вторых, существовала зачетная система, когда один день срочной и высокопроизводительной работы засчитывался как два дня срока (а были особо опасные работы, где зачет шел один за пять).

К тому же всякое рационализаторское предложение поощрялось особо, опять-таки вплоть до сокращения срока.

Среди заключенных было организовано соревнование, были среди них и ударники труда, и стахановцы. Но и тут положение политических оказывалось сложнее, чем у уголовников: Надзиратели и охранники их

больше наказывали, чаще преследовали – «они были слишком умны».

Большой отряд заключенных Беломорстроя, где начальником долгое время был Я.Д. Раппопорт, отмеченный за сооружение канала орденом Ленина (вместе с Г.Г. Ягодой), был прислан зимой 1935–1936 годов на строительство железной дороги от станции Оленья к городу Мончегорску. Несколько сот человек в жгучие морозы приступили к расчистке трассы: насыпке полотна, укладке шпал и рельсов. За период с 20 августа 1935 года по 27 апреля 1936 года пять строительных участков 14-го отделения ББК (начальник Рубцов) сделали 81 тысячу кубометров насыпи и 35 тысяч кубометров выемок.

О числе работавших тут заключенных можно косвенно судить по постановлению Ленинградского облисполкома от 27 июня 1935 года, согласно которому управление Беломорско-Балтийского канала должно было в 1935 году выделить для строительства железной дороги в Монче-тундру 2 500 заключенных с тем, чтобы довести в 1936 году их численность до 10 тысяч человек. Вот это место из постановления: «Тов. Раппопорту принять меры для дальнейшего пополнения строительства комбината (речь идет о “Североникеле” – А.К.) рабочей силой с доведением к началу 1936 года числа рабочих до 10 000 человек».

Известно также, что вдоль железнодорожной ветки Оленья – Мончегорск возникло 7 поселков с заключенными. Эти места впоследствии стали разъездами (6 км, 12 км, 16 км и т.д.). Жили и работали заключенные в невероятно трудных условиях: работали по десять часов в сутки, не считая времени на дорогу; без механизации (выручала опять тачка, а присланные механизмы даже не распечатали), спали в холодных и непригодных помещениях, многие болели и умирали (практически каждый десятый). Но к маю 1936 года начальство отрапортовало: «Дорога в Монче-тундру построена в рекордно короткие сроки!». Правда, когда стало припекать солнце, дорога «потекла», насыпь в сотнях мест расползлась, многие шпалы висели в воздухе. Пришлось еще столько же времени доводить ветку до нормального состояния – на ней работали 1 700 вольнонаемных, и в эксплуатацию ее приняли много позже.

Приблизительно в это же время шли к концу и строительные работы на Нижне-Тулумской гидростанции, сооружение которой было крупнейшим объектом ББК с 1934 года. Там было, судя по журнальной публикации, около 12 тысяч заключенных. Журнал «Карело-Мурманский край» тогда писал, что «стройка Тулумской станции идет небывалыми темпами, прославившими Беломорстрой».

К весне 1935 года на водосборе гидростанции было вынуто 302 тысячи кубометров моренных пород, почти столько же скальных, уложено 28 500 кубометров бетона. Река была перегорожена плотиной длиной в 267 метров и высотой 29 метров. И все это было выполнено фактически вручную (начальник стройки НКВД писал: «Тулумстрой не может похва-

стать высоким уровнем механизации. Удельный вес ручного труда у нас был весьма значителен»).

Работа заключенных была организована в две смены начиная с 8 часов утра. Каждая колонна осужденных была самостоятельным участком: земельно-скальная колонна, колонны бетонного хозяйства, силового здания, гражданского строительства и т.д.

В ноябрьские праздники 1936 года начальник Туломстроя В.Л. Сутырин рапортовал начальству, что «стройка НКВД закончена в рекордно короткий срок. Выполнен огромный объем работ: скальные выемки – 373 тысячи кубических метров, моренные – 1 424 тысяч кубических метров, насыпи – 1 087 тысяч кубических метров бетонные и железобетонные работы – 138 тысяч кубических метров».

В Мурмашах сидели тысячи заключенных со всех концов страны, были там старики и женщины. Выходила там и своя газета – «Заполярная перековка». Вот одно из стихотворений той поры, опубликованное в газете:

И здесь, как гнилую солому.
Сжигая бывшее дотла,
Я с трудом полюбил Тулому,
И теперь ты опять расцвела.

Народ и тут сидел разный: бывшие кулаки и «вредители», растратчики и политики. Были даже скульпторы. Это их четыре работы – «Проходчик», «Плотник», «Землекоп» и «Бетонщик» – украсили здание управления. На новостройке в 1936 году был установлен памятник С.М. Кирову.

Среди зэков Туломстроя яркой фигурой был Лев Эрлихман. Сначала он прославился как убежденный отказник своей песней: «Никогда я не был на разводе, ты меня не спрашивай о нем...». А потом стал знаменит как председатель трудового коллектива, систематически перевыполняющего нормы выработки.

Но самое поразительное заключалось в том, что об этом контингенте заключенных нигде никто ничего не сообщал. Даже в акте государственной комиссии по приемке Нижне-Тулумской ГЭС в разделе «Рабочая сила и соцсоревнование» нет сведений о заключенных. Читаешь этот документ и думаешь: «А кого же комиссия обманывала?».

В последние предвоенные годы Народный комиссариат внутренних дел продолжал расширять сферу своего влияния. Берия добился, чтобы в его ведение передали Мончегорский комбинат «Североникель» и кировский «Апатит» как стратегически важные объекты. Работали заключенные и в Ловозерской тундре: вели горные работы, начали тянуть железную дорогу к Титану.

В декабре 1940 года один из мурманских лагерей (на станции Пинозеро) посетил ныне широко известный литератор Юрий Нагибин, там сидел его отец. В своей повести «Встань и иди», опубликованной в 1987 году в 10-м номере «Юности», писатель вспоминал:

«...За окном бе жали сопки, поросшие карликовыми соснами, промелькнула станция Полярный Круг, скоро и мне сходить, а я все не могу поверить, что эти дали, снега, вся эта чужеродность обернутся отцом.

С такими ощущениями, будто играю в какую-то странную игру, выволок я чемоданы в тамбур и, когда причалил к маленькой занесенной снегом платформе, прыгнул вниз... Мы двинулись широкой санной дорогой к темнеющим невдалеке постройкам. Кругом была пустота, немного солнца и низенькие, разбросанные там и сям строения. Ничего грозного, зловещего или хотя бы странного.

А потом я заметил словно бы нитку, по которой бегал солнечный луч. Нитка была натянута между нами и ближайшими строениями; приглядевшись, я увидел над этой ниткой другую, затем еще и еще. И вдруг весь простор засверкал тоненькими нитяными бликами. Эти блики забегали, заиграли и спереди, и справа, и слева, и дальше, вон у тех сопки, и за той карликовой рощицей сосен-лилипутов. С нашим приближением нити очернились, и их оказалось более десятка, туго и тесно натянутых одна над другой, и уже видно, что это вовсе не нити, а проволока с шипами колючек, и колючая эта огорожа со всех сторон охватывает строения, на которые мы держим путь.

И тут наконец я понял, что весь простор, как шахматная доска, разграфлен на квадраты колючей проволокой, что передо мной во все концы простиралась гигантская клетка».

Говоря о заключенных на Мурмане, необходимо подчеркнуть, что в тюрьмах и лагерях находилось немало и наших земляков – северян. Но система ГУЛАГа была организована так, чтобы перемешивать массы заключенных, отправлять их подальше от родных краев. Так, житель Умбы П.П. Антонов, обвиненный в шпионаже в пользу английской разведки и получивший от ОСО (Особое совещание) 8 лет исправительно-трудовых лагерей, сидел сначала в Повенце (Карелия), затем в Соликамске, а потом еще дальше – в Красноярском крае. И так было со многими.

Летом 1941 года, когда над страной по вине Сталина и его ближайших соратников нависла смертельная опасность, когда фашисты нанесли Красной Армии ряд поражений, на защиту Родины поднялся весь советский народ. Не были равнодушны к происходящим событиям и заключенные. В адрес начальства полетели письма и просьбы – отправить на фронт защищать Родину.

И вот несколько тысяч человек из воркутинских и печорских лагерей были освобождены и направлены в 14-ю армию, дивизии которой защищали Мурманск и Кандалакшу. В сентябре 1941 года освобожденные из лагерей влились в состав Полярной дивизии. Подавляющее большинство бывших заключенных отличились в боях, многие сложили головы, защищая Мурманск.

После окончания войны исправительно-трудовые лагеря вновь появились на территории Мурманской области. До 1953 года они росли, как злокачественная опухоль на теле больного человека. Почти в каждом городе, на окраине или поблизости был свой лагерь, а в некоторых и по два-три. Вот краткое описание одного из послевоенных лагерей, принадлежащее писателю Г. Беглову:

«В этом барачном городке, окруженном “колючкой”, пулеметами и собаками, среди мелких карманников и убийц; среди бывших власовцев и мародеров; среди гомосексуалистов и профессора, которого черт дернул за язык рассказать в кругу друзей анекдот про “трубку”; среди дезертиров войны и многоженцев; среди бывших полицаев со Смоленщины и перепуганного насмерть еврея, у которого, как установило следствие, двадцать четвертая ветка родословного древа проживает в Бонне; среди всех этих голодных, избитых судьбой, исковерканных пороками, своими и общественными; среди этих дрожащих от холода и страха полулюдей жила надежда.

Она бродит по ночным баракам призраком амнистии, обрывая тяжелые сны, завязывая бесконечные разговоры – разговоры до утра, пока дождливый ноябрьский рассвет не погонит всю эту массу тел инстинктом голода в столовую».

И только после смерти Сталина положение в лагерях стало меняться. Надежда на свободу для многих стала осуществляться на деле.

ЗЭКИ НА МУРМАНЕ

До периода горбачевской перестройки, провозглашения демократии и гласности, о заключенных на Кольском полуострове не знали и не писали – вроде бы их не было. На самом деле эта часть населения была достаточно большой, чтобы о ней говорить. Почти 8 000 жителей Кольского полуострова были незаконно привлечены к уголовной ответственности в годы культа Сталина и многие из них расстреляны. Кроме того, в лагерях сидели тысячи людей за какие-то иные поступки, и многие из них попали на Север, как и спецпоселенцы, из других районов страны. И, наконец, надо говорить об их менталитете, так как они внесли немалый вклад в экономику Мурмана, их трудом построены железные дороги, гидростанции, поселки и города.

До конца 80-х годов тема советских тюрем, исправительно-трудовых колоний, лагерей и иных мест заключения была в СССР закрытой. В краеведческих книгах и статьях Главлит (так назвалась «законспирированная» советская цензура) тщательно вычеркивали все, что хоть как-то косвенно касалось зэков, спецпоселенцев, раскулаченных и сосланных. Вот почему иногда звучащие сейчас обвинения в адрес историков и краеведов якобы в замалчивании этих страниц истории страны представляются несостоятельными. Как только наступила относительная свобода слова и появилась возможность обнародовать накопленный материал, в областных газетах был опубликован ряд материалов, в том числе – в январе 1989 года – большая статья «Заключенные на Севере». За прошедшие с того времени годы обнаружилось немало фактов на эту значимую общероссийскую и краеведческую тему, которые мы и попытаемся изложить читателю.

Говорить о заключенных на Мурмане заставляет и сама общественно-политическая обстановка того времени, ибо арестованные были частью мурманского электората, а их задержание и суды над ними (если они были) отражались на настроениях оставшихся на воле.

Уже в годы первой пятилетки докатилась до Заполярья волна борьбы с вредительством. На активизацию подобной деятельности повлияли два фактора: общесоюзные процессы над Промпартией, «Союзным бюро меньшевиков» и другими аналогичными организациями и поиск реальных, а чаще мнимых виновников в срыве тех или иных экономических мероприятий первой пятилетки. После того как в Москве прошел процесс над «вредителями в снабжении», по которому были осуждены имевшие прямое отношение к Мурману заведующий отделом рыболовства наркомата земледелия М.А. Козаков и консультант «Союзрыбы», центр борьбы с правым оппортунизмом в народном хозяйстве переместился на места. Сначала освободили от работы председателя Мурманского окрисполкома И.К. Кондратьева (30 декабря 1930 года), затем секретарей окружкома ВКП(б) П.Д. Лещинского (24 января 1931 года) и М.И. Ахматова (9 декабря

1931 года). Вслед за партийцами стали разбираться с иностранцами. Дело в том, что тогда западные державы усилили блокаду СССР, обвинив наше государство в демпинге (торговле сырьём – хлебом, лесом, нефтью – по бросовым ценам) и использовании принудительного труда. Репрессивные органы считали, что иностранные специалисты, приглашенные в своё время на работу в СССР, являются проводниками империалистической политики против единственной страны социализма. За шведами, работавшими в Хибинах, китайцами, которые ходили кочегарами на судах тралового флота, немцами-экономистами, помогавшими налаживать работу Севгосрыбтреста, была установлена слежка. Во вредительстве стали обвинять и тех, кто работал рядом с иностранцами.

В целом часто под статьи о вредительстве стали подводить производственную бестолковщину, обычную халатность, хозяйственное разгильдяйство, даже взятки и пьянство. Вот одно из таких дел 1933 года. Главной стройкой Хибин была тогда вторая очередь АНОФ-1. Для её сооружения срочно требовалась медь – 20 тонн. Где достать? Московская контора треста «Апатит» реализовала возможный, но незаконный вариант. Медь достали почти даром – за взятку в 1 240 рублей. «Доставал» задержали и судили как вредителей, посадили и начальника конторы И.И. Диковского. Вместе с группой из четырёх человек судили и администратора московской гостиницы «Метрополь» М.П. Шулевича. Его «вредительство» заключалось в том, что он по блату устраивал на проживание в гостинице приезжих из Хибинского, получая от треста «Апатит» дополнительную плату – 300 рублей в месяц. Наверное, нельзя говорить, что вредительства как такового на Мурмане вообще не было. Озлобленные и обиженные экс-кулаки подсыпали сухой концентрат в подшипники дробилок на АНОФ-1, делали замыкания на линиях электропередач, подкладывали отраву в корм скоту в колхозах и совхозах. Было хулиганство на производстве. Так, молодой подвыпивший парень, оскорбленный начальником цеха, перебил все электрические лампочки на предприятии. Звон стекла сопровождался криком: «Большевики богатые – новые поставят!». Вот ему за «богатых большевиков» и выдали на полную катушку. С начала 30-х годов к вредителям все чаще и чаще стали применяться такие определения, как «классово враждебные элементы», «двурушники», «классовые враги». Ныне порой трудно определить, что было чистой уголовщиной, а что, скажем, политическим терактом. Вот несколько таких примеров.

28 февраля 1934 года в столовой Мурманской судовой верфи судили, как писала газета, «классовых врагов, бывших рабочих» Золотовского, Самойловского и Шумилкова – убийц мастера-ударника такелажной мастерской Евтюкова. Государственным обвинителем выступал начинавший прокурорскую карьеру в Заполярье известный впоследствии юрист и писатель Лев Шейнин. Процессу сразу придали политическую окраску, соответствующим был и приговор – расстрел.

В колхозе становища Западная Лица произошла драка между членами экипажа траулера РТ-79 и колхозниками. Спор, а затем и стычка возникли по поводу количества сданной сельди. Вместо того чтобы решить все по-доброму, гослов пошел на обострение конфликта и снизил сортность рыбы. Колхозники возмутились и подали в суд. Последний разобрался круто: капитан Лотов как главный «вредитель» получил десять лет заключения в концлагере (так записано), а два члена экипажа (Запорожец и Лаврентьев) были приговорены к пяти годам лагерей каждый. Все трое признаны классовыми врагами.

Под статьи о вредительстве стали попадать судоводители тралового флота. Так, 14 февраля 1937 года на заседании окружкома партии разбирался вопрос об аварии на РТ-13 «Микоян». Дело получило политическое звучание, капитана траулера Урпина отдали под суд. Печально складывалась судьба мурманчан, так или иначе связанных с «вредителями из Москвы». Так, после ареста заместителя наркома тяжелой промышленности Ю.Л. Пятакова репрессиям были подвергнуты представители треста «Апатит», комбината «Североникель».

Но борьба с вредительством была лишь пробной картой НКВД, она очищала общество от «вредных элементов», но не решала проблему обеспечения индустриальных строек рабочей силой. Её должна была решить система ГУЛАГа — главного управления лагерями НКВД.

Слух о ГУЛАГе дошел до Западной Европы, где началась кампания осуждения использования принудительного труда в СССР. И вот в мурманской газете появилась статья «Разоблачим басни о принудительном труде в СССР». Вот ее содержание: «Ряд черносотенных буржуазных газет Европы выступил с очередной порцией лжи и клеветы на Советский Союз. В английском парламенте рассказывались басни о том, что будто бы в советской стране чуть ли не третья часть населения — “заключенные”, работающие по принуждению. В частности, Джон Хикс (организатор налета на советское полпредство в Лондоне в 1926 году) заявлял на основе “достоверных” сведений трех уголовников, бежавших из Архангельска, что на лесоразработках в Северном крае работают заключенные и на этом основании сей парламентарий предлагает отказаться от ввоза советской древесины. Вот это-то последнее и является главной причиной капиталистов, неприкрытых рабовладельцев, вопить о “принудительном” труде в СССР. Они видят растущую мощь страны строящегося социализма, пытаются подготовить новую войну против нас. “Свободный труд” оказывается там, где продают детей от голода, где десятки миллионов безработных и где все подчинено власти капитала, а не в стране Советов, где безработица ликвидирована и где растет миллионное движение рабочих и колхозников за скорейшее завершение построения социализма. Никто этим басням не поверит. В ответ на грустную вылазку провокаторов войны будем еще уси-

ление продолжать социалистическую стройку, еще шире развернем фронт соревнования и ударничества!».

Нет смысла говорить о лицемерии авторов этой публикации, но у газетчиков хватило ума не упомянуть о местных делах – о Хибинах.

А ведь принудительный труд существовал не только в лагерях заключенных. Вот, что писала газета «Котлован» об использовании зэков в управлении треста «Апатит»:

«...За одного инженера, трест платил УСЛАГу (управлению Соловецких лагерей – А.К.) около 4 000 рублей в полгода, и к середине 1931 года значительная часть руководящих должностей треста оказалась занята заключенными. Заключенными были ведущий инженер автотранспортной конторы Борис Николаевич Дистерно, электромеханик Чеслав Максимилианович Левитский, инженер-строитель Михаил Дмитриевич Белков, экономист Владимир Христофорович Рубин, юрист Владимир Леонтьевич Руднев и многие другие...». Между прочим, начальником личного стола треста «Апатит», был опальный соловецкий деятель с ромбом в петлице (по-теперешнему – генерал-майор) Морозов. А система ГУЛАГа, как раковая опухоль, из Хибин захватила соседние районы.

По-видимому, с Соловков же прибыли заключенные на строительство и Нивской гидроэлектростанции, только тут к уголовникам добавились сотни арестованных крестьян и священнослужителей. В журнале «СССР на стройке» нам встретилось фото, сделанное здесь: на высокой арке укреплен портрет Сталина, а ниже – огромный (метров 12 – не меньше в длину) лозунг с его словами: «Нет городов – надо их строить. Нет электроэнергии – надо строить гидростанции». И заключенные строили.

Сами же зэковские лагеря и в Хибинах, и на Нивастрое были временными и сооружались из подручного материала: леса, земли и камня. Расчищенная в стороне от города или поселка площадка обносилась двойным или даже тройным забором из колючей проволоки, на углах ставились сторожевые вышки, а в центре строили низкие бараки-казармы с тройными нарами без пола. Рядом – минимум хозяйственных построек: столовая, пекарня, лазарет, баня и т.д.

Еще раз повторимся: считать, что в лагерях сидели невинные, конечно же нельзя. К тому же никто не боролся ни с воровскими традициями, ни с тюремными привычками, ни с матом, ни с жаргоном и блатными манерами.

Процветало вымогательство, поборы. В вожаки и лидеры, чаще всего, выбивались самые отпетые уголовники. Нередко осужденные пытались делить сферы влияния: на глазах всей бригады могли изнасиловать, избить и даже убить человека. При этом вожаки нигде не работали, а только командовали: перераспределяли объекты труда, отбирали передачи, деньги, вещи.

Никакого прокурорского надзора за лагерями не было, жаловаться было некому. Все заключенные для «гражданина начальника» были на одно лицо: серая масса, немая и враждебная толпа.

Состав кольских лагерей постоянно пополнялся, так как от недоедания, болезней (особенно мучила цинга, туберкулез и тиф), непосильной работы умирало много арестантов. Их хоронили тут же за забором лагеря, а на смену им прибывали новички с Украины, из Белоруссии, южных районов России. Среди них, все больше становилось «вредителей», «кулаков» и «подкулачников».

Да и в самих Хибинах обстановка накалялась. Эшелоны с раскулаченными прибывали один за другим, а жилья не было, продуктов не хватало. Спецконтингент не имел права выезда и выхода за пределы поселения без разрешения спецкомендатуры. Раскулаченные поначалу даже не имели возможности выбрать место работы. У них удерживалась пятая часть заработанных денег. К тому же полярная ночь, безысходность и ностальгия по родным местам доводили людей до отчаяния.

А аресты в Хибинах с каждым годом принимали все более зловещий и постоянно возрастающий характер. Были арестованы участники гражданской войны Рабинович, преподаватель русского языка и литературы в техникуме Орлов, главный бухгалтер комбината «Апатит» Дахиль, редактор газеты А.Е. Ермолов (он сидел на Соловках вместе с немцами Коминтерна, которые еще помнили о гитлеровских застенках).

РАСКУЛАЧЕННЫЕ НА МУРМАНЕ

Покончив в конце 20-х годов с нэпом, Сталин и его окружение стали форсировать коллективизацию сельского хозяйства. Вопреки предостережениям и возражениям ряда членов ЦК ВКП(б) – А.И. Рыкова, Н.И. Бухарина и других – развернулась ожесточенная борьба с довольно значительной тогда частью крестьянства – с кулаками. По данным комиссии А.И. Рыкова, в 1927 году в стране было 900 тысяч кулацких хозяйств. В результате различных мер «экономического вытеснения» численность кулаков сократилась к 1929 году до 700 тысяч хозяйств. Вот они-то и подлежали раскулачиванию.

Все кулаки были поделены на три категории и в зависимости от их «вины» перед Советской властью либо сажались в тюрьмы, либо выдворялись в отдаленные районы страны, либо выселялись в пределах своего края или области. Две последние категории кулаков в официальных документах стали называть «спецпереселенцами».

Созданная при Политбюро ЦК ВКП(б) комиссия по спецпереселенцам (в нее входили Я.Э. Рудзутак, Г.Г. Ягода, В.П. Милютин и др.) ставила перед собой две главные задачи: во-первых, убрать из деревень недовольную часть крестьянства, устранив оставшихся; во-вторых, обеспечить рабочей силой новостройки первой пятилетки в необжитых районах Севера (Игарка, Хибины), Сибири, Урала и Казахстана.

По данным комиссии РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция), только за 1930 и 1931 годы в полном смысле была уничтожена 381 тысяча кулацких хозяйств. Если учесть, что в среднем семья тогда состояла из 5–6 человек, было репрессировано порядка 2,5 миллиона человек. Часть их попала на Кольский полуостров.

О том, как все это происходило в деревнях, рассказывают мурманчане из числа так называемых «раскулаченных». Вот одно из воспоминаний:

«По селу разнеслась весть: приехал из района уполномоченный с милиционером. Говорят, совещаются в сельсовете. И вот группа активистов из трех человек с приехавшими пошла по деревне. Первыми зашли к богатому Петру Артемьеву. Председатель сельсовета объявил: “Приказываем: быстро собраться, одеться и погрузиться на подводу. Телега сейчас будет. Сами пойдете до станции пешком. На лошади повезем вещи и инструмент – топоры, пилы, лопаты, они вам пригодятся. Захватите постели, смену белья, продукты (если не хотите передохнуть на дороге). Ну, а чашки, ложки, поварешки – на ваше усмотрение”.

С плачем старух и ревом детей собирались в дальнюю дорогу под оком бдительных односельчан, тут же присматривающих, что можно захватить из оставленного имущества (ведь 25 процентов его делилось между бедняками). Кидали малых детишек на подводы, старших брали за руки и айда в ночь и непогодь на близлежащую железнодорожную станцию. Там

кулаков уже ждала охрана, которая загоняла по 10–12 семей в теплушки, закрывала на засовы и везла в неведомую даль. Раз в двое-трое суток в каком-либо тунике открывались двери товарных вагонов, пересчитывались люди, и вновь в путь-дорогу. Для оправления естественных потребностей прямо в полу теплушки была прорезана небольшая дыра, в отверстии которой мелькали шпалы».

Теплушки с раскулаченными шли на Кольский полуостров из многих районов страны – с Северного Кавказа, Украины, Белоруссии, Поволжья. Много было на Мурмане крестьян, высланных с Новгородчины, Псковщины, Вологодчины. Они расселялись в районах Кандалакши и Нивастроля, Хибиногорска и Зашейка, Колы и Мурманска.

Первые партии спецпереселенцев прибыли на Кольский полуостров, по-видимому, еще в 1930 году. Обычно за несколько дней до прибытия эшелона в райком партии и местное отделение ОГПУ поступала шифровка о приблизительном времени прибытия спецконтингента и его составе. Милиция и представители районной и участковой комендатуры встречали прибывших и быстро «устраивали» их. Если были свободные палатки или шалманы, давали места в них, если не было, а чаще всего так и случалось, – предлагали самим строить себе жилье: то ли землянки, то ли шалаши.

В общем, и на Мурмане происходило так, как описано Александром Твардовским. А о судьбе своей семьи и матери он рассказывал так:

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было – холода и голода.
Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдет про все
про то, что минуло,
Как не хотелось там ей
помирать, –
Уж очень было кладбище немилое.
Кругом леса без края и конца –
Что видит глаз – глухие, нелюдимые.
А на погосте том – ни деревца,
Ни даже тебе прутика единого.
Так-сяк, не в ряд нарытая земля
Меж вековыми пнями да корягами
И хоть бы где подальше от жилья,
А то – могилки сразу за бараками.

Крупная партия раскулаченных прибыла в июне 1931 года в Хибинны – сразу более 15 тысяч человек. Интересно, что в это же время начальник ОГПУ Ленинградской области Запорожец прислал в Хибиногорск письмо: «Обеспечить весь спецконтингент рабочей силы жильем по норме

три квадратных метра на человека». Есть в этом документе и такая выкладка: тресту «Апатит» выделено 18 750 спецпереселенцев; для их расселения надо иметь жилфонд в 56 тысяч квадратных метров. А на самом деле в Хибинах не было и половины требуемого жилья.

Где же и как расселяли раскулаченных в Хибинах? В основном вдоль гужевой дороги. Во-первых, на 6-м и 13-м километрах, затем на 18-м километре и в черте города. В возникших пяти поселках раскулаченные сделали себе землянки, в черте города спецпереселенцами были заняты десятки палаток и около 60 бараков.

Обычная картина расселения выглядела так (об этом автору рассказывал Павел Петрович Семячкин, один из ветеранов Севера):

«Приходит эшелон с раскулаченными. Встречает местная охрана и мы, партийное руководство. Паровоз подгоняет теплушки к установленному месту. Лязгают буфера вагонов, гремят запоры, скрипят двери. Подана команда: «Разгружайся!». Охранники с винтовками отводят колонну в оцепленный район, и начинаем устраивать прибывших: «Ивановы! Ваше место у этой сосны». «Петровы! Располагайтесь слева». Отходить в сторону нельзя – охранники будут стрелять. А через день – распределение на работу: кто на рудник (туда пошла молодежь), кто на стройку, многие просились на конбазу или в совхоз».

А вот что писали сами раскулаченные своим родственникам в деревню: «Живем все в палатке, как черные цыгане, и привыкли уже к этой грязи, холоду и голоду, как будто так и надо... Еще живем в шалмане. Всего в нем 110 человек, занимаем мы места в нем 2 метра в длину и 1,5 метра в ширину, как и другие. Нары сплошные с обеих сторон, а проход через барак один метр... У хорошего хозяина скотина и та лучше жила».

Вполне естественно, что среди раскулаченных было много недовольных, особенно среди тех, кто считал, что их репрессировали незаконно. А что греха таить, были среди высланных и середняки, и культурные сельские хозяева, не использующие наемный труд. Недовольство раскулаченных исходило не только из тяжелых материальных условий (плохое жилье, непривычная работа), не только из климатических и географических условий (чего стоили первые годы из-за полярной ночи, вьюг, отсутствия растительности), но оно поддерживалось неправильной политикой, что все прибывшие – злейшие враги Советской власти. А ведь среди спецпереселенцев было много честных тружеников, ни чем не повинных перед государством и народом.

Подавляющее большинство раскулаченных смирилось с судьбой, стало привыкать к новым условиям существования. Тот же П.П. Семячкин рассказывал, что кучер и одновременно конюх райкома партии, будучи раскулаченным, не боялся вступать в дискуссии с партийцами о правильности политики коллективизации, доказывал, что ленинские идеи кооперации извращались на местах. Были среди спецпереселенцев и такие, кто

вредил исподтишка. А некоторые, не смирившись с полурабским существованием, к тому же не связанные семьей и детьми, пускались в бег. Только за 1932 г. из Хибин бежало 376 человек. Бежали раскулаченные и с Нивской стройки, и из совхоза «Индустрия», и из Колы.

Самая крупная колония спецпереселенцев была в Хибиногорске – по состоянию на 15 октября 1932 года там находилось 19 278 человек (5 561 семья). Среди них было 7 209 взрослых мужчин, 5 321 женщин и 6 748 детей. Эти люди не имели права покидать зону поселения, они были лишены избирательных и политических прав, часть их заработка удерживалась на нужды города. Были притеснения религиозного и национального характера.

И тем не менее надо отметить, что те раскулаченные и сосланные на Север, кто быстро акклиматизировался, нашел себе работу по душе, определил свое место в трудовом коллективе, вскоре стали приходить в себя после потрясений коллективизации. Многие из них и на Мурмане стали чувствовать себя нужными людьми. Вот на этот счет три письма, дошедших до наших дней.

Спецпереселенец А. Акимов писал: «Живем хорошо, едим белый хлеб, и продают белые булки по 15 коп. за штуку, бери, сколько хочешь. Так что вы о нас не думайте, что нам здесь плохо».

Другой раскулаченный, некто Бродницкий, писал своим родным в деревню: «Живем хорошо, имеем отдельные комнаты, теплые, всего достаточно, паек получаем, обеды берем из столовой, хлеб черный и белый... Я зарабатываю 300 руб. чистых в месяц с вычетом и удержанием как с переселенца – 15 процентов».

А вот что писала в мае 1932 года своему дяде «лишенка» П.А. Криволапова: «Хлеба едим досыта, продукты получаем каждый месяц, живем в 12-метровой комнате, жить очень хорошо, окно большое, светлое, имеем двое часов, зеркало, которое имели одни помещики, мы за него заплатили 16 руб. 45 коп... Дома, наверно, колхоз так не носит и не видит, что мы здесь носим. Одежду и обувь купили...».

Даже если учесть, что в этих письмах есть подоплека – «вот ваш комбед и колхоз хотели нас сгноить в ссылке, а мы тут на Мурмане живем лучше вас», – эти конкретные свидетельства о жизни раскулаченных надо принимать в расчет.

Уже с конца первой пятилетки среди спецпереселенцев началось расслоение, четко выявились три группы: лояльных к Советской власти и к местному руководству, колеблющихся и враждебно настроенных. Вторая группа была наиболее значительной, и среди этих бывших крестьян шли бесконечные дебаты: «Как быть?». С одной стороны, шли разговоры о развале колхозов, о приближающейся войне и даже возвращении в родные места; с другой – на предприятиях Мурмана шла борьба за честных тружеников: хорошо работающие спецпереселенцы получали премии, их пересе-

ляли в хорошие дома, им было разрешено получать ссуды на строительство индивидуальных домов и закупку скота.

Работали раскулаченные, как и все северяне, по восемь часов, также пользовались правом на соцобеспечение, лечились в тех же поликлиниках и больницах, где и все остальные северяне, дети раскулаченных учились в общих школах.

Приходилось учитывать в работе с раскулаченными еще два фактора, о которых мы упоминали выше: национальный и религиозный. В 1932 году среди спецпереселенцев Хибин насчитывалось, помимо русских (их было 11,3 тысячи), 1 269 украинцев, 946 финнов, 608 белорусов, 565 эстонцев, 221 латыш. Часто спрашивают: как появились в Заполярье эти финны и прибалты. Это были крестьяне из приграничных районов Ленинградской области. Их выселяли оттуда и в связи с коллективизацией, и в связи с приграничным положением их сел, мыз и хуторов.

Если русские, украинцы, белорусы были православными и ратовали за свою церковь, то католики искали утешение в своей вере. Особенно религиозными были старики и старухи. Местные же власти придерживались правила: «не пущать, а пугать». Конечно, о соблюдении принципа свободы совести не могло быть и речи.

И в заключение этого раздела поведаем еще о двух бедах раскулаченных. В первые месяцы пребывания в Заполярье многие из высланных умирали от холеры, тифа, дизентерии и тоски по родным местам. Так, в Хибиногорске за девять месяцев 1932 года умерло 518 человек, в том числе 161 ребенок в возрасте до 1 года. За оставшиеся три месяца того года на погост отправились еще 120 человек. С Нивастроя тогда писали: «Народу умирает очень много, каждый день человек по пять». После того как эпидемии поутихли, положение стабилизировалось, но все равно смертность была значительной, и многие спецпереселенцы не дождались восстановления в политических правах. Вторая беда заключалась в том, что у многих раскулаченных поколебалась вера в социальную справедливость, в Советскую власть, в партию большевиков. Многие были недовольны Сталиным и говорили: «А Ленин уважал трудового крестьянина, не обижал его».

Потребовалось много времени, чтобы эти душевные раны, обиды и несправедливости зарубцевались в сердцах спецпереселенцев. Для одних это произошло в середине 30-х годов, когда была принята новая Конституция и бывшие кулаки были восстановлены в политических правах, для других – в конце 30-х, когда охватившая мир Вторая мировая война заставила думать о единстве нации и укреплении государства.

Но и тогда отношение к раскулаченным было негативное. Их не рекомендовали в местные органы власти, не принимали в партию, игнорировали в общественной жизни. Бывшие спецпереселенцы были на особом счету, их считали своего рода «кастой неприкасаемых». На пленуме Мурманского окружкома партии в ноябре 1937 года – накануне первых выбо-

ров в Верховный Совет СССР – особо подчеркивалась трудность работы с такого рода народом. (Кстати говоря, там же говорилось, что только в Кировском районе проживало 5,5 тысяч бывших раскулаченных 27 национальностей.)

Ныне, когда в пору гласности стираются белые пятна в истории, пришло время приоткрыть и эту страницу мурманской летописи, рассказать о судьбе раскулаченных на Мурмане. Однако полной картины мы нарисовать еще не можем; у нас нет данных по целому ряду пунктов. Не совсем четко прослеживается и судьба местных раскулаченных – оленеводов и поморов. Над этим еще предстоит поработать.

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ

Ударная и стахановская работа одних и подневольный, принудительный труд других, энтузиазм рабоче-крестьянской молодёжи и скрытый ропот высланных, культ личности Сталина и произвол местных властей – всё это было составными частями жизни Мурмана в 30-е годы XX века.

Выражение Карла Маркса, что общество – это мешок с картофелем, целиком относилось и к мурманскому этносу: тут тоже были здоровые клубни, загнившие картофелины, а внизу куча песка. И в мурманском обществе 30-х годов были ультрапатриотические слои (партийная и советская элита), недовольные и разочарованные, было и т.н. «болото».

А, кроме того, на Кольском полуострове были три социальные группы, о которых не писали и открыто не говорили: спецпоселенцы, заключенные и депортированные. Эти жертвы политических репрессий составляли сравнительно небольшую часть населения Мурмана (10–20%), но их роль в тогдашней жизни края была чрезвычайно важна.

Первые партии раскулаченных крестьян стали прибывать на Кольский полуостров, как мы уже говорили, весной 1930 года. Одна из хибинских ссыльных женщин, пожелавшая остаться под псевдонимом У.М., писала в 1990 году в «Котловане»: «Мы приехали в Хибины в 30-м году, 14 марта. Наш эшелон, псковский, был самым первым. По “железке” нас довели до разъезда Белый. Там нас прямо в вагоне вымыли, а потом по одному, по два вагона доставили до места на “кукушке”. Едем-едем и свалимся, потому что рельсы прямо по кочкам в снегу были положены. Дорогу строили заключенные. Они жили там же, на 13-м километре, где и нас поселили, только с другой стороны. К нашему приезду были приготовлены три шалмана из досок, обитых толью. Теснота была страшная. Ночью, бывало, пойдешь в туалет, вернешься – и лечь негде. Печки были железными, небольшие, так, поверите ли, у кого косы были, так от холода ночью к доскам, случалось, примерзали.

Ну, значит, привезли нас 14-го, а 15-го мы уже пошли на работу – снег рыть на 16-м километре. Год да чего снежный был – жутко! В три человеческих роста до земли приходилось рыть, а то, бывало, утром придешь и места этого, где вчера до земли дорыли, не найти: всё снова снегом занесло. И из шалманов иной раз не выйдешь – заметало».

Далее спецпоселенка рассказывала: «Через какое-то время привезли лошадей, и многие лошади узнавали своих хозяев. А наша лошадь сюда не попала... Ну вот значит, когда привезли лошадей, я стала возчиком работать. Мы щиты возили через озеро, где сейчас ботанический сад. Но до самого места не доезжали, на берегу бросали, а там лопари приезжали и забирали щиты, и везли их на оленях на стройку. Олени-то по любому снегу пройдут, лошади – нет. Я этих лопарей боялась, чёрные, разденутся, пар от них идёт. А оленей тогда здесь было много. Ходили целыми стадами, по

500–1 000 голов, совсем недалеко от 13-го километра...

Ну, зима кончилась, отец пошел в горсовет просить землю – картошку сажать.

Его отговаривали: не вырастет, мол.

– Если работать – вырастит.

– А отберут?

– Ну что ж, из дома выгнали, пусть и тут отбирают.

Картошка выросла крупная, хорошая, и давай вокруг нас все-все сажать. По горам ходу не стало – одни тропочки, столько картошки все посадили. Вот ведь говорят: “Краса не одна, а молодость во всех одна”. Господи, как было интересно и весело, а теперь, посмотрю, у молодежи веселья-то нету. На 18-м километре клуб был сделан для нас, для переселенцев, а на 20-м – другой, туда поселенцам ходить было нельзя – выгоняли, хотя нас ребята вольные звали тишком. Первое время у нас спецпоселенцев из заработка высчитывали с каждого рубля 25 копеек, а потом покамест на фронт не пошли, по 5 копеек с рубля. Муж у меня был тоже из спецпоселенцев, мы с ним на Ниве-2 встретились. Туда нас, девчонок, отправили в столовую работать. Спецпоселенцы там сначала один канал построили – на Ниве, а потом еще второй – закрытый. Мужа еще перед войной назначили на восстановление в правах, а он не подписался больше на заем, его и не восстановили.

И еще скажу: трудно жили, но дружно, по-человечески. Помню, когда уже в “деревяшку” переехали, там три семьи коров держали. Бывало, сено сохнет во дворе, дождь пойдет – так весь дом выскочит: раз-раз – и уберут сено. И воровства никакого не было, не то, что теперь: половик и то с веревки уведут...».

А вот другой бесхитростный рассказ, он принадлежит бывшей спецпоселенке Э. Сутарихиной и опубликован в той же газете «Котлован»: «Помню, как ночью принесли повестку. Три дня нам было дано на сборы, на нашей же лошади отвезли в Новгород. Потом в сопровождении солдат с винтовками привезли на Кольский полуостров. Наш новгородский эшелон прибыл 4 апреля 1930 г. Выгрузились на 13-м километре. Поперек пути лежала шпала. По левую сторону стояли шалманы, по правую был лагерь.

Поселили нас в шалмане на нары, полагалось 0,5 метра на человека. Не прошло и месяца, как среди переселенцев из нашей деревни появился первый покойник. Летом стали умирать старики и дети. Умер и мой брат четырех лет... Из нашей деревни было выслано ровно 50 человек. В живых осталось пятеро...».

Хибиногорские поселенцы в разговорах узнали, как происходило раскулачивание в других районах страны, что выселение проводилось по спискам, составленным сельсоветами, райисполкомами и утвержденным комбедами.

Кое-где выселяемой семье из ее же собственности выдавались теплая одежда и обувь, комплект летней одежды, две-три пары белья, постельные принадлежности, плотницкий инвентарь, хозяйственный минимальный инвентарь, запасы продовольствия на два месяца, деньги – не больше 500 рублей на семью. Все увозимое имущество не должно превышать 3 000 рублей.

Чудом сохранился в семейном архиве акт изъятия.

Вот его содержание:

«1934 г. январь 18 дня налоговый агент Бородин сего числа в присутствии Мошкова, члена с/совета Рожкова Петра и понятого Бокарева произвел изъятие описанного имущества, принадлежащего Мошкову Ивану вследствие неуплаты им недоимок. При нем изъято нижеследующее:

1. Дом с надворными постройками – 500 руб.
2. Самовар никелированный большой – 30 руб.
3. Кофта, вязанная зеленого цвета – 5 руб.
4. Скатерть фабричная – 3 руб.
5. Косынка вязанная – 2 руб.
6. Платок красный – 1 руб.
7. Платок в клетку – 5 руб.
8. Два холста белья – 3 руб.
9. Шуба дубленая, желтая – 10 руб.
10. Платок серый – 2 руб.
11. Счеты конторские – 2 руб.
12. Юбка синяя – 2 руб.
13. Косынка шерстяная белая – 3 руб.
14. Полушалок с кистями – 5 руб.
15. Три пары валяных сапог – 28 руб.
16. Гимнастерка черная – 2 руб.
17. Овца и три ягненка – 20 руб.
18. Сарай крытый – 50 руб.

Все изъятное сдано на хранение члену сельсовета Рожкову для доставки в с/совет на предложенную продажу его, с публичных торгов.

Член с/совета Рожков.

Недоимщик Машков.

И. Бородин.

Понятой Бокарев.

Копия верна. Подпись. Печать».

...По-разному относились новоиспеченные хибингорцы к происходящему. Одни возмущались, что во многих случаях при осуществлении коллективизации допускались не просто ошибки, нарушения соцзаконности, так, как говорили идеологи, «деформация социализма», а настоящие преступления, а кое-где геноцид по отношению к крестьянам. Другие жаловались, что при раскулачивании арестовывали или как-либо другим спо-

собою изолировали их от мужиков. Третьи (в основном старики) утверждали: «Какая бы власть ни была, мы должны ей подчиняться. Значит, так надо».

А эшелоны с раскулаченными на Север все шли и шли.

Жительница деревни Кузнецово Череповецкой губернии о высылке в Хибинны и об устройстве их семьи вспоминала: «Наконец приехали на станцию Белая (теперь Апатиты). Выгрузили нас из вагонов, повели вперед по шпалам, к речке Белой, к теперешнему аэропорту. Ночь провели на улице. За это время вырыли землянки, сделали в них нары с обеих сторон вдоль стен. Нам отвели на семерых четыре метра. Мы навали иван-чая и устроились мы на ночлег. Днем насобирали грибов и ягод, наварили.

Но потом мы с тетей заболели дизентерией. Лежали тут же на нарах. Никто не лечил. Болели тяжело и долго. Мучила сильная жажда. Жили здесь, если это можно назвать жизнью, до конца сентября. Потом началось переселение, мотание с места на место по Хибиногорскому району... Ходили еженедельно в комендатуру отмечаться...

В нашем бараке (дощатый, двухэтажный на Новой улице) было 34 комнаты — целая деревня. В конце коридора разместились кухни, туалеты, крылечки. Дежурили по коридору поочередно: нужно было мыть половину коридора и подсобные помещения, ежедневно подметать, чистить крыльцо от снега. Отец на крестовинах сколотил стол, две скамейки, два топчана, заменяющих кровать. Вскоре сделали электроосвещение. Мы радовались своему отдельному уголку...».

И вот еще одно горькое повествование мурманчанки, попросившей назвать ее А.М.Б.: «Сколько ехали, не помню. Помню, что сошли на станции Белая. Вагоны с вещами дальше поехали, а мы пошли пешком. Шли довольно долго. Километров через пятнадцать стали попадаться палатки.

Спрашиваем у людей:

— Куда нам?

— А, — говорят, — идите дальше.

Идем дальше. Кругом горы, пейзаж непривычный. Видим — колючая проволока, вышка, за проволокой бараки. Может, думаем сюда? Одна бабенка побойчее попыталась под проволоку сунуться, ну, ее с вышки мужик семиэтажным:

— Куда... стрелять буду!

Мы к нему:

— Куда нам?

Он рукой машет — дальше, мол. Прошли еще немного и видим: — чуть в стороне от колючей проволоки стоят три барака. Вот они и были для нас приготовлены. В самом маленьком разместились приблизительно 250 человек. В двух других по 500–600. А на воротах лагеря было написано — УСЛОН. Вот так 1 сентября 1930 года я и прибыла в Хибиногорск...».

Эшелоны с раскулаченными в течение 1930 года прибывали в Хибинны один за другим. Спецпоселенцы шли непрерывным потоком из Псковской, Новгородской, Ленинградской, Вологодской областей, с Урала и Белоруссии и даже с Урала и Краснодарского края.

Прибывали поселенцы и вовсе трудным путем. Одна кировчанка рассказывала, что их семью сослали сначала в Коми-Пермяцкий автономный округ, а только потом оттуда привезли в Хибинны.

А семья Тюшевых сначала была выслана в Соликамск и только потом оттуда прибыла в Хибинны. Вот рассказ одного из членов этой семьи: «...В августе (1930 года) многим семьям было объявлено, что они могут вернуться “домой”. Люди поверили, погрузились снова в товарные вагоны и ехали уже две недели, куда ехали, никто не говорил, а вахтенные не знали.

С разъезда Белый (сейчас Апатиты) повернули в горы и выгрузили на 18-м километре, где лежали штабеля досок и брёвен, куча брезента. Было объявлено, чтобы палатки ставили сами. В палатку поместили по 70 человек, нары делали по 30 см на человека. Так прожили два года. Никаких заборов, колючей проволоки не городили. Заграждения из колючей проволоки были у озера Большой Вудъявр, в районе, где позже построили хлебозавод. Там жили заключенные.

Дедушка (Григорий Фёдорович Тюшев) и отец работали плотниками на основной работе – строительстве административных зданий в Хибиногорске, фабрики, жилых домов – по 10–12 часов, а придя домой, после короткого отдыха, снова на работу, ставили стандартные щитовые бараки.

В бараке нам дали (как и многим другим) отдельную комнату, площадью 12 квадратных метра на 9 человек. Это было для нас роскошью! Так прожили три года. В 1935 году старикам разрешили вернуться домой, думается, хотели избавиться от лишних ртов.

Снабжением были довольны, хотя и не всегда ели досыта. Давали пайки, детям две бутылки молока на месяц, а овощей долго не было. Конечно, народ болел, люди умирали от цинги, тифа. Сказать, что нас как-то притесняли – этого не было, редко кто не подчинялся правилам...».

Об условиях доставки раскулаченных в Заполярье, о первых днях пребывания их в ссылке рассказывал Тойво Хянинен, бывший крестьянин деревни Юкка Всеволожского района Ленинградской области: «Всю ночь прибывали всё новые и новые группы, и к утру была закончена подготовка к отправке семей дальше. Погрузили нас в холодные вагоны, в которых обычно возят скот. Вагоны были оборудованы: нары в два этажа, посреди вагона небольшая круглая печь и ведро вместо туалета. В каждом вагоне было размещено по 40–50 человек. И сегодня помню ужасный плач женщин, стариков и крик детей, когда состав тронулся с места. Выходить из вагона строго запрещалось, и тем более еще двери были закрыты на запоры, которые открывались редко, а когда на остановках открывали двери, то люди были в таком состоянии, что всякий человеческий стыд приходилось

забывать. Иногда устраивалась очередь: вначале выпускали мужчин, а потом женщин, но это правило не соблюдалось. От вагонов никто не имел права уходить, так что все дела делали под вагонами. На железнодорожных станциях во время стоянки с каждого вагона выпускали по 1–2 человека для того, чтобы принести кипяток. Обычно поезд в дневное время стоял на путях подальше от станции, а ночью нас везли неизвестно куда. После 6-дневного пути мы прибыли в Хибиногорск.

Все должны были пройти санобработку в бане, после чего стали распределять по палаткам. В палатках на 21-м километре уже жили переселенцы из различных мест страны: русские, татары, украинцы, немцы и др. На одного человека полагалось место шириной 70–80 см, каждая семья разделялась, друг от друга доской шириной 20–30 см, в палатке было две печки, которые топились круглые сутки. В одной палатке проживало 50–60 человек. Морозы и ветры в ту зиму были большие. Питьевую воду привозили к палаткам на лошади, в одной из палаток была печь, где кипятили воду, а потом по очереди давали жителям».

А вот что вспоминала Анна Ниркостен, жившая в палатке № 3 на 21-м километре: «В ту зиму свирепствовала корь, и дети, безусловно, пережить холодную зиму в палатках не могли, никакие старания матерей не могли уберечь детей от смерти, в живых остались единицы.

Весной, когда растаял снег, недалеко от наших палаток были обнаружены трупы, было видно, что они расстреляны, и захоронение было произведено на небольшую глубину в общей яме, без всяких гробов. Жители были возмущены увиденным, но в то время жаловаться некому было. Расстрелы были произведены до нашего приезда, видимо за 2–3 года до этого, т.к. одежда на телах людей еще сохранилась. Потом трупы были вывезены в неизвестном направлении.

Питанием население обеспечивалось плохо. Выдавались карточки, по которым получали скудный паек в магазине. Для питания в столовых были введены талоны, где можно было получить суп, кашу и чай. В 1935 году 25 декабря была введена продажа коммерческого хлеба. 1 кг. стоил 1 руб. 05 коп.

Стоимость хлеба, который давали по карточкам, была 60 коп. за кг. Норма хлеба была рабочим – 600 гр., детям и инвалидам – 400 гр.

Уже к осеннему периоду на 21-м километре были построены первые бараки – это для всех жителей было большим праздником. Мы с родителями получили 6-метровую комнату в бараке № 23, в 1932 году приехала жена с братом, и мы проживали все вместе в одной комнате. К зимнему периоду были сделаны бараки № 5, 24, 18, 17, где кроме русских проживало много финнов...

Была открыта финская школа, которая просуществовала до 1937 года.

Преподавателями были: Тано Хеля, Кемпинен Ольга, Толси Вайно, Пяльве Арене и др.».

В июле 1930 года в Хибиногорск была привезена еще одна группа финнов из-под Ленинграда. Вот что вспоминает один из них: «Железнодорожный состав состоял примерно из 25 вагонов. Эшелон выгрузили на 18-м километре. Часть людей разместили в бараках, где были сделаны 2-ярусные нары. Эшелон до Хибиногорска шел 7 суток – духота, жара, грязь, пыль – все это привело к заболеваниям. Никакой санобработки не было сделано, кроме того, что стригли волосы у мужчин и протирали голову тряпкой, смоченной в керосине.

Наша семья и сестра с мужем в 1935 году переехали в барак по улице Строителей, дом 6, уже в 12-метровую комнату. Барак в полном смысле был интернациональным, и не было случая, чтобы возникали какие-либо конфликты (при одной кухонной плите на 17 семей). Во всех бараках было установлено по одному репродуктору, где обычно по вечерам слушали разного рода информацию, концерты, объявления...».

Кроме финнов и эстонцев, среди спецпоселенцев было много украинцев. Из села Наталовки, Межовского района, Днепропетровской области в Хибины были высланы три семьи. Вот судьба одной из них. Глава семьи Сергей Макарович был на родине не только крепким хозяином (две лошади, корова, овцы, свиньи, птица), но и церковным старостой. И его со старшим сыном посадили в 1930 году в тюрьму. Его жена Татьяна Лукьянова – с тремя младшими детьми недолго бедствовала одна. Ее отправили в центр, а оттуда – в ссылку. Дочь Гапчич, в замужестве Перункова, вспоминала: «...Примерно через месяц (после ареста отца и старшего брата) пришли и нам велели собираться. Времени на сборы не дали. С собой не решились взять ни теплых вещей, ни чего-либо из утвари. У меня отобрали полушубок, который родители мне справили в приданое, и который я хотела взять с собой, оставили лишь пиджачок на вате. Везли до железной дороги на наших же лошадях. Многие из взятых вещей отобрали уже на станции. Из всего нашего имущества у нас осталось только то, что было на себе. Брошенное в селе имущество было разграблено односельчанами, говорили, что нашу корову приходили доить раз по 10 в день, кто хотел. В доме, где жила наша родня, потом вселился новый председатель колхоза.

...На станции нас соединили с отцом и братом. Везли в теплушках.

Доставили на 13-й километр, разместили в палатках. Через дорожную линию находился лагерь с заключенными. В палатках были только голые нары и по две железные печурки. Первое время спали на досках, потом стали собирать мешки, из-под цемента, стирали их в Белой, простегивали их паклей, какой утепляют избы, и мастерили подобие матрасов и одеял.

Укрывались разным тряпьем – дали сердобольные люди. Первое время, из-за того, что не было никакой посуды, приходилось довольствоваться консервными банками, потом люди помогли и с посудой.

Жили в страшной тесноте, на нарах было не протиснуться. Но в этой тесноте, бедности и неустроенности помогали друг другу, делились тем,

что имели. В палатках не было ни ругани, ни скандалов, ни воровства. Жили, уступая, друг другу...».

А вот продолжение ее рассказа: «Отец с братом пошли работать на строительство. Я, пятнадцатилетняя девчонка, вместе с отцом стала работать возчиком, отец помогал запрягать лошадь. В то время на карточку давали – по 700 гр. хлеба, на инвалида – по 300 гр., карточки не было. На работе выдавали спецодежду (брезентовый плащ, ватные брюки и фуфайку) с кирзовыми сапогами. Сапоги были нашей постоянной обувью, а в спец-одежде иногда и спали. Из-за спешности и антисанитарии появились вши, с ними и тиф, частыми болезнями были скарлатина и дифтерия. Много умирало детей и взрослых.

...Спецпоселенцев использовали в основном на тяжелых строительных работах. Женщинам сложно было устроиться на какой-либо легкий труд, не брали даже на мытье посуды. Помимо физических тягот, испытывали, конечно, и моральное унижение. Даже в магазине: вольнонаемные могли проходить без очереди. Мой брат не вынес новой жизни, повесился. Мама после долгой болезни умерла в 1933 году, 3 сентября. Через несколько лет умер отец...».

А вот еще несколько печальных судеб: «В начале апреля 1930 года нашу типичную середняцкую семью в составе шести человек после раскулачивания привезли на полустанок Шелонь, который находился на пути Новгород – Старая Русса. Раскулаченные семьи разместили в товарных вагонах, оборудованных нарами в два яруса. На станции Шимск и в Новгороде был сформирован эшелон с раскулаченными Новгородской губернии и отправлен на Кольский полуостров. До пункта назначения ехали около недели. Рано утром 9 апреля 1930 года поезд остановился на разъезде Белый, недалеко от станции Апатиты. В длинных шалманах вдоль прохода находились сплошные нары. Каждая семья должна занять часть нар, из расчета – четыре доски на человека... Холод был такой, что ночью у женщин волосы примерзали к стене. Печей для приготовления пищи не было; с утра до ночи на улице горели костры, на которых готовили пищу, кипятили воду» (из рассказа Е.Ф. и П.А. ...).

А вот другой рассказ: «Поезд плавно остановился у подножия Хибинских гор. Температура воздуха – минус 25. По пустынной равнине гулял жгучий пронизывающий ветер. Комендант эшелона дал команду: “Выходи строиться!”. Из теплушек стали медленно выходить мужчины и женщины. Обращаясь к прибывшим, комендант хриплым голосом сказал: “Здесь вы будете жить и работать”. Те, кто мог держать в руках лопаты и ломы, начали расчищать снег и строить землянки, “шалманы” и палатки».

Спецпоселенка Зинаида Шишова спустя полвека вспоминала: «...Ехали долго, около двух недель (от станции «Струги Красные» – А.К.). Не помню, чем кормили, у каждого что-то было: хлеб, кислое молоко, мас-

ло. Когда поезд останавливался, двери открывались. На остановках даже не выпускали, но народ, увидевший воздух и свет, был и этим доволен.

Путешествие завершилось, когда прибыли в Хибиногорск. Остановка была напротив нынешней горбольницы. Люди карабкались по скалам в отведенные места (наша палатка была № 14). Все ехавшие в одном вагоне расселились в одной палатке... Объявили, что можно получить горячее питание, потом была баня...

Через месяц из Кировска мы были переселены в поселок Юкспориок. Там нас уже поселили в барак, где народу было меньше – 35 человек».

Кроме Хибиногорска, спецпоселенцев селили на Нивастрое, в Зашейке, в становищах Восточного Мурмана, в районе Мурманска. Это их трудом создавались предприятия горно-химической промышленности, Нивская гидростанция, совхоз «Индустрия» и комбинат «Североникель».

Сколько их было, можно сказать более или менее приблизительно... Так, по данным профессора В.Я. Шашкова, к декабрю 1930 года в округ прибыло более 11 тысяч поселенцев, за 1931 г. – еще около 15 тысяч. Общее количество спецпоселенцев, прибывших в Мурманский округ, к концу 1933 года составило более 35 тысяч человек. Этот же источник утверждает, что количество спецпоселенцев в Хибинах от общего числа населения составляло от 55 до 72,5%. В окрестностях города (речь идет о Хибиногорске – А.К.) было построено 6 спецпоселков, жители которых на 90% были бывшими крестьянами.

Спецпоселенка Мария Перункова вспоминала, что у спецпоселенцев вычитали 20% заработка, но давали ежегодно отпуск 12 дней. Она писала:

«Трудились по 12 часов в день без выходных, по окончании строительства получали 50 рублей премии». М. Перункова работала и в Кандалакше, и на Туломе, где и вышла замуж: «Родители моего мужа, тоже спецпоселенцы, были высланы из Чесменского района Челябинской области. Свекра, как и моего отца, перед высылкой забрали, но потом выпустили и вернули паспорт. Семье, тем не менее, высылку не отменили, и когда свекор приехал за семьей на север и попытался вывести их, паспорт у него вновь отобрали».

Спецпоселенка Васса Михайловна Чувашева вспоминала: «...Погрузили в товарные вагоны. Мы спали вповалку на верхних нарах, на нарах внизу спали старшие. Посреди в полу дыра для нужды, закрывалась доской. В Карелии состав остановили, нам разрешили выйти, но не отходить от вагонов. 7 сентября 1930 года нас привезли в горы. Разгрузили у дороги. Сейчас эта дорога напротив гаражей комбината «Апатит», а с другой стороны через железную дорогу вокзал. Помню, как мы со своим скарбом сидим, окало дороги, а дед берет небольшие ведра и уходит, а потом приносит пшеничную кашу, залитую по палец маслом. Осмотрелись – кругом горы. Там, где сейчас Хибиногорская улица – два длинных одноэтажных барака. Сколько было человек в этом бараке – трудно отметить. О гигиене нечего

было думать. Начались болезни, каждое утро выносили мертвых. Каждый день на подводах увозили в жаренку вещи, чтобы уничтожать вшей. Ходили в баню, около озера Вудъявр, воровства не было, жили одной семьей. Заболела и вскоре умерла Леночка. На кладбище дед с дядей несли на носилках. 16-й километр – первое кладбище, где захоронены почти все переселенцы. Трудно жилось взрослым, но были честны, правдивы, трудолюбивы. Построили около 50 палаток. Строился город. Строили АНОФ-1. Трудно жилось переселенцам в палатках. Зимой одежда примерзала к полотну палатки. Посредине была печка – буржуйка, которая топилась круглые сутки. Таял снег в ведрах для питья. Наши отцы днем работали на АНОФ-1, а вечером строили щитовые бараки. К весне 17 семей из палаток переехали в барак. В бараке жили одной семьей, умели не только трудиться, но и веселиться. Нам дали комнату 12 кв. метров на семью из 11 человек. Над дверью полати, дети спали там, а на день туда забрасывали кое-какую одежду из комнаты. Дед с бабушкой и мама с папой – на кроватях, а тетя спала на щите, который на день убирала в сундук. О простынях и пододеяльниках нечего было и думать. Жилось трудно. Помню, как дед пришел из магазина в 1932 году и говорит: “Я разговаривал с С.М. Кировым. Выхожу из магазина и вижу: народ стоит кружком, а в середине какой-то мужчина. Задают вопросы спецпоселенцы, а Киров отвечает, что привезли нас для строительства нового города, знает, что труженики были в деревне, такие здесь нужны. Город постройте, улучшатся условия жизни, дети будут учиться в каменной школе. Киров был прост, мы верили каждому его слову”. Питание было превосходное. На прилавках большие окуни, мясо, крупы, хлеб, мука и водка (около 3-х рублей поллитра). Наши отцы получали мало и не раз не брали дорогие продукты. Город строился, появилась 1-я средняя школа. Открылся на 23-м километре детский санаторий. Там я подружилась с Зоей Шиловой, она была ласковая девочка. Это дни я помню до сих пор».

А вот отрывок письма бывшей работницы совхоза «Индустрия» Е.С. в хибинское общество «Мемориал»: «...Родилась и выросла я до 17 лет в станице Петропаловской, Краснодарского края. В 1930 году меня с отцом, матерью и 15-летним братишкой выслали на Урал под город Надеждинск (ныне Серов) в деревню. Мужиков послали в лес, бараки строить, а мы в лесу дрова пилили да сучья собирали. А потом брат с товарищем убежал, и нас за это всех собрали и привезли сюда, на Кольский полуостров. Поселили нас в шалманы на 13-м километре. Отец работал на лошади, ездил в Хибиногорск. А я сперва пилила дрова, а потом нам, предложили работать в Апатитах – в столовой картошку чистить. Столовая была, где сейчас магазин и поликлиника. А жили мы все, девочки, в общежитии, по 10 человек в одной комнате, в Тик-Губе, рыбацком поселке. В 1931 году я перешла работать в совхоз “Индустрия”, где через два года стала бригадиром животноводов. Работала хорошо, но все время была на учете в комсн-

датуре. И вдруг в 1937 году стали забирать в ГПУ в Хибиногорск. Первым забрали зоотехника Ивановского, потом ветфельдшера Никитенко, бригадира животноводов Свонкина и Иванченко. Как их забрали, – и нас стали вызывать в ГПУ в Кировск. Вот тут мое сердце и екнуло. Я шла, но мое сердце билось, и все подсказывало: не бойся, крепись. Бог не выдаст – свинья не съест.

Когда меня вызывали, требовали сказать, что все арестованные – враги народа. Но для меня это было равносильно, как если бы бумага была белая, я должна сказать, что она черная. Но мое сердце не дрогнуло, оно сказало: бумага была белой и черной не будет. Тогда мне заявляют: ты защищаешь врагов народа. Мол, у Никитенко от стыда, что он вредил Родине, разрыв сердца получился. Но я тогда уже знала, что Никитенко снял сподники и повесился. После этих вызовов в ГПУ я дома несколько недель не ночевала. Отец мой был уборщиком на скотном дворе, а я приду и скажу: «Папа разбуди меня перед приходом доярок». И никто не знал, что я спала в сене в тамбуре. Да несколько дней ходила со мной Тоня Ксенофонтова. Все время я боялась гостей непрошенных, но, слава богу, все обошлось».

Великое переселение раскулаченного народа продолжалось и в 1931 году.

Так, семья переселенки П.Ш. прибыла в Хибины 7 июля 1931 года: «Нас доставили на 18-й километр и выгрузили под откос (где потом был химзавод, а теперь гаражи). Летели под откос кое-какие пожитки, вслед за ними старики и дети – как комки грязи. Сразу устроили нары, навалили травы, постелили и там мы спали...».

В конце сентября нас переселили на 13-й километр, в шалманы, сделанные из досок, обитых толью. Потом переселили на Услонку (там был лагерь заключенных, они все погибли, бараки освободились, и нас переселили в эти бараки).

...Услонка теперь – это за железной дорогой, на развилке, где идут дороги на Центральный рудник и Титан.

У речки Белая срубили одноэтажную школу. Я пошла учиться снова в третий класс. Директором была Евгения Дмитриевна Тейшер.

«Работали, – вспоминала О. Ершова, – всей семьей на своей швейной машине в пошивной мастерской (директор К.П. Сидоров) напротив нынешнего железнодорожного вокзала». О. Ершова говорила, что «ходили еженедельно в комендатуру отмечаться».

...Хотелось бы отметить еще одну особенность менталитета населения Мурманска начала 30-х годов – среди сосланных в Заполярье были не только крестьяне, но и интеллигенция, в том числе профессор П.Н. Чирвинский. Сын профессора Новочеркасского университета Петра Николаевича Чирвинского, сосланного в Хибины, вспоминал: «...В первой половине сентября 1933 года я, одиннадцатилетний мальчик, был в числе пассажиров вагона, влекомого “кукушкой” со станции Апатиты в Хибиногорск.

Я испытывал чувство тревоги и даже страха, особенно когда наш рабочий поезд подошел к горе Вудъяврчорр, наполовину скрытой пеленой тумана. Перед одним ее краем шумела загаженная нефелиновыми хвостами река Белая, а впереди виднелся кусочек безжизненного озера Вудъявр. Мороз и... пыль, особенно заметно «посеребрившая» ели в сквере тогдашнего центра города.

Через 2–3 минуты поезд остановился, посветлело, и я вместе с толпой пошел к вокзалу, то бишь к барaku с высоким крыльцом. На крыльце стоял мой папа. На нем были серые в полоску брюки «хэбэ», солдатские ботинки, военная шляпа вида весьма потрепанного. Однако внешне указывала на принадлежность ее обладателя к «социально опасным» элементам».

Папа отвел меня домой в барак по Обогагительной улице, 7. В баракe на Обогагительной в одиннадцати комнатах жили симпатичные люди – преподаватели горно-химического техникума, в котором подрабатывал и мой папа. Новая работа его была в тресте, затем комбинате «Апатит». По этому адресу я прожил с родителями до осени 1940 года».

Но, пожалуй, хватит воспоминаний, давайте подведем некоторые итоги:

О жилье. Как правило, все спецпереселенцы начинали жизнь в Заполярье с палаток, землянок, шалманов. И только с конца 1931 года спецпереселенцев стали переводить из палаток в баракы и дома. На семью выделяли комнату (обычно 8–10 квадратных метров). Часто жили с подселением одиноких.

Конечно, ни о каком-то особом благоустройстве и речи не было. Страшная теснота, грязь, антисанитария были повсеместно. В книге «Родное Заполярье» приведено свидетельство ветерана Хибин, депутата первого городского Совета Е.И. Потаповой: «Бывало, распахнешь дверь, а на встречу вместе с клубами пара рвется говор многих голосов, детский плач. В помещении ужасная теснота. На пяточке, в проходе между нарами, женщина купает ребенка. Льет ему на спину воду, натоπленную из снега...».

И это было обычным делом. Тысячи людей приехали строить новый город у подножия Хибин. Главной задачей было вырвать богатство у гор. На жилье не оставалось ни сил, ни времени.

О работе. Спецпереселенцы вначале посылались на авральные работы: расчищать снег, подносить стройматериалы, сооружать дороги и т.д. А потом они определялись по принципу: кому, где больше нравилось. Многие пошли плотничать, другие работали с лошадьми на конбазе. На рудник и АНОФ-1 пошли немногие, там нужны были специалисты. Анастасия Ермаченко писала в газете «Котлован»: «С 1 августа 1933 года я начала строить дорогу на Расвумчорр. Мы разбивали и укладывали камни. Нам давали по 800 граммов хлеба, обед возили на работу. Я работала хорошо – бригадир говорил напарникам: «Ставлю тебя на работу с Настасьей – она не подведет. Нашей лучшей бригаде хлеба давали до 1,1 кг на человека...»

Младшую сестру из детдома в Няндоме мы забрали к себе. Жили в шалманах без перегородок, потом сделали перегородки на семьи. Ничего ни у кого не пропадало ни из продуктов, ни из одежды – жили дружно. Работали от 6 до 6 вечера, ходили с 23-го километра на работу до Кировска пешком...».

О снабжении. Спецпоселенцы, хорошо зарекомендовавшие себя на производстве, получали такой же паек, что и «вольные». А зависел он от того, кто, где работал. На предприятиях треста «Апатит» выше нормы в основных цехах, хуже – на подсобных. Свои нормы были у трудпоселенцев, посланных на лесозаготовки. Но беда была в другом: плохо снабжались иждивенцы – дети и старики.

В августе 1931 года правительство СССР установило норму снабжения иждивенцев спецпоселенцев, поселенных на лесозаготовки, из расчета выдачи в месяц 9 кг муки, 9 кг крупы, 1,5 кг рыбы, 0,9 кг сахара. Но в январе 1933 года нормы на иждивенцев урезали до следующих размеров: муки – 5 кг, крупы – 0,5 кг, рыбы – 0,8 кг, сахара – 0,4 кг. Вследствие этого положение пецпереселенцев ухудшилось. На почве голода увеличилась заболеваемость и смертность, начали есть кошек и собак, трупы падших животных.

Вот тогда-то и появилась песня раскулаченных крестьян – хибиногорцев:

...Ветер горный, дождь холодный
Встретил ужасом гостей,
Потащили вниз в палатки
Вещи, старых и детей.
Лагерь стонами наполнен.
Горе, слезы и тоска...

Но на этом беды спецпоселенцев не кончились. Кировчанка Ольга Бурова вспоминала: «...В 1935 году начались аресты. Были арестованы жившие на 25-м км геологи Усевичи, главный инженер рудника Борушко. Шли слухи, что по ночам ходит “тройка”. Забирали тихо. Помню, что в дни перед арестом отец как-то сник. Приходя с работы, тихо делился с мамой: “Забрали того-то и того-то”.

Он был добрым, мягким, даже робким человеком. 25 августа 1937 года, в день ареста, отец выходил на работу в ночную смену. Днем я с ним пилила дрова. Уходя, он грустно попрощался, обнял детей. Арестовали его на работе. Я проснулась этой ночью от звука шагов. Шли несколько человек в сапогах по нашему длинному коридору. Вот стучат в нашу дверь. Охрана ввела отца. Были еще двое понятых, один из них Тютрюмов, второго не помню. Начали обыск. Отца посадили поодаль, не разрешили разговаривать. Мама сидела с младшей девочкой на коленях. Ничего не нашли. Сказали отцу “Собирайся”.

В дверях отец обернулся и сказал: «Дети, я ни в чем не виноват». Сестренка плакала, а мама словно окаменела. Надо было как-то жить. Мне тогда было 14 лет, младшей сестре – 7. Собирали и продавали в первую осень ягоды – стакан за 10 копеек, 80 копеек в день. Мама подрабатывала шитьем. Ее почему-то перевели работать уборщицей в милицию. Приехала бабушка со средней сестренкой. Спали впятером поперек кровати. Отец находился в Кировской тюрьме, это место на въезде в город. Разрешили передачи, относили смену белья, и что можно было собрать из продуктов. С передачами ходила мама, детей с собой не брала, хотя и обещала мне. Два раза ей удалось увидеть отца, когда его выводили на прогулку. Бабушке она сказала после того, как увидела отца в первый раз: «Не узнать». В один из дней передачу у мамы не приняли...

Вместе с отцом на 25-м км забрали многих. Знаю, что были арестованы Редин и Гусев. Они, как и мой отец, были десятниками в цехе движения. У Екатерины Ульяненко были арестованы сын, брат и зять. Из тех, кто был взят с отцом, ни один не вернулся. Через какое-то время нам сказали, что отец осужден на 10 лет без права переписки. Мама вскоре после ареста отца заболела тифом, лежала на 16-м км в инфекционном отделении. Я с бабушкой летом, весной и осенью ходила набивать патроны на Кировский рудник. Зимой устраивалась на снегоубор на второй участок, на эту работу брали и подростков. Потом поступила в фельдшерскую школу, хотя хотела быть счетоводом. В автобиографии при поступлении нужно было указывать, по какой статье осужден отец. Таких детей, как я, на свой страх и риск, принимала директор школы – врач Знаменская, взяла меня, и позднее моих сестер».

В советскую эпоху считалось, что все раскулаченные, за исключением упрятанных в лагеря, по Конституции 1936 года («самой демократической в мире»), получили все права граждан СССР: и политические, и административные, и трудовые; что все ограничения в этом отношении были сняты, ликвидированы, уничтожены. Но, оказалось, все было иначе. Даже спустя два года после принятия Конституции в Мурманской области насчитывалось 20 527 трудпоселенцев. Эти 6 486 семей представляли несколько слоев: во-первых, тут были кулаки периода сплошной коллективизации, попавшие на Кольский полуостров в 1930–1932 годах; во-вторых, единоличники, не вступившие в колхозы в годы второй пятилетки и высланные позже; в-третьих, лица, осужденные в ссылку из Ленинградской, Уральской, Челябинской и ряда областей Украины, по национальному признаку, или по спецпроисхождению. Все они имели ограничения в передвижении, не имели права покидать трудпоселок (даже выезжать в командировку), обязаны были платить специальный пятипроцентный налог (как говорили – на содержание комендатуры), их не призывали в армию, они не были членами профсоюза, не имели права на усыновления, не могли менять имя и фамилию, после освобождения не должны были пребывать в

режимных областях и городах. Для учета и ежемесячной регистрации спецпереселенцев в 1938 году в области работали 6 комендатур в трудовых поселках и дополнительная районная комендатура. В комендатуре № 1 (пос. Кукисвумчорр) стояли на учете 1 147 семей (5 294 человека), во второй комендатуре (Кировск) – 2 597 семей (8 765 человек), в комендатуре № 3 (Апатиты) – 456 семей (1 173 человек), на Нивастрое (спецкомендатура № 4) – 1 251 семья (4 245 человек), в Мончегорске (с/к № 5) – 841 семья (2 409 человек) и в районе Дальних Зеленцов (с/к № 6) – 194 семьи (641 человек).

Как мы видим, самое крупное поселение бывших кулаков продолжало оставаться в Хибинах, а самое северное находилось на побережье Баренцева моря (тут ссыльные жили в 6 точках). Только совсем недавно из архивных источников я узнал истинный социальный состав населения довоенного Мончегорска (а ведь сам там жил до войны – на Монче). Оказывается, трудовой поселок № 5 близ города насчитывал несколько сот трудпоселенцев. Вообще-то, это был даже ни один поселок, а несколько, разбросанные в округе диаметром 75 км. В поселке Тростниковом в 1938 году жили 280 человек, на Монче – 650, на Малой Сопче – 236, на 33-м км – 222, на левом берегу Монче-Губы – 129, на железнодорожной станции Лапландия – 83 человека. Самая большая группа ссыльных жила в так называемом «спецгороде» – 853 поселенца. Они его и строили...

Если вернуться к общей характеристике, то на лицо были видны несколько групп: а) трудоспособные (их было 12 403); б) дети до 14 лет (5 584); в) подростки от 14 до 16 (929); г) нетрудоспособные старики и инвалиды (1 611 человек). В первое время после прибытия раскулаченных на Кольский полуостров побегов было много. Бежали, в основном, две категории поселенцев: молодые и старики.

Побеги случались и во второй половине 30-х годов, но их стало значительно меньше. По архивным документам известно, что, например, за вторую половину 1938 года из трудового поселка № 3 (в Апатитах) бежало 14 человек. Из мончегорских поселков за тот же период бежало 12 человек. А всего в бегах числилось тогда 242 поселенца. Контингент трудовых поселков полуострова состоял из 6 основных групп:

1. Высланные из районов сплошной коллективизации в 1930-е годы.
2. Репрессированные за саботаж и срыв хлебозаготовок в последующие годы.
3. Кулаки, когда-то бежавшие в города и там задержанные.
4. Жители больших городов, выселяемые по классовым мотивам (особенно много – из Ленинграда).
5. Освобожденные из мест заключения в целях «разгрузки» лагерей.
6. Жители приграничных районов Украины, Белоруссии, Прибалтики.

РЕПРЕССИИ 30-Х. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Репрессии 30-х годов охватили все районы Кольского полуострова и крайне осложнили в целом общественно-политическую обстановку на Севере. А лагеря заключенных, выход части арестантов на волю осложнили всю криминогенную ситуацию в городах и поселках. Вот несколько примеров из той эпохи 30-х годов.

В июне 1934 года гражданин И.М. Степанов, освободившись из исправительно-трудового лагеря, с целью совершения краж прибыл в Мурманск, где проживал по поддельному паспорту. Примкнул к банде некоего Каминского, где стал играть роль наводчика. Захватив милицейские наганы, бандиты совершили ряд ограблений и изнасилований, а затем «залегли на дно» у одного бывшего зэка, работавшего грузчиком в магазине ТПО. Немало пришлось потрудиться милиции, чтобы арестовать преступников.

Что же касалось второго ЧП – ограбления кассы в Мишуково, сразу было видно, что это дело опытных воров-рецидивистов.

Из «медвежатников» (специалистов по вскрытию сейфов) 30-х годов на Мурмане были хорошо известны братья-близнецы Захаровы – Константин и Павел. До 1935 года они привлекались к уголовной ответственности не менее 6 раз, но свой воровской инструмент так и не выдали.

Захаровы прибыли на «гастроли» на Кольский полуостров из Ленинградской области. Здесь совершили два ограбления: в кассе рыболовецкого колхоза взяли 100 тысяч, а на руднике в Кировске – 40 тысяч рублей. Но тюрьма уже вновь плакала по братьям: их задержали, деньги и «балерину» (воровской инструмент) нашли в огороде их дяди в Тик-Губе.

Таких случаев в Мурманском округе было тогда очень много. Часто заключенные после отбытия сроков наказания оставались на Севере, и далеко не все находили себе честное место в жизни, преступная среда вновь засасывала человека в свой омут.

В области всегда было сложно с трудовым и бытовым устройством освобождающихся. Сотни бывших зэков мыкались по городам и поселкам полуострова, не имея возможности устроиться на работу: то из-за отсутствия специальности, то прописки, то нужной рекомендации. Да и побеги из лагерей, многие из которых были временными и плохо охраняемыми, случались частенько. Причин для этого было достаточно. Наверное, поэтому вопрос «О ненормальностях в организации труда заключенных» обсуждался в начале 1937 года на заседании бюро Мурманского окружкома ВКП(б).

И есть еще одна деликатная проблема, которую нельзя обойти – о доносах, клеветнических письмах, о деятельности так называемых сексотов (секретных сотрудников).

Доносы, к сожалению, процветали в России во все времена, но жаль, что в социалистическом государстве система сыска и слежки приобрела тотальный характер. В ней участвовали все – от пионеров до дворников,

она процветала и в маленьких гражданских учреждениях, и в тюрьмах и лагерях.

Об осведомительстве мы уже упоминали. Потому приведем лишь новые факты, обнаруженные в последнее время.

6 августа 1940 года был издан приказ по Мурманскому управлению НКВД, где говорилось, что «Кандалакшский район был местом ссылки». Помимо спецпоселенцев и заключенных, в городе проживали 1 387 подозреваемых. Вот почему в службе сыска было занято 188 сексотов и осведомителей, а также 11 резидентов.

В другом документе, датированном тем же 1940-м годом, говорится, что 42 процента населения Кировска являются контрреволюционными элементами и что среди них ведут работу 92 осведомителя, 9 резидентов и 6 агентов.

Несмотря на то что многие осведомители числились лишь на бумаге, было немало случаев, когда нужного для следствия результата добивались только с помощью агентуры. Так, когда заключенный кировской тюрьмы бывший моряк Ф.В. Сметанин долго не признавался в совершении преступлений по 58-й статье (пункт 10), к нему подсадили двух сексотов – «Любимова» и «Шилова». Вскоре оба они выступили «свидетелями» подрывной деятельности «врага народа».

Из того же 1940 года дошел до нас и такой документальный факт. За октябрь – ноябрь сержант госбезопасности Громов получил от своих сексотов 32 донесения. На этого работника НКВД только на бондарном заводе работали 18 осведомителей и 5 резидентов.

Известно, что резидент «Дуганов» имел 9 осведомителей, «Бобров» – 5 и т.д. Только у резидента «Бестужева» почему-то не было ни одного осведомителя.

За плохую постановку осведомительской работы доставалось начальникам тюрем. В декабре 1940 года за это ругали Трофимова (тюрьма № 1), Галямова (тюрьма № 2), Кирпиченкова (тюрьма № 3).

Тема эта – о доносах – малоприятная и, как говорится, с душком. Об этом, как правило, никто не хочет говорить: ни бывшие сотрудники органов, ни сами осведомители, да и те, за кем следили. Один из репрессированных, Евгений Черноног, как-то написал: «Придумок у них много было. Когда мы реабилитацию получали, с нас подписку брали, что мы нигде не сидели, ни в каком лагере не были и никому ничего рассказывать не должны. Просто вычеркнуть эти годы из жизни. Как их и не было».

Сравнительно недавно мурманские историки нашли в архиве несколько новых документов о криминогенной обстановке в Мурманской области в предвоенные годы (1939–1941) и о тогдашнем положении в тюрьмах Кольского полуострова.

Приказом по управлению НКВД отмечался милиционер Е. Ширяев. 15 января 1939 года он задержал в Лесном переулке областного центра по-

дозрительного: им оказался вор И.И. Койнов, только что укравший 2 361 рубль – по тем временам это были большие деньги. Евгению Ширяеву объявили благодарность и выдали премию 100 рублей.

11 марта 1939 года другой милиционер, П.И. Морозов, задержал ночью при совершении преступления двух граждан – Я.Д. Ивко и С.П. Федотова, нигде не работавших бомжей, в прошлом зэков.

Так что мурманские тюрьмы никогда не пустовали. Помимо внутренней тюрьмы управления госбезопасности, которая находилась в Мурманске, в области было еще три: № 1 – тоже в Мурманске, № 2 – в Кандалакше и № 3 – в Кировске. Мурманская тюрьма в сентябре 1939 года была закрыта на ремонт, всех ее заключенных перевели во внутреннюю тюрьму УГБ (вновь поступавший контингент держали в КПЗ – камере предварительного заключения милиции). Начальником ее тогда был капитан Н.А. Тряпышко, а политруком И.Ф. Арясов. Штат тюрьмы состоял из 33 человек: 4 старших по корпусу, 2 старших надзирателей, 4 надзирателей первой категории, 12 рядовых надзирателей, а также сотрудников медпункта, хозяйственной части и других обслуживающих подразделений.

9 сентября 1939 года из восемнадцатой камеры внутренней тюрьмы НКВД был совершен групповой побег. Девять несовершеннолетних преступников, разогнув решетку, вылезли в окно и бежали в город. Правда, вскоре их всех, за исключением одного (по фамилии Моисеев), поймали. Но руководство «погорело»: начальника тюремного отдела сняли, вместо него назначили К.В. Муравьева (уже с 27 сентября).

Тюремное начальство тогда вообще менялось очень часто: перед войной тюрьму № 1 последовательно возглавляли И.В. Буланов, Ш.М. Сулейманов, Трофимов. Дольше других проработал на этом поприще З. Халиулин (он был заместителем тюремного отделения областного управления НКВД). Политруком тюрьмы № 1 с декабря 1939 года был А.А. Захаряпин. Часто менялись кадры и в кандалакшской тюрьме: после А.И. Карпиченкова начальником был Галямов, потом А.И. Галибин (до этого бывший комендантом трудпоселка в Нивастрое). О тюрьме № 3 (в Кировске) в дополнение к тому, о чем писалось ранее, нашлось еще одно свидетельство. Принадлежит оно кировчанке О. Буровой, которая вспоминала: «Отец находился в кировской тюрьме, это место на въезде в город... Вместе с отцом на 25-м километре забрали многих. Знаю, что были арестованы Редин и Гусев. Они, как и мой отец, были десятниками в цехе движения».

Весной 1940 года было проведено обследование «тюремного хозяйства» Мурманской области и при этом выяснилось два главных недостатка: во-первых, не во всех камерах была так называемая агентурная сеть (попросту «стукачи»); во-вторых, из тюрем часто совершались побег. В акте отмечены три таких случая. В ночь с 28 на 29 августа 1939 года бежало сразу 13 человек, 7 января 1940 года по пути в баню «смылись» три зэка, 21 февраля 1940 года также три арестанта сумели убежать из карцера.

Нередки были в тюрьмах и массовые беспорядки. 27 ноября 1940 года в тюрьме № 1 отказались от пищи 20 заключенных одной из камер. Они требовали разрешить им покупать продукты в тюремном ларьке. Дежурный по корпусу Федотов деньги от заключенных на продукты взял, но ничего сделать не сумел. Тогда арестанты, подзуживаемые рецидивистами, «учинили в камере бунт, обрезали электропровода, поломали нары, ломали двери камеры, бросали в надзирателей посуду».

Новое ЧП произошло 28 февраля 1941 года. Из тринадцатой камеры этой же мурманской тюрьмы в половине девятого утра бежали трое особо опасных преступников. Они взломали решетку окна, вылезли на территорию прогулочного двора, а оттуда через забор проникли в хозяйственные помещения. Там двоих удалось схватить, а третий преодолел внешнее ограждение и бежал в город. Нашли его лишь спустя некоторое время у знакомых на Пушкинской улице. В ходе расследования происшествия были признаны виновными надзиратель внутреннего поста С.Ф. Куприянов, вышковой охранник Г.К. Захаренко, постовой С.М. Анисимов. Дежурный по тюрьме С.Л. Львов был отдан под суд.

Судя по документам, порядка в тюрьмах действительно не хватало. Охранники злоупотребляли спиртным, даже стреляли во хмелю, поддерживали интимные связи с женщинами из числа заключенных, спали на постах и т.д. Был вообще трагикомический случай. 15 мая 1941 года по этапу из кировской тюрьмы отправили не того, кого нужно было: посадили в вагон Афанасия Артемовича Пахомова вместо Пахомова Тимофея Кирилловича...

Конечно, начальство по каждому факту разбиралось, виновных наказывали: сажали под арест, лишали премий и даже увольняли, хотя с кадрами было тяжело – не каждый соглашался идти на тюремную работу. Попутно заметим, что сведения о тюрьмах и лагерях и сейчас достаются с большим трудом. Часть архивов, особенно той поры, когда Мурман входил в состав Ленинградской области, в Заполярье не сохранилась. Сами же бывшие лагерники и заключенные предпочитают о прошлом молчать. Иногда какие-то косвенные данные удается получить из писем их родственников.

Вот одно из таких писем (его написала П.С. Конашенко-Жаравина): «Отец, Жаравин Степан Степанович, был летом 1932 года арестован и отправлен в лагерь, расположенный в местечке – Киеварака (близ Мишуково и Лавны)... Я хорошо помню, как мы с матерью ездили на катере навестить отца в Киевараке. Лагерь был расположен на горе, там были разбиты палатки, ни толчанов, ни постелей не было. В середине полотняных помещений стояла буржуйка, она топилась все время, вокруг нее сушились онучи. Спали все заключенные на земле, устланной хвойными и березовыми ветками. Я наблюдала, как всех, в том числе и моего отца, кормили: приносили ведро с супом, разливали по мискам, кушали по очереди, сначала одна

бригада, потом другая. Все это произвело на меня удручающее впечатление».

Позже, когда геологоразведочные работы на западном берегу Кольского залива были свернуты, заключенных перебросили на сооружение мурманского водопровода.

А вот еще одно свидетельство. Оно принадлежит Михаилу Афанасьевичу Градусову: «Когда строилась Нижне-Туломская ГЭС, я жил на Дровяном и строил там первый кирпичный дом. На Абрам-Мысе был в то время лагерь (там еще остались дома от него). Каждое утро через залив ходил деревянный бот-катер с названием “ББК”».

По поводу содержания этих воспоминаний, присланных в редакцию «Советского Мурмана», можно высказать два предположения: либо М.А. Градусов пишет о том же лагере в Мишуково-Киевараке, либо речь идет еще об одном – на Абрам-Мысе.

Помимо этого отделения, на Кольском полуострове в 30-е годы работали заключенные по крайней мере еще двух отделений Беломорстроя: в Мончегорске и на Нижне-Туломской ГЭС (в Мурмашах). Но и это еще не все.

Газета «Котлован», издававшаяся в Апатитах, в 1991 году опубликовала карту лагерей Кольского полуострова, где указаны 27 точек ГУЛАГа. Однако с этими данными следует еще разобраться: там обозначены лагеря как довоенные, так и послевоенные. Неясна судьба трех отделений УСЛОНа (управление Соловецкого лагеря особого назначения): по мнению автора этой подборки Матвеева, 3-е отделение УСЛОНа вело лесные и дорожные работы в районах Кандалакши, Энгозера и разъезда Белого; 6-е отделение тянуло дороги в Хибины; заключенные 11-го отделения вели лесозаготовки, ловили рыбу, строили дорогу в северной части полуострова, в том числе на Териберку.

Заключенные до войны находились на островах Кильдин и Олений, в Пулозере и Пинозере, в Кандалакше, Ене и Ревде, в Поное и Мончегундре. Лагеря назывались Белореченскими (в Апатитах) и Березовскими (в Пулозере), были номерными и литерными. До сих пор не удалось расшифровать, где располагался так называемый «объект № 26». Заключенные провели туда линию электропередачи, водопровод, построили насосную станцию. Не сумели мы пока установить, что за «объект № 33» был в Кольлаге.

Только недавно разобрались с двумя номерными стройками довоенных лет: 105-й называлось строительство железной дороги и шоссе Ручьи – Алакуртти – Куолаярви; 106-й – ветка от Пинозера через Уполокшу к Ковдору. Стало известно, что 106-я (главного управления железнодорожного строительства ГУЛАГа), которую перед войной возглавлял некто Орловский, также вела сооружение военных аэродромов на полуострове.

Да, как это ни парадоксально звучит, но НКВД во главе с Берией сделал для укрепления военной мощи СССР не меньше, чем промышлен-

ные наркоматы. Вот только один факт.

13 января 1940 года Совет Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О передаче медно-никелевого комбината “Североникель” и строительства Кандалакшского алюминиевого завода в ведение Наркомвнудела СССР». Сразу же Л.П. Берия провел у себя в кабинете совещание, на которое были приглашены руководящие работники НКВД, Наркомцветмета, Наркомчермета, «Гипроникеля» и «Североникеля». Ленинградский институт «Гипроникель» представлял Я.Д. Рачинский, Мончегорск: М.М. Царевский – начальник стройки и И.С. Береснев – главный инженер. В целях увеличения выплавки никеля и меди в полтора раза было предписано закончить в кратчайшие сроки главные строительные объекты (металлургический и электролизный цехи в первую очередь).

Как писал мончегорец Ю.С. Лукичев, на вышеупомянутом совещании «был рассмотрен ряд вопросов: по увеличению количества строительных рабочих за счет создания большого Мончегорлагеря; по подготовке эксплуатационного персонала из числа заключенных... В ходе обсуждения И.С. Береснев поднял вопрос о трудностях, которые должны возникнуть при работе, если будет эксплуатироваться труд заключенных, на что Берия ему ответил: эти люди ничем не отличаются от обычных рабочих». М.М. Царевскому было присвоено звание майора госбезопасности. В Мончегорск потянулись поезда со «свежими» заключенными...

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 46197 (В.К. АЛЫМОВ И «СААМСКИЙ ЗАГОВОР»)

Вел следствие по делу В.К. Алымова один из самых «способных» оперуполномоченных 4-го отделения Мурманского окружного отдела НКВД сержант госбезопасности В.П. Школин (сержант госбезопасности был чином серьезным, перед ним и армейский капитан трепетал). Он постарался, прежде всего, оформить как положено дело: имеются постановления прокуратуры на арест, ордер № 92 на обыск, протокол, подписанный понятыми, анкета арестованного. Все это аккуратно подшито в папку дела № 46197, проставлены даты: начато 27.02.38, окончено 7.04.38. Зафиксирована отметка, что при аресте и обыске квартиры В.К. Алымова была изъята вся переписка ученого, которая впоследствии была ликвидирована «как ненужная».

Вначале, сразу после ареста, В. Алымову было предъявлено обвинение, что он «является участником контрреволюционной финской националистической организации на Кольском полуострове». Но уже через месяц, к началу апреля, формулировка стала иной: «Является участником контрреволюционной повстанческой шпионской диверсионно-террористической организации». Как видим, обвинение отказалось от слов «финской националистической» и дало новое, более расширительное и, можно сказать, более громкое название всему делу. Если первоначально Алымову «шили» лишь два пункта 58-й статьи 10-я и 12-я (часть первая), то теперь ему добавили обвинение по пунктам 2, 6, 8, 9 и 17.

Лично Василию Кондратьевичу вменялось в вину (хотя на этом внимание особо не акцентировалось):

а) принадлежность в 1904–1906 годах к меньшевистскому крылу РСДРП;

б) арест жены Софьи Петровны и приемного сына Сергея Галицкого (арестованных в Мурманске осенью 1937 года);

в) связь с врагами народа в Ленинграде (профессор Д.В. Бубрих, преподаватели ИНСа А.Г. Эндюковский и З.Е. Черняков) и Москве (П.Г. Смидович, С.Л. Бутурлин);

г) научная работа в качестве ученого-этнографа в интересах саамской общины, ее культуры и традиций.

На допросах

Первый допрос начался вроде бы с безобидных и житейских вопросов: где работал, с кем знался? В.К. Алымов упомянул питерских знакомых, затем перечислил мурманских, назвал бывшего директора Биологической станции в Полярном профессора Г.А. Клюге (последний раз встре-

чались в Ленинграде зимой 1936/37 года на квартире Германа Августовича на улице им. Розы Люксембург), агронома И.Г. Эйхфельда с Хибинской опытной сельскохозяйственной станции, архивиста и краеведа Я.А. Комшилова и врача Николая Халапсина.

Затем были заданы два вопроса «позаковыристее»: «Расскажите о связях с заграницей; расскажите о связях с финнами, саамами и членами Комитета Севера в Москве».

На первый из них подследственный ответил четко: «В советское время никаких связей не было. А до революции дважды был за границей: в первый раз в Персии в качестве изыскателя строящейся там железной дороги (в 1913 году), во второй раз в Турции, туристом в Константинополе (в 1917 году)».

Другой вопрос был сложнее и вызвал ряд дополнительных уточнений. В.К. Алымов, прежде всего, подчеркнул, что никаких связей у него с финнами не было. Сейчас, по прошествии времени, можно определенно сказать, что органы НКВД пытались связать воедино два тогдашних «громких» дела: «финское» и «лопарское». Однако твердая позиция Василия Кондратьевича в немалой степени помешала это сделать.

Отвечая на остальные части вопроса, Алымов говорил о давних (с 1927 года) связях с Комитетом Севера в Москве, назвал несколько имен его руководителей (П.Г. Смидович, С.А. Бутурлин и др.), подчеркнул исключительно деловой характер встреч и связей с ними. Что же касается саамов, то В.К. Алымов и не скрывал характер своих контактов с коренными жителями. Он знал многих аборигенов края, посещал семьи оленеводов от Туломы до Иоканги, часто бывал в тундре. Даже рекомендовал юношей из семей Осиповых, Матрехиных, Герасимовых, Яковлевых на учебу в Ленинград. Саамы гордились дружбой с «большим начальником», часто искали у него защиты от притеснений местных властей. Квартира Василия Кондратьевича в бревенчатом доме на улице Красной (была такая в районе нынешних улиц Полярные Зори и Буркова, ближе к улице Книповича), где он занимал две комнаты, была для многих оленеводов постоянной и надежной гостиницей. Об этом знал тогда весь небольшой Мурманск.

За это и зацепились на следствии, вопросы посыпались как из рога изобилия: «Кто из саамов враждебен к Советской власти? Кто из них за автономию и союз с Финляндией? Кто из оленеводов поддерживал связь с Финляндией? Есть ли враждебные настроения среди саамов, в частности, студентов педтехникума?»

Нужно отдать должное – В.К. Алымов отвечал честно и ничего против саамов не показал. На первые вопросы о наличии среди них враждебно настроенных, стремящихся к отделению, ответил коротко: «Нет таких». На вопрос о связях саамов с Финляндией тоже дал лаконичный ответ: «Ничего не знаю».

Но уже со второго допроса, а он состоялся через десять дней после первого, в течение которых, по-видимому, подследственного «обрабатывали», показания «руководителя саамского заговора» в корне изменились.

10 марта 1938 года В. Алымов на допросе будто бы заявил: «Вошел в контрреволюционную националистическую саамскую организацию в 1935 году по предложению Чернякова и Антонова». А далее пошел какой-то, на наш взгляд, выученный бред: организация готовила «соответствующие формирования»; надеялась на поддержку буржуазной Финляндии; проводила агитацию за отторжение Кольского полуострова, совершала различного рода диверсии и т.д. и т.п. Однако прежде чем анализировать дальнейшие показания по делу саамской повстанческой организации, давайте посмотрим: кто же такие Черняков и Антонов, к которым якобы тянулись нити заговора.

Захарий Ефимович Черняков был тогда сотрудником Ленинградского Института народов Севера. Он активно участвовал в работе по созданию саамской письменности, с 1925 года почти ежегодно приезжал, а одно время постоянно работал в Мурманске. Почему выбор НКВД пал именно на него – сказать трудно. Тем не менее уже на первых допросах и другие арестованные на вопрос: «Кто такой Черняков?» – отвечали по-разному: одни говорили, что он поборник саамской культуры, другие – что националист, третьи его не знали. Самое же парадоксальное и непонятное заключается в том, что Черняков по этому делу так и не привлекался.

Теперь об Антонове. Петр Николаевич работал секретарем так называемого КНА (окружного Комитета нового алфавита) – органа, ведающего делами создания саамской письменности. Будучи арестованным раньше «алымовской группы», он якобы дал показания, изобличающие участников заговора. В протоколах допросов есть упоминание о какой-то бумаге на шведском языке, якобы изъятой у П.Н. Антонова, где идет речь о создании лопарского государства. Но самого документа, к сожалению, в деле Алымова обнаружить не удалось.

Нет и документальных свидетельств очной ставки П.Н. Антонова и В.К. Алымова, ее, по-видимому, и не делали (а почему?).

Как создавались мифы в НКВД

Дело В.К. Алымова стало раскручиваться с невероятной скоростью. Следователи вели его с самого начала по заранее разработанной схеме: во-первых, саамская повстанческая организация связана с Западом или, точнее, с теми кругами, которые отстаивали идею «Великой Финляндии», с включением в нее Карело-Мурманского края; во-вторых, контрреволюционный саамский заговор был идеально законспирирован и хорошо организован. Во главе заговора стоял центр, в него якобы входили В. Алымов, З. Черняков, А. Эндюковский, П. Антонов и Аллан Валлениус – то ли с

финской, то ли со шведской стороны. Этой руководящей пятерке по «легенде» подчинялись шесть повстанческих групп на местах: в Ловозере, Воронинском погосте, Иоканге, Нотозере, Юркино и Мурманске.

По сфабрикованным показаниям, наиболее крупной была ловозерская группа, в ней будто бы было до 15 человек (Алымов «назвал» двоих Никона и Александра Герасимовых). Из воронинских лопарей фигурировали трое: Александр Яковлев, Семен Дмитриев и Павел Фефелов (бывший председатель колхоза). В Иоканге был арестован Александр Васильевич Матрехин, в Нотозере – Андриан Герасимов.

Саамская контрреволюционная организация в свою очередь была «связана» с «Карельским центром», во главе которого, якобы, стояли Э. Гюллинг и Г. Ровио (тогдашние руководители Карельской АССР). Участники заговора «вели работу» в следующих направлениях: во-первых, разваливали колхозы, артельное хозяйство, сокращали поголовье оленей, поджигали ягельники. Во-вторых, организовывали террористические акты (в частности, утверждалось, что Канев хотел убить первого секретаря райкома партии Г. Елисеева, а другие члены организации даже говорили «об убийстве тов. Сталина и его соратников»). В-третьих, заговорщики якобы распространяли провокационные слухи о близкой войне, вели контрреволюционную агитацию за создание еще одного саамского (западного) района (идея Никона Герасимова), и даже «самостоятельной Лапландии». В-четвертых, собирали шпионские сведения, вооружались, готовили повстанческие кадры из кулаков и белогвардейцев (считалось, что центром восстания может быть селение Чальмны-Варрэ на Поное. Именно туда должен был прилететь какой-то самолет из Финляндии).

В ходе следствия «уточнялись» многие детали «заговора». Оказывается, З.Е. Черняков был связан с «буржуазными» учеными – Итконеном (встречались в 1935 году), Кеттуненом и Квингстадом (из Тромсе). Выявлялись и имена «новых заговорщиков»: Лазаря Яковлева и Федора Чопорова из Мурманского педтехникума, А.И. Селиванова, А.М. Дмитриева, П.И. Федорова и С.П. Дмитриева из Воронинского погоста (двое первых – бывшие кулаки, третий – председатель колхоза в отставке). В общем, клубок раскручивался...

Еще раз о главе «заговора»

И все же не очень понятно, почему В.К. Алымову была уготована роль руководителя военного, по сути дела, заговора? Даже сейчас ответить на этот вопрос нелегко. И все же попытаемся разобраться.

На наш взгляд, выбор обусловили следующие факторы. Василий Кондратьевич был известен, уважаем и почитаем как саамами всех районов Кольского полуострова (арестованные были не только из Ловозера и

Краснощелья, но и из Колы и Падуна, Воронинского погоста и Иоканги), так и коми-ижемцами, пастухами-ненцами.

Кроме того, Алымов жил в Мурманске, его квартира, рабочий кабинет в губисполкоме, а потом и в музее, были местами бесед и встреч для многих гостей из тундры. Тут оленеводы рассказывали своему представителю в Комитете Севера о нуждах и притеснениях со стороны «родной» Советской власти, здесь намечались возможные пути исправления ошибок в решении конкретных вопросов тундровой политики. Вполне естественно, что в ходе разговоров гости не выбирали парламентских выражений для своих формулировок. А поводов для недовольства у них было хоть отбавляй: порядка в оленеводческих колхозах не было, заработки были мизерными, поголовье общественного стада росло плохо. А тут еще подоспела инициатива местных работников о сокращении числа оленей, находившихся в личном владении саамов и коми. Влияли на настроения оленеводов и закрытие церквей, и плохое снабжение (13 апреля 1938 года «Ловозерская правда» писала: «Чтобы купить хлеб, сахар и другие продукты, приходится по два и три часа простаивать в очереди»).

Сведения о «вольномудстве» В.К. Алымова и раньше поступали в ОГПУ – НКВД. Не без подсказки из этих органов его освободили от работы в окрплане и «сослали» в краеведческий музей. Но и там В. Алымов продолжал свою «подрывную работу»; собирал сказки и песни саамов, накапливал материалы по топонимике края, писал статьи на краеведческие темы, ездил в экспедиции в тундру, заинтересованно беседовал, отвечал на запросы своих друзей-оленеводов.

Вся эта общественная и культуртрегерская работа была прервана 27 февраля 1938 года. Василия Кондратьевича арестовали, а в октябре того же года расстреляли в Ленинграде. Вместе с ним были расстреляны десятки ни в чем не повинных людей.

А.С. Салазкин — «военный министр» Лапландии

Вторым человеком в саамской повстанческой организации был (не в действительности, а в воображении следователей) Александр Сергеевич Салазкин (в НКВД был сочинен еще один миф: если В. Алымов «метил» в президенты самостоятельного лопарского государства, то А. Салазкин – в военные министры).

Александр Сергеевич родился в 1894 году в городе Касимове Рязанской губернии, в интеллигентной профессорской семье, получил высшее образование (закончил географический факультет Петроградского университета). С 1931 года жил вместе с женой и сыном в маленьком поселочке Оксину Ловозерского района, где работал геоботаником на опытной оленеводческой станции. Жил тихо, замкнуто и, по всей видимости, думал, что прошлое ушло и забыто. Но органы ОГПУ – НКВД не выпускали его

из поля зрения: во-первых, человек из дворян, правда, не личных, а почетных, но все же; к тому же отец его был членом Временного правительства, при Керенском занимал пост министра народного просвещения. Во-вторых, ни с того ни с сего приехал в Заполярье из Ленинграда – «тут что-то не так». В-третьих, А.С. Салазкин – в прошлом колчаковский офицер (был командиром роты с июня 1918 года по январь 1920 года), за что отсидел два года в концлагере. В-четвертых, был замечен «в контрреволюционной агитации»: неуважительно относится к местной власти, недоволен коллективизацией, говорил как-то, что западные саамы живут культурнее, чем наши.

И хотя Салазкин неоднократно заявлял, что к прошлому возврата нет, что он примирился с Советской властью, его арестовали, и вскоре после пыток он показал, что его завербовал в контрреволюционную организацию в 1931 году В.К. Алымов. Мол, в тот раз он (Салазкин) приехал в Мурманск, остановился, как многие приезжие, у Василия Кондратьевича, жил у него в ожидании парохода чуть ли не неделю, и там «произошла его вербовка». Вернувшись в тундру, Салазкин якобы организовал в Ивановке контрреволюционную группу из семи человек. А главным его помощником был Иван Иванович Артиев. Вот последний-то со своими родственниками и распространяли заразную для оленей болезнь – «копытку», убивали животных, поджигали леса и ягельники и т.д. и т.п.

Еще один «заговорщик» — «Вань-Вань»

Кто же такой И.И. Артиев? Выходец из коми-ижемцев, он принадлежал к старшему поколению «заговорщиков», на момент ареста ему было под шестьдесят. Иван Иванович (или, как его звали саамы, «Вань-Вань») прошел большую жизненную школу. Служил еще в 1902–1905 годах в царском военно-морском флоте, за участие в восстании кронштадтских моряков в период первой русской революции был осужден царским судом. После революции трудился в родной тундре, пас оленей, ловил рыбу, растил детей (их у Ивана Ивановича было пятеро).

Артиев считался в Кольской тундре одним из самых культурных оленеводов: вел хозяйство по-современному, выписывал газеты и журналы, сам учил детей. Еще летом 1921 года в «Полярной правде» была помещена маленькая заметка, в которой рассказывалось о демобилизованном военноморе И.И. Артиеве: принялся за обучение детей и взрослых, сделал столы-парты, доску, деревянные кубики – азбуку. И хотя не было учебников и бумаги, а из канцелярских принадлежностей был лишь огрызок карандаша – дело шло на лад.

Новые испытания роду Артиевых принесла коллективизация. За то, что успешно вел оленеводческое и рыболовное хозяйство, жил безбедно, И. Артиев подвергся раскулачиванию. Но уже на следующий год (раскула-

чили в 1931-м, а восстановили в правах в 1932 году) власти поняли, что совершили ошибку, и приняли его в колхоз: он был единственным в хозяйстве (да, наверное, и на всю тундру) квалифицированным столяром. И опять вроде бы пошло все хорошо: Иван Иванович, так же как его братья Александр и Викентий, пользовался большим авторитетом среди оленеводов («умные мужики»), хотя это и не нравилось местным руководителям. Не нравилось им и само поселение Ивановка, основанное крепким родом Артиевых в среднем течении Поноя еще в 1917 году. Деревню решили переименовать – назвали Чальмны-Варрэ. Ну, а род Артиевых пошел фактически под топор.

В 1938 году, когда началась очередная волна репрессий, семье Артиевых были предъявлены новые обвинения: «враждебно настроены к Советской власти», «не смирились с коллективизацией», готовят заговор. К заговорщикам, кроме самого И. Артиева, были отнесены три его брата: Александр (когда-то имел 500 оленей!), Викентий (тоже в прошлом «кулак») и Федор, а также Егор Канев. Ближайшим их руководителем, как мы уже говорили, был объявлен Салазкин, а в Мурманске их «начальником» стал, естественно, Алымов, которого Иван Иванович хорошо знал с 1925 года (заезжая в тундру, Василий Кондратьевич всегда останавливался у Артиевых).

Вот так и «влип» коми И.И. Артиев в «саамское дело». Только 11 октября 1957 года его дочери Александре Ивановне Филипповой сообщили, что Иван Иванович Артиев ни в чем не виноват и полностью реабилитирован (посмертно).

О Никоне Герасимове и других

Среди других участников «саамского заговора» хотелось бы выделить Никона Петровича Герасимова, нотозерского саама, 1910 года рождения. Его тоже ни за что ни про что репрессировали в 1938 году.

Никон был очень способный, инициативный парень, окончил Ленинградский Институт народов Севера, стал грамотным советским работником. А до этого был батраком, пастухом, лесорубом, сплавщиком. И вот, когда, как говорится, только-только выбился в люди, пошли доносы. Человека оклеветали, посадили, расстреляли (в его уголовном деле мы видели акт, подписанный старшим лейтенантом госбезопасности А.Р. Поликарповым: «Приговор приведен в исполнение 22 октября 1938 года»).

Вот что писали мы о Н.П. Герасимове в книге «Советские саамы: история, экономика, культура»: «В Нотозерском погосте первым “выпускником” курсов ликбеза был Никон Герасимов. Ночами, при тусклом свете свечи, после тяжелой работы на лесозаготовках старательно выводил парень каракули. Вскоре Никон вступил в комсомол, стал писать заметки в стенгазету “Полярный лесоруб”, выходящую на лесопункте. Он был пер-

вым селькором “Полярной правды” из саамов. Спустя несколько лет Н.П. Герасимов в статье “Национальное устройство лопарей в Мурманском округе” сообщал, что грамотность саамов за пять лет (с 1926 по 1931 годы) “повысилась вдвое”, что “наряду с этим повысилась сознательность и активность трудящихся саамской народности”».

После окончания института Никон Герасимов работал заведующим Домом оленевода в Мурманске, был членом Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся, перед арестом возглавлял сектор кадров в Ловозерском райисполкоме.

После его расстрела остались двое малолетних детей – Вадим (ему было пять лет) и Сусанна (два годика). Жена Никона Петровича Анна Исаковна только в 1957 году получила извещение о реабилитации мужа. (Военный трибунал Северного военного округа 4 июля 1957 года отменил приговор по делу саамской повстанческой организации и полностью оправдал всех пострадавших.)

Таких людей, как Никон Герасимов, среди репрессированных саамов было много. И в первую очередь надо назвать еще одного уроженца Рестикента – Якова Ивановича Осипова. Он также окончил Институт народов Севера, потом учился на годичных юридических курсах и работал народным судьей в Полярном районе.

Как велось следствие?

Теперь, когда мы рассказали о «главных участниках заговора», давайте посмотрим, как шло само следствие.

Дело о саамской повстанческой организации вел не один человек, а целая группа экавэдэшников. Вот как, в частности, это отражено в деле В. Алымова.

Первый допрос, сразу после ареста, проводил следователь Шабаловский, второй – младший лейтенант госбезопасности А.Я. Тощенко, третий допрос (21 марта) – сержант П.В. Терехов. Очные ставки проводил еще один сотрудник – некий Колюк. А всего к ведению дела было привлечено 7 следователей.

Характерно, что все они любили и «умели» зацепиться за такие факты биографии подсудимых, как социальное происхождение, национальность, образование, служба в старой армии, принадлежность к другим партиям, наличие родственников за границей, судимость. У каждого человека, попавшего в лапы НКВД, почти всегда находился какой-то изъян, который тут же обращали против арестованного: у В. Алымова – принадлежность к меньшевикам, у А. Салазкина – служба в белой армии, у И. Артиева – факт раскулачивания, у Н. Герасимова – судимость (алименты) и т.д. и т.п.

Все протоколы очных ставок написаны абсолютно одинаково (как под копирку) – складывается впечатление, что их составляли уже после

процедур, задним числом. Эти документы как бы выполнены по нужному образцу: у обвиняемых добывались (или «выбивались») нужные следствию показания.

Одна из первых очных ставок по «саамскому делу» была проведена через неделю после ареста В. Алымова, 5 марта 1938 года. В кабинете следователя встретились тогда Алымов и Андриан Герасимов. Трудно представить, как проходила она на самом деле, но, судя по протоколу, спокойно и мирно. Прежде всего было зарегистрировано, что обвиняемые друг друга знают и между ними никаких личных счетов нет. Ну, а дальше важно лишь следующее: Герасимов якобы сказал, что его завербовал Алымов, и последний подтвердил: «Да». Такими же, судя по документам, были очные ставки Алымова с Никоном и Александром Герасимовыми, с А. Салазкиным и другими.

Все проходящие по «саамскому делу» вначале, при аресте и на самых первых допросах категорически отказывались от предъявленных обвинений. Вот как это отражено в протоколе допроса В. Алымова.

Следователь: «Ваша научная работа есть не что иное, как ширма для прикрытия шпионской и диверсионной работы. Вы хорошо замаскировавшийся враг народа».

Допрашиваемый категорически отрицает: «Никакой работы во вред Советской власти я не вел».

Следователь: «Ваша маскировка напрасна... Мы изобличили вас документами».

Алымов: «У вас нет и не может быть никаких документов».

Следователь был вынужден предъявить какую-то бумагу на шведском языке, якобы принадлежащую представителю шведских коммунистов в Коминтерне Аллану Валлениусу. Но о ней лишь упоминается, самого документа в деле нет, и это, думается, фальсификация.

Но тем не менее уже на следующем допросе Алымов начинает показывать на себя и разоблачать друзей-товарищей. По-видимому, с ним так «поработали», что следствие пошло как по маслу.

И это характерно: по истечении некоторого времени все дружно выявляли вину каждого. Так, Александр Афанасьевич Яковлев показал, что в Воронинском погосте, кроме него, были еще четыре «заговорщика». Взятый, якобы, с поличным Я. Осипов назвал имена десяти сообщников и т.д.

Мы не знаем достоверно, били ли всех, но точно знаем, что с целью получения необходимых для следствия сведений был жестоко избит в мурманской тюрьме привлеченный по другому делу В.В. Филиппов.

Еще об одной особенности следствия. Интересно, что именно к делу В. Алымова в качестве доказательств были приложены две фотографии: на одной – ряд винтовок, стоящих у стенки, на другой сваленное кучей разное оружие от английских винтовок до русской малокалиберки и пачек патронов. В обвинительном заключении речь шла о 25 винтовках, 10 ружьях и

5 255 патронов, якобы обнаруженных у заговорщиков. Там же говорилось о наличии в тундре уже не шести, а десяти повстанческих групп, в которых насчитывалось 70 человек (кроме того, в соседнем Саамском районе тоже было организовано похожее дело – по нему привлекали 16 человек).

Примечательно, что по ходу следствия все члены «саамского заговора» усугубляли свою вину: если в записи первого допроса В. Алымова говорилось о создании контрреволюционной организации в 1935 году, то вскоре (на третьем допросе) появилось новое утверждение: «Начал борьбу не в 1935 году, а в 1927-м». И дополнительные уточнения тоже были существенными: группа в Ловозере, во главе с Никоном Герасимовым, образовалась в 1929 году, а группа в Иоканге – в 1931 году...

И все же было очевидно и по тем временам, что так называемое «саамское дело» было шито белыми нитками. Уже в 1940 году оно было подвергнуто сомнению, а затем определено фальсификацией. В одном из предвоенных документов прямо говорилось: «Саамская повстанческая организация высосана из пальца».

Ясно и другое: некоторые сотрудники Мурманского отдела НКВД хотели на этом деле сделать себе карьеру; значительная часть вины в содеянном преступлении ложится на начальника Ловозерского РО НКВД И.М. Михайлова, который за короткий период (несколько месяцев 1938 года) арестовал только в Ловозере более 100 человек (а все население составляло, как мы уже говорили, около двух тысяч). Ему активно помогали мурманские сотрудники НКВД и следователи – А.Я. Тощенко, П.В. Терехов, П.В. Гришунов и др. Это по их приказам и указаниям арестовывались и допрашивались с применением пыток люди. И не потому, что виноваты, а согласно агентурным разработкам и последующим «зацепкам», по национальному и классовому признакам. Это они прибегали к физическим и психологическим методам воздействия на арестованных, убивали невиновных, подделывали («корректировали») документы.

О чем свидетельствует дело «саамской контрреволюционной организации»?

Во-первых, оно было полностью надуманным и сфальсифицированным. Об этом говорили сами сотрудники НКВД еще в 1940–1941 годы – это чистая «липа».

Во-вторых, оно велось с нарушением всех процессуальных норм и юридических правил, по заранее намеченной схеме, в которую по ходу дела лишь вносились поправки. Допросы велись некомпетентными следователями, недозволенными методами и с применением, повторимся, физических и психологических мер воздействия.

В-третьих, это дело нужно было сотрудникам НКВД «для поддержания собственного авторитета» и запугивания населения, чтобы оправдать свою деятельность, зарекомендовать себя в глазах высокого начальства. И этой цели, к сожалению, они достигли.

РЕПРЕССИИ СРЕДИ ВОЕННЫХ МОРЯКОВ

Изучая историю Мурмана 30-х годов, знакомясь с архивными материалами, особенно стенографическими отчетами партийных конференций, пленумов, с документами Полярного района, где находились основные базы Северного флота, видишь, как тесно переплетались интересы гражданской части населения Мурмана (особенно побережья) и военных моряков. Эти контакты шли по многим направлениям: по линии строительства военно-морских баз, ремонта военных кораблей на мурманских судоремонтных заводах, снабжения стройматериалами, лесом, рыбой, по линии шефства органов Советской власти и совместной партийно-политической работы. Руководители флотилии, а затем флота были членами окружного, Мурманского городского и Полярного районного комитетов ВКП(б), входили в состав исполкомов Советов депутатов трудящихся. Имена З. Закупнева, К. Душенова, П. Байрачного, П. Клиппа часто встречаются в прессе 30-х годов. Сотни и тысячи военных моряков были активными участниками социалистических преобразований на Мурмане.

А когда Сталин начал истребление кадров, эта чистка охватила не только мурманские гражданские организации, но и Северный флот. В литературе по истории Северного флота этот вопрос по известным причинам не освещался.

...Середина тридцатых годов. Крупных сухопутных воинских соединений на Кольском полуострове еще не было. Они появятся накануне войны с Финляндией. Северная военно-морская флотилия наконец-то к ноябрю 1935 года перебазировалась из Мурманска в Полярное. Начавшиеся после гибели С.М. Кирова преследования зиновьевцев, троцкистов, других «врагов народа» стали принимать все более широкие масштабы. Военные моряки видели, как арестовывали их знакомых из числа капитанов, штурманов, механиков тралового и торгового флотов, как исчезали мастера и начальники цехов на судоремонтных заводах, как репрессировали финнов и норвежцев на побережье. И это не могло не отражаться на их настроении и поведении. У одних командиров исчезала прежняя инициатива, активность и предприимчивость, у других – появлялась неуверенность в своих поступках и приказах, у третьих – становилось все тревожнее на душе, усиливались робость, страх за себя и близких, быстро распространялась подозрительность к сослуживцам. Аресты среди командного и рядового состава еще больше осложнили обстановку. При этом сигналы на «виноватых» обычно поступали по примитивной схеме: служил с тем-то, а он враг народа, значит...

У нас нет, к сожалению, данных социальной статистики по Северному флоту тех лет, но мы приведем некоторые данные по всей Красной Армии, появившиеся в печати в годы перестройки. Число самоубийств и попыток самоубийства во втором квартале 1937 года увеличилось в Ленинградском военном округе, по сравнению с первым кварталом того же года

на 27 процентов, а на Тихоокеанском флоте – даже на 200 процентов.

Только с мая 1937-го по сентябрь 1938 года в Рабоче-Крестьянской Красной Армии было репрессировано 36 761 человек. Начальник политического управления РККА армейский комиссар I ранга П. Смирнов (он сменил Я. Гамарника) в августе 1937 года вынужден был признать, что на общем фоне положительных настроений «есть очень много отрицательных... Элементы растерянности охватили некоторую часть руководителей, которые потеряли волю и выпустили вожжи из рук. Есть некоторый упадок дисциплины, много происшествий, аварий, самоубийств, поджогов, увечья людей... Число дисциплинарных проступков очень велико. С 1 января 1937 года по 1 мая 1937 года мы имеем здесь астрономическую цифру – 400 тысяч».

Что же касалось Северной флотилии, то на этот счет у нас есть высказывание начальника политотдела П.П. Байрачного на общесфлотском партийном собрании в 1936 году: «Имеются нарушения дисциплины среди партийных командиров, старшин и краснофлотцев. В 1935 году они составили 50 процентов от общего числа нарушений воинской дисциплины. Надо нам, партийным, подавать пример, а получается наоборот. У нас сейчас большой некомплект политработников. Этот вопрос надо решать живой работой с партийными сверхсрочниками...».

Да, нелегко было на Севере, где преследования троцкистов и зиновьевцев начались еще в 1935 году. Одним из первых пострадал командующий Северной военной флотилией Захар Александрович Закупнев. Вторым человеком на Северной флотилии в пору ее становления был начальник политотдела, а потом член военного совета П.П. Байрачный. С его биографией читатель может познакомиться по статье А. Кривенко «Член военного совета флота» в «Полярной правде» (9 октября 1988 года).

По поводу некоторых деталей ареста П.П. Байрачного у нас есть свидетельства его сослуживца и заместителя П.М. Клиппа: «Май 1938 года. На восемнадцатое назначено празднование пятилетия Северного флота – первого пятилетия самого молодого флота СССР. К этому празднику мы усиленно готовились. Ожидали гостей из Москвы, Ленинграда, с других флотов. Условились, что на торжественном собрании доклад сделает член военного совета П.П. Байрачный.

И вот 16 мая звонок из Москвы. Начальник политуправления наркомата Военно-морского флота Шапошников предупреждает о сугубой секретности разговора и сообщает, что Байрачный отзывается с флота и должен немедленно выехать в Москву. Обязанности члена военного совета возлагаются на меня. Об этом через несколько часов за подписью наркома будет послана телеграмма, а пока никому ничего не говорить...».

«Мне было совершенно ясно, – продолжал Клипп, – что отзыв Байрачного не предвещает ничего хорошего ни ему, ни всем нам. Но поскольку я очень хорошо знал Петра Порфирьевича, то не мог поверить, что причиной такого поспешного вызова в Москву может явиться недоверие...

Несколько раз звонил Байрачный. Он дома, готовится к докладу. Спрашивает, как идет подготовка, кто приехал из гостей, нет ли сообщений, кто приедет из наркомата Военно-морского флота. Просит зайти, когда я освобожусь, хочет посоветоваться по докладу. Говорю с ним, а самого гложет мысль, что я обманываю лучшего друга».

На другой день еще до прихода телеграммы из Москвы Душенов и Клипп доверительно сообщили Байрачному о тревожном звонке из наркомата и посоветовали ошеломленному этой вестью человеку собираться в дорогу. Через несколько часов Петр Порфирьевич срочно выехал в Москву. Как писал П.М. Клипп, «последней весточкой от него была телеграмма о том, что он благополучно прибыл, но к начальству еще не попал».

В дополнение к этим сведениям мы хотели бы добавить кое-какие детали из документов мурманских архивов. Во-первых, в партархиве Мурманского обкома КПСС имеется личное дело члена окружкома и его бюро, коммуниста с ноября 1919 года П.П. Байрачного. В нем есть такие неизвестные по другим источникам сведения: в шахте был не только коногонном, но и откатчиком, с весны 1918 года – в Красной гвардии, в 1922–1926 годах был слушателем Военно-политической академии, в 1934–1938 годах – член Мурманского окружкома ВКП(б), имел награды: именной маузер (1928 год), Почетная грамота ЦИК СССР (1934 год), орден Красной Звезды № 412 (1934 год).

В стенографических отчетах партийных конференций, пленумов Мурманского ОК ВКБ(б) и окружных съездов Советов есть немало текстов блестящих выступлений Петра Порфирьевича, его характеристик (например, вожака молодежи Полярного района Э. Лахденперя).

За четыре года работы в Заполярье (а это по тем временам было очень много) П.П. Байрачный стал для всех северян «своим человеком», пользовался огромным уважением мурманчан, и его исчезновение не могло остаться незамеченным, тем паче, что оно совпало по времени с арестом командующего Северным флотом флагмана I ранга Константина Ивановича Душенова.

Предоставим вновь слово капитану I ранга в отставке П.М. Клиппу: «21 мая (речь идет все о том же злополучном 1938 году – А.К.). Второй день Мурманской городской партконференции. Вечернее заседание. Я председательствую. Предоставил слово К.И. Душенову.

Тепло встреченный, Константин Иванович произносит интересную речь. Все внимательно слушают. Вдруг ко мне подходит директор Дома культуры и потихоньку говорит: “Вас или товарища Душенова вызывает к телефону Москва”.

Нарком П.А. Смирнов предлагает мне и Душенову немедленно выехать в Ленинград для решения срочных вопросов.

Смотрю на часы. До отхода “Полярной стрелы” остается около двух часов. Успеть выехать мы можем, но ведь у нас на 25-е назначена флотская

партконференция, а откладывать ее нельзя, ведь 27 или 28-го открывается Ленинградская областная партконференция, до начала которой мы должны закончить свою. Смирнов не слушает, говорит, что в Ленинграде нас не задержат, что мы в тот же день, выедем обратно и к утру 25-го будем дома...

Я приказал адъютанту командующего приготовить проездные документы, билеты. Когда вернулся в зал партконференции, Константин Иванович все еще продолжал говорить. Сказав секретарю окружкома и горкома о нашем вызове в Ленинград, я написал и положил перед Душеновым записку: «Нам надо сейчас же выехать в Ленинград. Звонил нарком!». Константин Иванович быстро закончил речь, и мы вышли из зала... Не успели войти в вагон, как поезд тронулся и повез нас навстречу нашей судьбе».

Мы не будем рассказывать в подробностях, как арестовали К.И. Душенова (а ведь у него, как у депутата Верховного Совета СССР, было право неприкосновенности!), не будем напоминать еще раз жизненный путь Константина Ивановича, об этом написано немало.

К сожалению, почти никто из биографов К.И. Душенова, как местных, так и из центра, не использовал до сих пор статьи и опубликованные на Мурмане выступления командующего Северным флотом. А их немало (см. «Полярную правду» за 11 июня и 10 декабря 1937 года, а также 23 февраля 1938 года), и, самое главное, они ярче, чем что-либо другое, характеризуют их автора. Да и статьи мурманских газет о К.И. Душенове той поры (9 и 12 декабря 1937 года) – тоже ценный источник.

И, наконец, совсем новые сведения о последних месяцах работы К.И. Душенова в Заполярье. Хочется прежде всего подчеркнуть, что у Душенова было много знакомых и друзей в Мурманске и области. Особенно среди судоремонтников, ибо флот еще не имел своей ремонтной базы и использовал гражданские мощности. На одном из пленумов окружкома партии Константин Иванович тепло отозвался о производителе работ судоремонтного завода треста «Мурманрыба»: «Левкина я считаю замечательным человеком». И вспомнил, как совсем недавно они ходили с Григорием Филипповичем по участкам, распределяя военные заказы и устанавливая кратчайшие сроки.

На этом же пленуме Мурманского обкома ВКП(б) К.И. Душенов вспомнил, что, отправляя его на Север, К.Е. Ворошилов говорил: «Все знаю, я тебе помогать буду, но основное – будь сам не дурак» (но не мог сказать тогда командующий партийному активу, что обещания наркома так и остались обещаниями).

На VI Мурманской окружной партийной конференции в мае 1937 года К.И. Душенову, как, впрочем, и другим руководителям, избираемым в состав нового окружкома ВКП(б), устроили настоящий допрос: где родился, где работают братья и сестры, есть ли среди них судимые, были ли отклонения в проведении генеральной линии партии. Особо провокационными показались Константину Ивановичу два вопроса – о жене, немке по

национальности, и о пребывании за границей. Душенов, стараясь быть спокойным, разъяснил, что за жену он спокоен, она наш, советский человек. Отвечая на второй вопрос, Душенов говорил, что ему в свое время пришлось бывать в Германии и Италии. (Вот это и дало впоследствии повод НКВД обвинить Душенова в связях с фашистской разведкой.)

К.И. Душенов, как никто другой, хорошо чувствовал приближение войны. Он еще в 1937 году предупреждал мурманских рыбаков: «Вы будете и ловить, вы будете и стрелять». И добавлял: «Придет время, и Мурманск с Архангельском будут спасать положение».

Можно было бы и закончить на этом наш рассказ об одном из репрессированных флагманов I ранга, если бы не запутанный и не очень ясный вопрос о времени гибели К.И. Душенова.

П.М. Клипп назвал дату расстрела – 4 февраля 1940 года. В статье «Самородок», опубликованной как-то в «Известиях», утверждалось, что Душенов погиб в одном из колымских приисковых лагерей в декабре 1940 года. В «Военном словаре» и в других энциклопедических изданиях называются иные даты. Тут, по-видимому, нужна дополнительная поисковая работа.

Единственное известное нам свидетельство о последних днях жизни К.И. Душенова принадлежит опять-таки П.М. Клиппу: «Прошло много месяцев. И вот однажды в тюрьме (в Ленинграде – А.К.) на переключке я встретил К.И. Душенова и начальника штаба флота П.С. Смирнова. Нас отправляли в Москву. Мы полагали – не иначе как для пересмотра “дела” и, следовательно, для освобождения.

В Москве через четыре месяца мне довелось в последний раз увидеть Константина Ивановича, по его виду я понял, что надежд на скорое освобождение он уже не питает.

Теперь из документов известно, что на суде К.И. Душенов с громадной силой убеждения отверг клевету, возводимую на него и его товарищей».

Как видим, в 1937–1938 годах было репрессировано все высшее командование Северного флота: его командующий – флагман I ранга К.И. Душенов, начальник штаба – И.С. Смирнов, два члена военного совета – П.П. Байрачный и П.М. Клипп, ряд старших офицеров флота, в том числе капитан I ранга К.Н. Грибоедов.

Почетный гражданин Мурманска С.И. Кулешов в 1988 году вспоминал: «Со мной в камере сидел Константин Николаевич Грибоедов, капитан I ранга, командир бригады подводных лодок. Образованнейший, эрудированнейший человек. Умница. Говорили, что он даже родственник по какой-то дальней ветви великого писателя. Когда приходил с допроса, мы его спрашивали: «Ну как?» «Да так, – отвечал, – кельке шоз». По-французски «кое-что». Он много языков знал. Был душой нашего тюремного коллектива, его совестью, вожаком... Расстреляли его. Он не раз говорил мне: «Ты, Семен, не волнуйся. Это ко мне еще можно придраться, я все-

таки дворянских кровей, а ты крестьянского, комсомольского происхождения». Он мне и посоветовал подписать протокол – «сознаться».

О К.Н. Грибоедове есть упоминания во многих книгах по истории Северного флота, но почти ничего нет о его трагическом конце. Ничего нет о Грибоедове, кроме двух упоминаний в статье о его подчиненном, репрессированном командире подлодки «Д-2» («Народоволец») Льве Михайловиче Рейснере. В этой статье А.В. Кривенко («Командир «Народовольца», опубликована 15 января 1989 года в газете «На страже Заполярья») рассматривает биографию брата Ларисы Рейснер, уделив значительную часть материала его службе на Северном флоте.

...Да, тяжелое это было время и для страны, и для Красной Армии. Вот появились новые данные о репрессиях в канун войны: за один 1940 год было осуждено 38 тысяч человек, в 4 раза больше, чем в 1939 году. Правда, многих стали выпускать из лагерей и тюрем – в 1940–1941 годы была реабилитирована четвертая часть репрессированных командиров и политработников, – но тем не менее НКВД при Берии не стало милосерднее, чем при Ежове.

Ситуация же в военных гарнизонах Северного флота была накалена еще по двум причинам. Во-первых, они, как правило, были небольшими, и любой арест сразу становился известен всем, будоражил людей; а во-вторых, ведь арестовывали не только военных моряков, но и тех, кто находился на берегу, прямого отношения к военным не имел. Жительница Полярного Марчук вспоминала: «Когда я училась в школе, мы не понимали тогда: думали, так и нужно.

И перед войной, вы знаете, поголовно репрессии были. Вот мой отец: за неделю до войны – пришли, взяли ночью. Из особого отдела – так они представились.

У нас в школе был учитель математики Иван Егорович Ярыгин. Уже пожилой, ему далеко за пятьдесят было. У него была прекрасная семья, мальчишки, два сына были примерными учениками. И вдруг он исчез. Прошел слух по школе – забрали. Потом директор школы Сенников, тоже исчез. Тоже, как говорили, арестовали. За что – мы тогда не знали. Только когда Душенова и весь политотдел Северного флота арестовали, мы тогда узнали, что творится что-то ненормальное.

Была у нас преподаватель немецкого языка. Клавдия Ивановна. Поговаривали, что она была немка. Вела она отлично уроки. Ей было более 60 лет. Ее тоже забрали. Ну и, что поразительно, забрали Душенову Адель Карловну, она работала рядовым библиотекарем у нас в школе. Обаятельная, прекрасная женщина. Только в 1953 году она вышла из заключения.

Вы хотите знать: за что мой отец погиб? В обеденный перерыв, как мне потом один рабочий сказал, отец высказал такую «контрреволюционную мысль: Сталин ходит в сапогах, политику жесткую ведет, а Ленин ходил в ботинках». За эти слова он и погиб».

ВОЛНА РЕПРЕССИЙ СРЕДИ РЫБАКОВ И СУДОРЕМОНТНИКОВ

Бытовавшее до недавнего времени мнение, что репрессии среди рыбаков Мурмана начались после убийства С.М. Кирова, оказалось несостоятельным. Сравнительно недавно в архиве обнаружено дело «О вредительской организации в “Севгосрыбтресте”». «Раскрыли» эту организацию осенью 1930 года сотрудники Мурманского отдела ОГПУ во главе с Космачевым.

В более широких масштабах репрессии стали применяться в середине тридцатых годов, когда каждая авария траулера или производственный сбой на береговом предприятии стали квалифицироваться, как вылазка классового врага. Так, например, после аварии на РТ-62 «Ворошилов» виновными были признаны вахтенный штурман Филиппов и механик Буянов, их тут же арестовали и стали искать не технические причины, а политическую подоплеку событий и поведения «классовых врагов».

Но все же это были лишь цветочки, ягодки были впереди – в тридцать седьмом году. Листаем подшивку «Полярной правды» за тот год и видим, как с каждым месяцем все сильнее нагнетались тревога, страх и напряженность.

15 февраля опубликована статья «Позорное пятно тралового флота». В ней говорилось: «Руководители флота и треста стали на порочный, осужденный партией и правительством путь, и вместо того, чтобы раскрывать настоящие причины неполадок и аварий, ограничиваются пассивной регистрацией фактов, подыскиванием оправданий для неполадок. Пора, давно пора прекратить либеральную болтовню и начать на деле, беспощадно, по-большевистски бороться с авариями, организовывать показательные процессы».

4 апреля появилась статья «Суд над аварийщиками», где автор обрушивался со всей «пролетарской непримиримостью» на капитана РТ-55 «Кета» С.М. Дымского и штурмана Ивицкого.

15 июня в «Полярной правде» были напечатаны сразу две разоблачительные статьи. Первая называлась «Серьезные сигналы» – о двух проштрафившихся специалистах то ли немецкой, то ли еврейской национальности: главном капитане тралфлота Микельштейне и старшем механике РТ-18 «Профинтерн» Зихмане. Вторая – «Преступное отношение к траулеру»; в ней обличался старший механик траулера Левицкий.

25 июля 1937 года был исключен из членов ВКП(б) старший штурман РТ-58 Георгий Антонович Быков, 1896 года рождения. Он был арестован по пресловутой статье 58 (пункты 9, 10 и 11). Повод был для тех дней тривиальный: на него показал один из ранее арестованных рыбаков: «Быков неоднократно в беседе со мной высказывал недовольство политикой партии и правительства, заявляя, что в СССР социализма нет, в Советском

Союзе есть эксплуатация и что он согласен с Троцким, который был против колхозов».

Новая волна репрессий в траловом флоте началась осенью 1937 года. 26 сентября того года в окружной газете появилась статья с мрачным названием «Очистить флот от вражеских последышей». Что же это за последыши? Кто же там упоминался? Да практически все руководство траловым флотом: начальник управления тралфлота Иван Борисович Богачев (1890 года рождения, был арестован вместе с женой), главный инженер Малышев, начальник производственного отдела Кузнецов, начальник отдела кадров Мальман, начальник административно-хозяйственной части Козлов, юрист управления Ануфриевский и другие. Мы не знаем, все ли они были репрессированы, точнее арестованы, но что натерпелись они все страху, вне сомнения. Чтобы не создалось у читателей впечатление, что репрессировали в основном начальство, мы приведем дополнительные данные из архивных источников: в июле 1937 года был арестован и исключен из партии кочегар траулера Емельян Данилович Педь, в августе – электросварщик Г.А. Садовский, чуть позже – инспектор отдела кадров тралфлота К.П. Вакс.

Бытующее у некоторых историков понятие, что «машина репрессий к концу 1937 года резко сбросила обороты», не подтверждается нашими данными по рыбакам.

8 мая 1938 года в окружной газете – большая корреспонденция «Ликвидация последствий вредительства в центре внимания коммунистов», в который опять-таки в негативном свете упомянуты капитаны траулеров Абрамов, Баснев, Голиков, Егоров, Романов (РТ-51 «Лещ»), Г.С. Форошук (РТ-42 «Аскольд»). Еще три капитана (В.Ф. Ерошков, Калачев и Попов) упоминались в приказе Наркомпищепрома № 1171. Продолжались и аресты: так, 4 июня 1938 года забрали прямо с мостика корабля капитана РТ-8 «Сельдь» Я.Д. Панфилова.

О том, что слежка и репрессии в траловом флоте продолжались, говорит обнаруженный нами в архиве документ, составленный 10 октября 1938 года и подписанный инструктором политчасти «Мурманрыбы» Г.Б. Вайнером. Этот инструктор курировал тогда 16 траулеров и составил список на 50 человек – подозрительных и неблагонадежных. Мы взяли из этого «черного списка» только первые четыре корабля: РТ-1 «Акула» – четыре фамилии (К.П. Чухчин – капитан, бывший судовладелец, служил у белых; А.М. Хохлин – третий штурман, служил у интервентов; И.А. Антуфьев – тралмейстер, тоже служил у интервентов; П.А. Вайгин – рыбмастер, тоже якобы был связан с английскими интервентами); РТ-2 «Ерш» – трое подозрительных (Л.В. Морозов – второй штурман, служил у белых; С.М. Коновалов – старший механик, сын торговца; Е.А. Бурков – третий механик, отец осужден по ст. 58, п. 10); РТ-3 «Красноармеец» – один неблагонадежный, старший штурман Б.В. Лотов (был судим); РТ-4 «Навага» – в списке три фамилии (П.П. Катц – капитан, эстонец, офицер царского

флота, служил у белых; В.К. Мелентьев – третий штурман, сын священника; А.Е. Сергеев – тралмейстер, судим).

К сожалению, этот список слишком велик, чтобы его приводить полностью. (В другом аналогичном списке по другой группе траулеров (№ 66–84) было 37 фамилий «потенциальных врагов народа».)

...А теперь давайте посмотрим, как репрессии 30-х годов коснулись других участков рыбного хозяйства Мурманского округа: во-первых, в рыбном порту (в одном политдонесении 1937 года прямо утверждалось, что «все вредительские элементы сосредоточены в траловом флоте и рыбном порту»); во-вторых, в судоремонте; в-третьих, в сфере подготовки кадров (техникум) и рыбохозяйственной науки (ПИПРО).

В отношении репрессий в рыбном порту, кроме вышеупомянутой оценки по поводу вредительских элементов, общих и сводных официальных данных у нас пока нет, ибо их не существует в литературе по истории рыбного порта и пока не обнаружено в архивах. Но зато у нас есть ряд свидетельств очевидцев, которые мы и используем.

Как-то однажды после радиобеседы «Белые пятна истории Мурмана» мне позвонил ветеран войны и труда Попов. Назвавшись сыном репрессированного, он предложил встретиться, чтобы рассказать об отце. Такая беседа состоялась, и вот его рассказ: «Мой отец, Владимир Александрович Попов, работал в довоенное время старшим диспетчером в Мурманском рыбном порту. К моменту ареста ему было уже порядочно лет – он родился в 1885 году в Сольвычегодском уезде Архангельской губернии. Он получил неплохое по тем временам образование, знал английский язык, когда-то служил в русско-японском акционерном обществе, был в Стране восходящего солнца, что его, видно, впоследствии, после ареста, и сгубило.

Арестовали его, как сейчас помню, 28 мая 1938 года. Жили мы тогда в самом конце улицы Либкнехта, это там, где сейчас кольцо троллейбусов маршрутов 1 и 6. В нашем доме милиция перевернула все вверх дном – искали шпионские донесения. Ничего, конечно, криминального не нашли, но забрали именной бинокль отца, ружье и все-все документы».

Другой факт о репрессиях в рыбном порту несколько иного рода, хотя идет тоже, так сказать, по родственной линии, на этот раз от дочери. Вот как это было.

На мое имя пришло письмо секретаря Мурманского горисполкома Е.Ф. Климентюка: «Мне сказали, что вы готовите статью. Возможно ли включить в нее ряд фамилий незаконно пострадавших, в т.ч. Ф.Д. Ушакова. Это просьба его дочери (79 лет), которая была у меня на приеме 13.04.89».

Эта резолюция начертана прямо на справке Мурманского областного суда, выданной 23 августа 1961 года. Вот дословное содержание этого документа: «Дело по обвинению Ушакова Федора Дмитриевича, 1874 года рождения, уроженца с. Неменьга Онежского р-на Архангельской области, до ареста работавшего в Мурманском рыбном порту матросом плавпри-

стани «Пинагор», пересмотрено президиумом Мурманского областного суда 18 августа 1961 года.

Решение особого совещания при НКВД СССР от 13 августа 1940 года в отношении Ушакова Федора Дмитриевича отменено и делопроизводство прекращено за недоказанностью предъявленного ему обвинения, что и удостоверяется.

Настоящая справка выдана гр-ке Ушаковой Елизавете Федоровне – дочери реабилитированного Ушакова Ф.Д. по ее просьбе.

И.о. председателя Мурманского областного суда Ворошилова».

Пусть нынешнее обнародование этой справки и будет ответом на просьбу Елизаветы Федоровны: дети справедливо хотят, чтобы все знали, что их родители не были «врагами народа».

Вот, пожалуй, и все, что мы имеем пока по рыбному порту. Но даже вот эти два свидетельства, одно устное, другое письменное, позволяют сделать кое-какие определенные выводы. Как видим, среди арестованных были люди разных возрастов, в т.ч. и немолодые (уже за пятьдесят) и разных служебных категорий (не только начальство, но и просто матросы). Да и время репрессий не ограничено тридцать седьмым годом: арестовывали и раньше, и позже (вплоть до войны, да и в войну)...

Теперь о репрессиях на судоремонтных предприятиях треста «Мурманрыба». Они шли все тридцатые годы и чаще всего связывались с вредительством. Дело было в том, что судоремонтники только-только выходили из периода кустарничества, и у них многое не получалось. Вот это-то брак от неумения или технической невозможности сделать лучше и стали квалифицировать преднамеренным вредительством. Мы уже говорили о двух всплесках борьбы с вредительством – в первой пятилетке и сразу после убийства С.М. Кирова. А теперь поговорим о репрессиях среди судоремонтников в 37-м году.

Тот год начался массовыми арестами среди инженерно-технического руководства Мурманского судоремонтного завода. «Врагом народа» был объявлен директор СРЗ Михаил Григорьевич Богачев. Одновременно был арестован главный инженер СРЗ А.Ф. Сыроежин.

26 апреля 1937 года в Мурманске был арестован за «контрреволюционную деятельность» еще один крупный специалист по судоремонту Григорий Иванович Гольц-Голопузиков. Ему было вменено в вину, что он, во-первых, был связан с троцкистами и, во-вторых, хранил у себя дома и распространял какую-то крамольную песню про челюскинцев (по-видимому, нечто вроде: «Капитан Воронин судно проворонил»).

25 июля 1937 года бюро Мурманского окружкома партии исключило из партии как врага народа начальника механического цеха СРЗ М.А. Молчанова. В справке-объективке НКВД на этого уважаемого рабочими и инженерами руководителя говорилось: «Михаил Арсентьевич Молчанов, 1911 года рождения, русский, образование высшее, член ВКП(б) с 1931 го-

да, близко связан с осужденными в феврале 1937 года членами контрреволюционной троцкистской вредительской, организованной Богачевым и Сыроежиным, группы. Имел связь с капитаном тралфлота Битенekom, который является вражеским разведчиком и дважды переходил государственную границу».

Далее в справке говорилось о контактах М.А. Молчанова с членами якобы ликвидированной в Мурманске в 1936 году группы латвийских разведчиков (эта связь будто бы поддерживалась через некоего Карийского). Молчанову приписывалась связь с еще одной «шпионкой» – Аристовой, которая тоже была арестована. Ну и, по-видимому, чтобы дело выглядело поконкретнее и посолиднее, в вину Молчанову было вынесено и то, что в его механическом цехе выпускалось много бракованной продукции.

...А репрессии продолжались. Ровно через месяц после обсуждения персонального дела М.А. Молчанова, 25 августа 1937 года бюро окружкома партии исключило из членов ВКП(б) нового директора судовой верфи Ивана Лаврентьевича Зинского (ему особое совещание НКВД отвалило 10 лет тюремного заключения без права переписки).

Разгром кадров в тресте «Мурманрыба» не мог обойти учебные и научные учреждения Мурманска. Особенно внимательно следили органы госбезопасности за настроениями молодежи в морском техникуме. Сексоты в марте 1937 года докладывали, что студент А.Г. Мясников написал какое-то письмо, где говорилось о его якобы преклонении перед Гитлером. Попутно сообщались еще четыре фамилии неблагонадежных, работавших в техникуме: Ставровский (судился за контрреволюционную деятельность), Сивухин (из бывших кулаков), Котельников (в прошлом служил в царской армии, имел звание полковника) и Ставинский (в свое время привлекавшийся к суду якобы за шпионаж).

В июне 1937 года был исключен из партии и арестован военрук техникума Федор Михайлович Малинов, член ВКП(б) с 1919 года, отдавший службе в РККА двенадцать лет своей жизни (с 1918 по 1929 год). Изгоняли его «за антисоветскую контрреволюционную работу среди студентов мортехникума...».

Одновременно громили научный коллектив Полярного института, размещавшийся в одном здании с техникумом. 24 августа 1937 года «Полярная правда» сообщала, что «в ПИПРО долгое время орудовала контрреволюционная вредительская группа во главе с фашистским шпионом Хлыновским и его подручным Осадчим». В эту «банду» входили помощник директора по хозяйственной части Киселев, заместитель директора Заостровский, уже осужденные Сахно и Шмидт, а также коммунисты Астафьев и Алиев. Преследование ученых-океанографов шло на протяжении ряда лет, ПИПРО перестал влиять на развитие рыбного хозяйства, что наряду с другими факторами сказалось на результатах промысла. Рыбаки Мурманска не справлялись с планом добычи рыбы ни в 1938-м, ни в 1939 году.

ДЕПОРТАЦИЯ НА МУРМАНЕ

Среди множества иностранных слов, широко используемых ныне в повседневном обиходе, в журналистике и политике появилось «депортация». Оно означает: «Изгнание, высылка населения как мера уголовного или административного наказания». «Российская газета» в свое время сообщала, что по данным НКВД общее количество депортированных в СССР составляло почти 3,5 миллиона человек.

Но депортация – это не продукт и не изобретение войны, ее широко стал применять наркомат внутренних дел СССР еще в тридцатые годы. В пору коллективизации сельского хозяйства было депортировано под видом классовых врагов более трех миллионов крестьян. Часть раскулаченных размещали на Кольском полуострове. Об этом мы уже рассказывали.

Но были у нас, в Заполярье, депортации другого рода, о которых знают немногие. Давайте же приоткроем еще одну страницу нашей истории...

Первая волна «мурманской депортации» была связана с приездом на Кольский полуостров И.В. Сталина в июле 1933 года. Когда встал вопрос о создании на берегах Баренцева моря военно-морских баз Северной флотилии, то местные власти в лице первого секретаря окружкома ВКП(б) А.И. Абрамова-Бобрицкого рискнули заикнуться: «А как быть с местным населением?».

Нарком обороны К.Е. Ворошилов (он приехал вместе со Сталиным и Кировым) тут же подсказал ответ: «Это не проблема: выселим, переселим – все, что нужно, сделаем». С.М. Киров тогда промолчал.

Но машина по изгнанию и высылке «нежелательных элементов» из зоны дислокации военных гарнизонов уже начала работу. Из Полярного выселялись не только люди, но и все гражданские организации, в том числе райком партии, райисполком, колхоз и биологическая станция. Было предложено ликвидировать рыбопромысловые и животноводческие артели в Ваенге и Грязной Губе («Пуна-Карьякко»). Началась сортировка финнов и норвежцев, проживающих на Кильдине и Торос-Острове: их поделили на «чистых» и «нечистых» (первых пока не трогали, их черед придет чуть позже, а вторым предложили незамедлительно покинуть острова).

Дальше – больше: Северная военно-морская флотилия росла и требовала новых баз (для подводников, авиации, береговой артиллерии) как на Западном Мурмане, так и на Восточном. И депортация охватывала все новые и новые районы Кольского полуострова.

Все мероприятия по высылке местного населения из прибрежной зоны были засекречены. Ни в прессе, ни в государственном архиве депортация не нашла отражения. Но нам все же удалось отыскать косвенные свидетельства. Одно из них – протокол заседания президиума Полярного райисполкома, в повестке дня которого стоял вопрос: «Заявление гражданина

Торос-Островского сельсовета Тамминена Лаури Августовича». В этом заявлении говорилось: «...Торос-Островский поселковый Совет известил меня и мою семью о том, что мы должны выселиться из пределов Торос-Островского поссовета, ввиду того что территория будет занята военным ведомством». Далее Л.А. Тамминен объяснял: «Ввиду того что наше имущество не оценено и никем не оформлено, мы, конечно, до настоящего времени не могли выселиться...». А вот как объяснял на заседании райисполкома ситуацию председатель поселкового (до того сельского) Совета: «Тамминен жил единоличником, нигде не работал в период переселения живущих граждан с Торос-Острова на Абрам-Мыс... Все хозяйственники отказались от переселения его и затрачивания на него каких-либо средств...».

Как, в конце концов, выселили Л.А. Тамминена и его семью, нам долго было неизвестно, но в 1989 году, после опубликования статьи «Финны на Мурмане», в Мурманск пришло письмо от Лилии Лауриевны Тамминен, дочери Л.А. Тамминена. Она живет на Дальнем Востоке, в городе Советская Гавань. Как-то у знакомых увидела «Полярку» со статьей о финнах и написала большое письмо: «Очень интересно было прочитать о том, как мы попали на Мурман, хотя я и предполагала, что дед и бабушка в молодости приехали из Норвегии и построили в Торос-Острове большой двухэтажный дом. В нем мы жили с отцом и матерью, пока не арестовали отца в 1938 году (месяц не знаю, но это было весной или летом, так как не было снега и было тепло). Я запомнила это, как в кинокадре, до мельчайших подробностей, хотя мне было всего пять лет... Помню, что мама пыталась получить деньги за дом и вещи, что мы оставили в Торос-Острове, но ей ничего не заплатили...».

Это судьба только одной депортированной семьи: главу дома арестовали и вскоре расстреляли, хозяйка (Матисен Маргит Эмильевна) умерла с голоду в 1943 году в Архангельской области, а дети остались беспризорными.

Вторая волна депортации на Кольском полуострове коснулась становищ Западного Мурмана. Отсюда в 1936 году была выслана большая группа норвежцев – их переселили подальше от границы. Так, в Ловгубе (это в Кандалакшском заливе, к западу от Умбы) оказался род Фридриксенов из Цып-Наволока. Один из потомков тех норвежцев – Георгий Эмильевич Эрштадт – рассказывал: «Я смутно помню тот год, мне было тогда пять-шесть лет. Но родные (мать, бабушка, дядя) не раз в разговорах касались этой печальной темы. Рассказывали, что подошел пароход, всех выселяемых пригнали на берег: с домашними вещами, скотом и собаками. Погрузили – кого в трюм, кого на палубу – и повезли-поплыли на восток. На второй или третий день остановились неподалеку от пустынного берега: “Выгружайтесь!” Так в Терском районе возник новый колхоз. Его председателем стал мой дед по матери – Людвиг Фридриксен. А было у него то-

гда четыре сына (Гюдмер, Рогнар, Тухген, Халтон) и две дочери (Мильтрид и Анни). Старшая из них, Мильтрид, и была моей матушкой...».

Третья волна депортации на Мурмане относится к периоду советско-финляндской войны 1939–1940 годов. 29 февраля 1940 года, за две недели до окончания этой зимней или, как ее называют, «стопятидневной» войны, бюро Мурманского обкома ВКП(б) приняло постановление «О перевозке и размещении на территории Мурманской области граждан, переселенных с территории Финляндии, занятой частями Красной Армии».

В соответствии с этим решением все население, оставшееся на месте после отступления финнов, вывозилось в глубь территории Кольского полуострова. Часть их (а всего набралось несколько сот человек) размещалась по тракту Пулозеро – Ловозеро, часть – у Умбозера. Вывозили «бывших финляндцев» всеми способами: из Петсамо до Мурманска на пароходах «Герцен» и «Турксиб», из областного центра до Пулозера – поездом (Мурманскому отделению железной дороги было предложено предоставить 45 вагонов-теплушек), а далее – на лошадях и оленях. Судя по этому документу, тогда же были выселены и финские саамы из селений Москва и Пышка. Их было 71 человек, в т.ч. 23 мужчины, 23 женщины и 25 детей. Они следовали в советскую ссылку своим ходом, на оленях.

Одновременно началось переселение на восток рыбаков и оленеводов Рыбачьего и становищ Западного Мурмана. Но депортация не ограничилась районами полуостровов Средний и Рыбачий. Население Малой Западной Лицы (33 семьи, 156 человек) и Малой Лопатки (29 семей, 139 человек) переселялось в Дальние Зеленцы, а оленеводам Большой Западной Лицы (17 семей, 83 души) было предписано своим ходом двигаться в Ловозеро. Ну, а население остальных прибрежных поселков отправляли на пароходах.

26 июня 1940 года было принято еще одно постановление бюро Мурманского обкома ВКП(б). Называлось оно по-казенному, в стиле сталинских установок – «О мероприятиях по переселению из города Мурманска и Мурманской области в Карело-Финскую ССР и Алтайский край».

Обком партии перечислил эти мероприятия, указал сроки их проведения, назначил ответственных. В постановлении были детализированы все мелочи, было указано не только куда и кого депортировать, но и сколько теплушек и на какую станцию подать для их вывоза.

Были составлены подробные списки всех выселяемых по определенной форме: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, место рождения, партийность, место работы, состав семьи, родственные отношения и примечания. Вся эта акция проводилась по команде из Москвы и преследовала цель «очищения приграничной территории от “инонационалов” как питательной среды для шпионажа и иностранной разведки». Это делалось якобы в интересах социалистического государства, находящегося

в капиталистическом окружении в условиях начавшейся Второй мировой войны.

Да, лозунг «Интересы государства превыше всего!» был настолько «убедителен», что о семье, человеке никто и не задумывался. И вот эти люди по спискам (7–8 семей в товарный вагон), в окружении милиции собирались где-то в железнодорожных тупиках, куда подавались составы, быстро «заселяли» вагоны и отправлялись в неведомые дальние края.

Всего намечалось депортировать за 5 дней (с 6 по 10 июля 1940 года) из нашей области 8 525 человек (3 227 семей). Многие колонистские селения совсем обезлюдели: из Ура-Губы вывезли 339 человек, из Дальних Зеленцов – 148, из Цып-Наволока – 110, из Озерков – 81, из Большой Западной Лицы – 55. Кто видел эти процветавшие раньше селения, говорил, что создавалось впечатление, что по побережью прошла чума.

А теперь слово тем, кто пережил все это.

Писатель Свен Петрович Локко: «6 июля нас уже везли в Карелию. Там нас раскидали по деревням и весям. Три семьи оставили в Типиницах. В колхозе на трудодень 40 граммов зерна ржи и все. Конечно же, мы включились сразу же в работу, но что можно было изменить? Весь трудоспособный народ и оттуда был выселен, как кулаки. Полупустая деревня с добротными домами с заколоченными окнами». Интересно, что среди депортированных были не только «граждане инонациональностей», но и русские. Это, во-первых, замужние женщины, когда-то вступившие в брак с финном, норвежцем и т.д. Во-вторых, дети от смешанных браков, записанные как русские. В-третьих, наши соотечественники, родившиеся за границей. Среди депортированных были и комсомольцы: как видно, принадлежность к ВЛКСМ не спасала от изгнания и выселения из родных мест.

В то же время часть людей, первоначально внесенных в списки, не была выселена (например, А.Ф. Нейд в Мончегорске, несколько норвежцев в Мурманске). Так что тут еще надо разбираться – в чем причина.

...По данным переписи 1939 года, на территории Мурманской области проживали следующие национальности, подлежащие депортации. Это финны, норвежцы, шведы, поляки, эстонцы, латыши, немцы, литовцы, корейцы, болгары, турки, китайцы, австрийцы, швейцарцы, чехи, греки, голландцы, американцы, венгры, итальянцы, мадьяры, словаки, галичане, сербы, англичане (всего 25 инонациональностей). Депортация должна была осуществляться на основании приказа НКВД СССР от 23 июня 1940 года № 00761 «О переселении граждан инонациональностей из города Мурманска и Мурманской области в Карело-Финскую ССР и Алтайский край».

В справке об инонационалах, намеченных к переселению в соседнюю Карелию, подробно расписано – откуда и сколько семей будет выселено, каков классовый и возрастной состав депортируемых. Вот этот документ: «Справка об инонационалах, намеченных к выселению из города Мурманска и области в Карело-Финскую ССР».

«Июнь 1940 года.

1. По городу Мурманску – 496 семей, с общим количеством 1 105 чел., в том числе старше 16 лет – 769 чел.

2. По Кировскому району – 1 171 семья, с общим количеством 3 395 чел., в том числе старше 16 лет – 2 390 чел.:

из них: рабочих – 614 чел.,
служащих – 961 чел.,
колхозников – 24 чел.,
в том числе: колхоз ХП Октября – 1 чел.,
колхоз «Рая Каластая» – 1 чел.,
колхоз Ена – 19 чел.,
колхоз им. Кирова – 1 чел.,
колхоз «Заполярье» – 1 чел.,
колхоз «Тайсто» – 1 чел.,
крестьян-единоличников – 1 чел.,
кустарей – 2 чел.

3. По Кандалакшскому району – 222 семьи, с общим количеством 626 чел., в том числе старше 16 лет – 393 чел.:

из них: рабочих – 92 чел.,
служащих – 165 чел.,
колхозников – 6 чел.,
в том числе: колхоз «Северное сияние» – 2 чел.,
колхоз «Север» – 1 чел.,
колхоз «Коммунар» – 3 чел.,
кустарей – 2 чел.

4. По Мончегорскому району – 524 семьи, с общим количеством 1 110 чел., в том числе старше 16 лет – 817 чел.:

из них: рабочих – 102 чел.,
служащих – 86 чел.

5. По Полярному району – 480 семей, с общим количеством 1 672 чел., в том числе старше 16 лет – 944 чел.:

из них: рабочих – 96 чел.,
служащих – 184 чел.,
колхозников – 864 чел.,
в том числе: колхоз «Полярная Звезда» – 55 чел.,
колхоз «Нох'янтяхти» – 102 чел.,
колхоз «Тайсто» – 147 чел.,
колхоз «Тармо» – 339 чел.,
колхоз «Коминтерн» – 110 чел.,
колхоз «Р-Каластая» – 80 чел.,
совхоз Каневский – 1 чел.,

колхоз им. Горького – 7 чел.,
колхоз «Тундра» – 3 чел.,
колхоз им. Ленина – 2 чел.,
колхоз «Вперед» – 19 чел.,
крестьян-единоличников – 58 чел.

7. По Териберскому району – 20 семей, с общим количеством 45 чел.,
в том числе старше 16 лет – 32 чел.:

из них: рабочих – 9 чел.,
служащих – 19 чел.,
колхозников – 1 чел.,
в том числе: колхоз «Смычка» – 1 чел.,
крестьян-единоличников – 1 чел.

8. По Терскому району – 77 семей, с общим количеством 191 чел.,
в том числе старше 16 лет – 120 чел.:

из них: рабочих – 43 чел.,
служащих – 26 чел.,
колхозников – 1 чел.,
в том числе: колхоз «Новая жизнь» – 1 чел.

9. По Ловозерскому району – 10 семей, с общим количеством 14 чел.,
в том числе старше 16 лет – 12 чел.:

из них: рабочих – 4 чел.,
служащих – 8 чел.

10. По Саамскому району – 5 семей, с общим количеством 9 чел.,
в том числе старше 16 лет – 6 чел.:

из них: служащих – 5 чел.

Нач. 3-го отдела УГБ НКВД Мурманской области ст. лейтенант госбезопасности (Беркович)».

В этом же архивном деле дается разбивка депортируемых по национальностям. И вот те 1 105 намеченных к депортации жителей Мурманска выглядят в другом списке так (табл. 1).

Как видим, больше всего тогда пострадала финская диаспора. Из Мурманска было выселено 111 финских семей, из Полярного района – 410 семей, из Мончегорского – 215, из Кольского – 129. Какое это было для бывших колонистов потрясение, рассказали спустя полвека оставшиеся в живых.

Из воспоминаний Акселя Каллинсалми: «Переселение финнов с Западного побережья Мурманска происходило в 1940 году. В то время я был председателем Западно-Лицкого рыболовецкого колхоза “Коминтерн” в Малой Западной Лице. Ловили мы, в основном, треску да семгу в заливах, а зимой тюленя и акул в открытом море».

Жители Мурманской области, намеченные к депортации в 1940 г.

№	Национальность	Всего семей	Всего членов семей, чел.	В т.ч. намеченных к депортации, чел.	В т.ч. представителей данной национальности, чел.
1.	Финны	111	211	149	129
2.	Норвежцы	3	10	4	3
3.	Шведы	1	1	1	1
4.	Эстонцы	83	175	131	99
5.	Латыши	86	209	155	111
6.	Литовцы	15	32	22	17
7.	Поляки	95	209	147	114
8.	Немцы	51	131	85	60
9.	Австрийцы	1	1	1	1
10.	Итальянцы	2	2	2	2
11.	Мађьяры	1	1	1	1
12.	Венгры	1	3	2	1
13.	Словаки	1	1	1	1
14.	Галичане	1	1	1	1
15.	Болгары	2	4	3	2
16.	Чехи	3	10	7	5
17.	Греки	9	13	12	9
18.	Корейцы	7	15	8	4
19.	Китайцы	23	76	37	19
Итого:		496	1 105	769	580

В феврале представители власти и ГПУ приказали колхозникам погрузиться на океанский пароход, который встал на якорь в бухте. Меня в это время в колхозе не было: я был в командировке в Мурманске. Продержав людей двое суток на пароходе, их отпустили и приказали разойтись по домам.

В июле того же года, когда наши рыбаки промышляли треску в районе Иоканги, они были оцеплены кораблями Северного флота и, как преступники, конвоированы в Порт-Владимир. Там мы сдали боты в местную МРС (моторно-рыболовная станция) и отправились домой.

В колхозе нас ждали представители района и ГПУ, а океанский транспорт «Мария Ульянова» стоял на якоре в бухте. В паспортах колхозников поставили штамп: «Переселяется в Карело-Финскую ССР. Разрешается проживание только в Медвежьегорском районе». Членам партии и комсомольцам пока разрешили остаться, но у нас никто не остался. В на-

шем маленьком колхозе к этому времени уже было репрессировано двадцать три человека. Из них только Архипова Аля вернулась, отсидев в лагерях десять лет.

Вещей с собой разрешили взять ограниченное количество. За домашних животных платили по государственной цене. Например, за корову давали двести рублей, а то и меньше.

На «Марию Ульянову» собрали всех колхозников из финских рыбо-ловецких колхозов Западного побережья. Так были вычеркнуты из вековой истории Мурмана финны-колонисты, опытные моряки, рыбаки, промышлявшие на парусниках от Нордкапа до Новой Земли.

По прибытии в Мурманск нас пришвартовали к каботажной пристани. Пристань оцепили переодетыми в штатское сотрудниками ГПУ и милиционерами. Через некоторое время подали товарные вагоны. И в этих вагонах для перевозки скота разместили людей, которые долгое время держали первенство во Всесоюзном соцсоревновании рыбаков-колхозников всей страны! Так, сидя на своих узлах, поехали заслуженные люди в неизвестность, в светлый путь, указанный «великим вождем и учителем». К этому времени все финские названия ботов, колхозов, населенных пунктов были запрещены, переименованы и переименованы по-русски. Более того, после переселения стали твердить, что все это исконно русские земли и никакие финны тут и не жили никогда.

А переселенцев довели до станции Медвежья Гора. Выгрузили у пристани и снова погрузили – на баржи. Баржи отбуксировали в Заонежье, и там нас расселили в пустых или почти пустых деревнях. Окна и двери в домах были заколочены, видать, людей из этих деревень тоже куда-то выселили по очередному указу вождя. Сколько же было жертв в этом круговороте!

По пути с баржи, мы наблюдали, что на берегах стояли лагеря – так что район для новоселов был выбран удачный, под стать всей новой сталинской национальной политике.

Нескольких колхозников еще зимой 1940 года взяли на финскую войну. После окончания военных действий их воинскую часть отправили в Эстонию устанавливать Советскую власть. После прибалтийской кампании их демобилизовали и отправили по домам. У одного из них жена была русская, и ее с ребенком из родных мест не выселили. Но мужу поставили штамп о переселении и дали 48 часов, чтобы убирался из родной деревни».

А вот письмо еще одной депортированной финки – Зиновьевой, опубликованное в газете: «Летом 1940 года, как черный гром, грянул приказ властей о принудительном выселении всего коренного финского населения Мурмана в Карелию. На сборы к предстоящей ссылке было дано несколько дней. Мы стали собираться. Отчий дом. Отечество... Как трудно расставаться с тем, что связывает тебя с землей, Родиной. Молча собирались финны в неизвестную дорогу. Трудно было решить, что брать с собой, потому что брать можно было только носильные вещи. Мы знали, что

в Карелии живут бедно. Ужасно боялись, что привыкшие к условиям жизни у моря, мы не сможем приспособиться на новом месте.

Последняя ночь дома. Пошли с мамой с Нижней деревни до Верхней, где сиротливо на хуторе, за Урой-рекой стоял дом, где я родилась. Как не хотелось верить, что вижу все это последний раз! И эта тропинка, вытоптанная ногами моих предков, теперь будет только сниться. Летняя полярная ночь была тихая и теплая, словно природа своим участием относится к своим детям.

Никто из жителей Ура-Губы в эту ночь не спал. Ходили на кладбище поклониться могилам предков... Утро. Мама подоила нашу коровушку, принесла ведро молока, процедила и говорит: "Четверо вас у меня, бедных малолеток. Дети, пейте в последний раз свое молоко", а сама плачет. Погрузили нас на большой пассажирский пароход, но никто не спешит занять свои места в каютах. Последний взгляд на родной берег. Тяжело и горько на сердце.

Пароход отчаливает, а оставшийся на берегу скот бредет за нами, рыдание мамы сливается с плачем отъезжающих. Мы, дети, плачем вместе со всеми.

Пароход набирает ход. Обезумевшие животные бредут в ледяной морской воде. Собаки долго плывут следом за пароходом. И одна за другой исчезают в волнах, обессиленные.

Кричат на море чайки. Поднимается ветер. Шумит штормовое Баренцево море. Нам казалось, что мы никогда не увидим больше берега. И в Мурманск никогда не приедем. Знали, что нас сопровождают неизвестные люди. Мы их не видели, но чувствовали. И эта таинственность пугала. Думали, нас выбросят в море. Пока были видны очертания родных берегов и контуры знакомых маяков, на душе было легче, а когда вышли в открытое море, когда оно слилось с небом, когда поднялись белопенные волны, мы были готовы ко всему и не спали. Томительные страшные часы. Было тихо, только море очень беспокойно. Мы страдали от морской болезни и от предчувствия беды. Но все обошлось. Вот и Мурманск. Многочисленный отряд милиции ждет нас на пристани, ходят гражданские руководители по выселению. Прямо к пристани пригнаны грязные, страшные товарные вагоны. Первое предупреждение встречающих:

"В город категорически запрещено!" Объявляется посадка. Садимся в вагоны, стараясь занимать места поближе к родственникам и знакомым. Двери закрывают. Тишина. Лишь громкие гудки маневренного паровозика, короткие приказы сопровождавших, да иногда плач ребенка из опломбированного вагона. "Боже мой! Что плохого мы сделали?" – причитает моя мама. "Помогали, как умели, Советской власти. Трудились как ошалелые. И вот расплата...".

Карелия. Станция Медвежьегорск. Онежское озеро – море. Грузимся в баржу. Куда везут, туда и едем, не своя воля. Шокша. Разработка камен-

ных карьеров. Опять первые встречающие – толпа милиционеров. Любопытно, видимо, кого это им так “бережно” везут. Похоже, из местных жителей. На боку у каждого лакированная кобура с наганом.

Пригнали нас в пустые, длинные и очень грязные бараки. А утром большинству вручили “железное орудие труда” и велели идти в карьер рубить камень. Рубим. Пора обедать. Единственная грязная столовая, где на обед одна картошка в мундирах. Поняли мы – это конец...»

А вот отрывки из других воспоминаний.

Жительница Ура-Губы Эллен Эйнарловна Каспер: «Этот чумной сороковой год! Финнов стали насильственно выселять с обжитых мест. Когда людей грузили на пароход, скотина редела на берегу. А потом Мурманский порт, товарные вагоны и – прощайте родные края!».

Младшая дочь уже упоминаемого нами Лаури Тамминена, семья которого была сначала выселена с Торос-Острова в Сайда-Губу, а потом оказалась в числе депортированных 1940 года, Лилия Тамминен писала, что «нас переселили в сороковом году в Карелию, а в 1941-м – эвакуировали в Архангельскую область, где сестру старшую, ей еще не было шестнадцати, отправили на лесозаготовки. А меня после смерти от голода мамы (мы жили на разъезде Тарза) отправили в Няндому, в детприемнику».

Потом судьба бросала эту семью депортированных по всей стране – от Княжой и Сортавала до Уссурийска и Совгавани. Дети ничего не знали о судьбе отца, смутно помнили те страшные годы. В ответном письме профессор А.А. Киселев сообщал Лилии Лауривне: «Вы были выселены из Сайда-Губы в июле 1940 года. Жили вы тогда в квартире 1 дома № 42 (вместе с Хистала Улой Самойловной, Юхани и др.). Ваша мать работала техничкой в Сайдагубской школе».

Много воспоминаний о депортации принадлежит жителям Хибин. Кировчанка А. Ермоченко писала в «Котловане»: «После финской войны, в 1940-м году, немцев, поляков и латышей выслали на Алтай. Финнов и эстонцев тоже выслали, но не знаю куда. Много семей разбили, разлучали с женами, с детьми. Было много горя и слез».

А вот воспоминания Э. Сутарихиной: «В 1940 году снова высылка. Эстонцев, финнов и латышей выслали в Карелию, немцев и поляков в Алтайский край. Выслали не только спецпереселенцев, но и тех, кто сами приехали, так называемых “вольных”».

Наше Советское государство должно было покаяться не только перед финнами и норвежцами (последних было выселено около 50 семей), но также перед эстонцами (240 семей), латышами (свыше 200 семей) литовцами (около 40 семей)».

Как отмечала исследовательница этой проблемы Елена Евдокимова, особенно ретиво работала в период депортации 1940 года бригада оперативных работников Кандалакши. Есть данные о депортируемых Кандалакшского района (табл. 2).

**Жители Кандалакшского района Мурманской области,
намеченные к депортации в 1940 г.**

<i>№</i>	<i>Национальность</i>	<i>Всего семей</i>	<i>Всего членов семей, чел.</i>	<i>В т.ч. намеченных к депортации, чел.</i>	<i>В т.ч. представите- лей данной национально- сти, чел.</i>
1.	Финны	65	180	110	81
2.	Эстонцы	50	122	88	83
3.	Латыши	47	142	93	74
4.	Немцы	16	54	30	21
5.	Поляки	29	83	44	29
6.	Литовцы	6	19	11	7
7.	Шведы	2	7	5	3
8.	Болгары	1	3	2	1
9.	Греки	2	6	4	4
10.	Китайцы	2	2	2	2
11.	Нидерландцы	1	4	2	1
12.	Американцы	1	4	2	1
	Итого:	222	626	393	307

Первыми эшелонами из Кандалакшского района были отправлены в Алтайский край – 17 семей (50 чел.) и в Карелию – 117 семей (385 чел.). Вслед за ними отправились в ссылку и остальные.

«ВЛАСОВЦЫ» НА КОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

«Власовцами» в годы войны и после ее окончания звали людей, то ли волею судьбы или случая, то ли по принуждению, но иногда и добровольно служивших в РОА (Русской Освободительной армии), которой на стороне Гитлера командовал бывший генерал-лейтенант Красной армии А.А. Власов (его повесили после войны, а его солдат репрессировали когоч, в основном, «по вкладу» в «общее дело РОА»).

Первая партия «власовцев» прибыла на Кольский полуостров 8 ноября 1946 года. Их было 267 человек, их доставили из ПФЛ (полевой фильтрационный лагерь) № 0325, находящегося в одном из городков Московской области. Через четыре дня в вагонах-теплушках прибыли на строительство Нивской гидроэлектростанции еще 1 377 власовцев. Среди них были люди разных национальностей, но особенно много – армян и украинцев.

После прибытия в Мурманскую область все «власовцы» в конце 1946 года были расконвоированы. Жить и квартировать их распределили в четырех местах Кандалакши. И хотя условия работы и существования были тяжелыми, «власовцы» жили относительно вольно: имели возможность передвигаться по поселку, контактировать с местным населением. Потом им даже разрешили жениться, а семейные вызывали жен из родных мест. Бывшие «власовцы» становились рационализаторами и стахановцами, даже награждались медалями за доблестный труд. В 1948 году их средний заработок на строительстве НиваГЭС-3 (их там работало на среднем и станционном узлах 480 человек) составлял 1 200 рублей в месяц.

Но были и другие «власовцы», не смилившиеся со своим новым, довольно угнетенным положением, не сумевшие привыкнуть к режиму, климату, работе. Вот они-то и дезертировали со стройки. В первом квартале 1947 года бежали 44 власовца, задержали 21; во втором квартале исчезли еще 35, из них вернули 29. А всего в бегах в тот год было 30 власовцев. И это несмотря на то, что за побег «власовцу» грозила двадцатилетняя каторга.

Труднее было бежать «власовцам» с другого объекта – со строительства дороги от Печенги до Лиинахамари: во-первых, их там было немного, и они находились под тщательным присмотром; во-вторых, они располагались в приграничной зоне. Если кандалакшские «власовцы» отмечались в спецкомендатуре два раза в месяц, то печенгские – еженедельно (ни у кого из «власовцев» паспортов не было).

На 1 января 1948 года на Нивастрое было 1 522 «власовца» и на сооружении дороги к Лиинахамари (т.н. дорожно-эксплуатационный участок № 108 Уосдора НКВД) – 260 человек. Итого – 1731 «власовец» (эта цифра и позже менялась незначительно: на 1 января 1950 года в Мурманской области было 1 698 «власовцев». Большинство «власовцев» были одинокими, лишь к некоторым приехали жены).

Чтобы знать настроение этой массы репрессированных, в их бригадах было тоже полным-полно стукачей – осведомителей. Как докладывало мурманское руководство МВД в Москву, «на каждых 9–10 власовцев имеется один агент-осведомитель».

Когда стало подходить время освобождения «власовцев», а их первоначально сослали по решению ГКО № 9871 от 18 августа 1945 года на шесть лет, Сталин и Берия решили пересмотреть старое законодательство, и 7 октября 1951 года Совет Министров СССР издал новое постановление №3857/1763 сс. В соответствии с ним МГБ СССР 24 октября 1951 года издало приказ № 00776 о «власовцах» и полицейских, направленных на поселение. В нем говорилось, что началом сроков спецпоселения надо считать время фактического прибытия в места поселения, а не предшествующее сидение в фильтрационных лагерях. И самое главное – разрешалось продлевать сроки ссылки «власовцев». И вот по истечении шестилетнего срока пребывания на поселении всем им добавили еще по три года. И, наверное, эти сроки еще не раз бы продлевались, если бы не умер Сталин.

О ПОСЛЕВОЕННЫХ ТЮРЬМАХ

И после Второй мировой войны в Мурманской области функционировали три тюрьмы: в Мурманске, Кандалакше, Кировске. По официальным данным тюремного отдела областного УМВД, в течение 1947 года в тюрьмах Заполярья сидело по 600–620 человек в месяц, но в первой половине 1948 года эти цифры снизились до 450–500 человек. По итогам 1952 года была дана такая информация: «При норме в 350 человек число заключенных превышало 420–450».

Мы не будем сейчас описывать, как содержались арестанты, как несладко им было, а приоткроем лишь одну тайную страницу в истории НКВД – МВД. Речь пойдет о царящей в тюрьмах и лагерях системе доносов и осведомительства (официально эта работа называлась агентурно-оперативной).

Сами эмвэдешники доказывали ее необходимость и оправдывали полученными результатами. Как докладывали в МВД (в Москву), только в первом квартале 1949 года в результате агентурно-оперативной работы в тюрьмах Мурманской области было выявлено: 12 случаев подготовки к побегам, 15 фактов нелегальной переписки, 10 эпизодов камерного бандитизма и воровства, 25 нарушений тюремного режима, 21 факт хранения неположенных предметов, 9 случаев хищения и порчи тюремного имущества.

Может быть, все это и соответствовало истине. Во всяком случае, попавшие в наши руки донесения агентуры содержали сведения о готовящихся побегах, о неположенной переписке, о тюремных кражах и драках, о наличии у заключенных запрещенных карт, лезвий, иголок, булавок, зеркал, карандашей и т.д. и т.п. Были сообщения о связях зэков с надзирателями (кто попадался, тут же отправлялся в карцер).

В марте 1951 года в Мурманской тюрьме № 1 по документам числилось 12 агентов и 22 осведомителя. Одни из них работали не за страх, а за совесть (если тут применима эта поговорка), другие – из-под палки. В донесениях агентуры было много пустопорожней информации, наверное, был отпечаток и личностных отношений, но были и реально существующие факты: о готовящихся побегах, о планах арестантов на будущее, о насилии и грабежах в камерах, о нелегальной переписке и передаче вещей и продуктов. Донесения секретных осведомителей тщательно записывались, подшивались в особые папки, анализировались. По ним принимались необходимые меры: тех, кто мечтал о побеге, расселяли и усиливали за ними наблюдение; тех, кто грабил, сажали в карцер; тех, кто помогал заключенным из охраны, наказывали в соответствии с уставом караульной службы.

Оказывается, секретные осведомители в тюрьмах получали ежеквартально денежное вознаграждение по десятой статье (от 50 до 200 рублей). Встречи оперуполномоченного с осведомителями должны были проходить

так, чтобы они друг друга не видели. Составлялся особый график, а место явок постоянно менялось.

Поскольку вся система тюремного содержания держалась на доносах, число фискалов-стукачей старались держать «на уровне». На начало 1953 года в тюрьмах Мурманской области числилось 67 секретных осведомителей: в среднем один доносчик на десять зэков.

За первый квартал того года было завербовано еще 25 человек, но из старых 29 убыли в другие места заключения. Система Ежова – Берии продолжала существовать и совершенствоваться.

А теперь посмотрим на мурманские тюрьмы послевоенного времени как бы снаружи, с воли; оценим их в плане историко-краеведческом.

Начнем с тюрьмы областного центра (официальное название: тюрьма № 1).

Вот ее послевоенный паспорт:

1. Место нахождения – 2-й Комсомольский поселок в Росте.
2. Где расположена – в центре поселка.
3. Расстояние от центра города – 7 км.
4. Вместимость – 140–170 мест.
5. Площадь режимного двора – 4 812 квадратных метра.
6. Площадь хозяйственного двора – 864 квадратных метра.
7. Ограда. – Из тесовых досок трехметровой высоты (точнее – 2,8 м).

Длина по периметру – 336 м. Ограда освещена электричеством.

Из прочего описания узнаем, что с северной и южной сторон забора стояли деревянные вышки, куда караульные поднимались с наружной стороны. На воротах стоял тоже часовой (в будке), при входе имелся шлюз. За забором – пять рядов колючей проволоки.

В тюремных камерах было печное отопление, топки выходили в коридоры. В тюрьме был водопровод, но не было канализации. Оконные решетки были небольшими: 20 см в высоту, 12 см в ширину.

В дверях камер (а их в основном корпусе было 21: 12 общих и 9 одиночных) имелись форточки. Две наиболее надежные камеры предназначались для осужденных на длительные сроки – по 15–25 лет.

В тюрьме № 1 имелись два прогулочных двора по 75 квадратных метров, баня, несколько мастерских. Швейная и сапожная мастерские находились в режимном корпусе, а столярная – на хозяйственном дворе. Недостатком мурманской тюрьмы было отсутствие лазарета-больницы и пекарни. Штат тюрьмы состоял в 1950 году из 61 сотрудника.

Первый тюремный корпус был построен еще до войны, в 1937 году, он был мужским. Размещался в каркасно-засыпном строении общей площадью более 300 квадратных метров (28,4 м в длину и 11,8 м в ширину). Рассчитан был этот корпус на размещение 140 заключенных. Когда-то это здание принадлежало исправительно-трудовой колонии, а позже (якобы, с 1943 года) его передали тюрьме. Вот в нем-то и были арестантские камеры.

Второй корпус тюрьмы был поменьше (11 м на 9,3 м), общей площадью 102 квадратных метра. Он стоял в южной части двора; с одной стороны его был продовольственный склад, а с другой – вещевой. В этом рубленом бараке находились одна общая и две одиночные камеры. Тут размещались женщины: в трех камерах – 30 человек. В этом же бараке находилось и два карцера. Таким образом, всего в тюрьме № 1 было 24 камеры на 170 душ.

Все помещения тюрьмы № 1 стояли на заболоченной местности, у них подгнили все половые перекрытия, и этим не раз пользовались уголовники. Только за первый квартал 1950 года пытались бежать из тюрьмы 53 человека. И это несмотря на то, что среди заключенных «шныряли» 12 агентов и 23 секретных осведомителя. Они внимательно слушали все разговоры и регулярно докладывали как о заключенных, так и об охране: кто передал записку на волю, кто из надзирателей прижал в углу красивую уголовницу.

В октябре 1950 года в Мурманской тюрьме было занято 14 камер, остальные пустовали. А на 10 июня 1953 года в тюрьме № 1 числилось 166 заключенных всех типов. В деле № 152 архива УМВД Мурманской области можно увидеть весь этот список, так же как и список всех сотрудников тюрьмы.

Вопрос о строительстве новой тюрьмы в Мурманске поднимался в первые послевоенные годы не раз, но денег не было, и дело все откладывалось. И тем не менее в 1951 году строительство началось.

В архивах сохранилась обширная переписка по поводу строительства этой (теперь уже каменной) тюрьмы. Место для нее подобрали за Больничным городком, по-видимому, из расчета, что если заключенный заболел, то врачи близко, а если умрет, то морг рядом. Но это, конечно, шутка. На самом деле место выбрали исходя из двух соображений: во-первых, сразу после войны этот район был окраиной города; а во-вторых, возобладали интересы экономики – тут рядом были инженерные коммуникации и подъездные пути.

Кстати говоря, в документах хранится возмущенное письмо главного врача областной больницы Каза: «Почему все машины к новостройке идут через территорию больницы? Когда это безобразие закончится?».

Строил новую тюрьму трест «Мурманскстрой» (управляющий Б.О. Ошерович). Первоначальная стоимость (в ценах 1952 года) – 2 миллиона 600 тысяч рублей. За образец взяли проект трехэтажной тюрьмы в Великих Луках: полезная площадь тюремного корпуса – 1 641 квадратный метр, а двухэтажного административного – 592 квадратных метра. Кроме того, строители, а это, в основном, зэки ОЛП-8 (ОЛП – отдельный лагерный пункт), возводили несколько хозяйственных построек (кухню, баню с прачечной, мастерские, котельную) и 630-метровой длины ограждение с шестью вышками. И были тогда еще два строительных объекта: четырех-

этажный каменный дом для обслуживающего персонала и дорога, из-за которой, как мы уже писали, шла перебранка с областной больницей.

Тюремный спецобъект был под пристальным вниманием областного начальства, и любой вопрос строительства решался на самом высоком уровне. Когда начались перебои с поставкой кирпича, долго изучали: «А можно ли его заменить на шлакоблоки? А не используют ли это “усовершенствование” впоследствии “зэки”»?

Так же обстоятельно обсуждался вопрос о железных решетках на окна камер. Первую партию «этих изделий» пришлось забраковать – слишком ненадежными они оказались.

Но, так или иначе, а строительство новой мурманской тюрьмы продвигалось. Ее вместимость определялась в 538 человек (из расчета 2,5 квадратных метра на каждого заключенного).

В середине 50-х годов тюрьма была построена, она и сейчас верно служит обществу, хотя и называется по-другому, «покультурнее», – СИЗО (следственный изолятор).

Что же касается «тюремной истории» Мурманска в 50-е годы, то хочется рассказать еще о двух событиях того времени, о которых никто никогда не писал. Во-первых, в центре города строилось административное здание областного управления МГБ. В апреле 1952 года на его строительстве использовался труд нескольких десятков спецпоселенцев (они жили в бараке рядом). Во-вторых, в апреле 1953 года, сразу после смерти И.В. Сталина, внутренняя тюрьма УМГБ Мурманской области (ее начальником был капитан Салатин) была передана в систему МВД. В ее штате тогда было 26 человек. В полуподвальных помещениях управления МВД находилось 13 камер на 45 человек. Там же размещались души, туалеты, карцеры. Была даже библиотека, в ней числилось 233 книги, в основном произведения классиков марксизма-ленинизма.

Теперь расскажем о тюрьме № 2, которая располагалась в Кандалакше. Она находилась на окраине города на набережной реки Нива, в доме № 31. Построенное в 1932 году деревянное здание вначале было обыкновенным жилым домом, но в 1935 году было переоборудовано под тюрьму на 80 человек.

В основном тюремном корпусе были сделаны первоначально 20 камер, рядом пристроили кухню. За четырехметровым забором из тесовых досок находились баня, канцелярия, комната свиданий и два блокпоста. В этой тюрьме была всего лишь одна сторожевая вышка, у реки, с северной стороны. Общая площадь режимного двора составляла 2 688 квадратных метров, прогулочного – 48 квадратных метров. От железнодорожной станции до тюрьмы было недалеко – около километра.

На 19 декабря 1949 года в кандалакшской тюрьме было 65 заключенных, в т.ч. 35 уже осужденных и 30 – подследственных. Штат тюрьмы

состоял из 27 сотрудников, среди которых было три старших надзирателя, четыре надзирателя первой категории и 12 рядовых.

К этому времени в тюрьме было 10 камер, общей площадью в 112 квадратных метров. Они могли вместить (по норме) 80 человек. Рядом с тюремным корпусом (барак длиной 16 метров и шириной 8,2 метра) находился административный корпус, банно-прачечный блок (обслуживал 10 человек за час) и новая кухня.

Агентурно-осведомительская работа в Кандалакшской тюрьме в январе 1951 года была организована следующим образом:

В камере 1 сидело 15 заключенных. Среди них было два секретных осведомителя по кличкам «Пирогов» и «Крутов».

В камере 2 на 12 задержанных приходилось трое доносчиков: «Петров», «Непогодьев» и «Гвоздев».

В камере 4 сидело тоже 12 человек, но осведомителей было уже четверо: «Воробьев», «Николаев», «Федоров», «Виноградов».

Были «глаза и уши» агентурной сети и в женской камере 13: «Алексеева», «Громова», «Петрова» (трое на 19 сидящих).

Начальниками тюрьмы № 2 были Н.И. Казаков (до 30 июля 1953 года) и затем – С.П. Архипов. По акту сдачи-приемки тюрьмы видно, что заключенных было 63 человека (30 уже осужденных и 33 подследственных), а штат тюрьмы состоял из 36 сотрудников.

Интересно сейчас читать приказы по тюрьме того времени, особенно в связи с праздниками. Вот, например, как выглядел приказ № 17 от 5 ноября 1956 года.

«39-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции наша Родина встречает в обстановке небывалого политического и трудового подъема... Коллектив работников тюрьмы, как и весь многомиллионный народ, встречает 39-ю годовщину Великого Октября хорошими результатами по содержанию заключенных, обеспечивающих их охрану».

Далее начальник тюрьмы поздравлял личный состав тюрьмы с праздником, объявлял четверем сотрудникам благодарность и выражал уверенность, что и впредь все будут на высоте стоящих задач.

Ну и в заключение этого раздела несколько слов о тюрьме № 3 в городе Кировске.

Кировская тюрьма с 1939 года располагалась на краю Обогагательной улицы, в доме № 22а. Это в километре от железнодорожной станции, чуть в стороне от основных построек города. Главное здание тюрьмы строилось в начале тридцатых годов под поликлинику: это был длинный приземистый барак с кабинетами для врачей. Но в годы репрессий из поликлиники сделали тюрьму: 7 общих камер (154 квадратных метра), 5 – одиночных (51 квадратных метра) и карцер. Вокруг режимную территорию обгородили 4-метровым забором по периметру 179 метров (почти две тысячи квадратных метров), поставили две вышки. И вот уже первые

80 зэков стали обживать новую тюрьму. Вскоре построили баню, кухню, склад, огородили прогулочный двор (62 квадратных метра). И тюрьма вступила в строй, хотя не было комнаты свиданий и передач, а штат был неукomплектован.

Тюрьма № 3 после войны состояла из нескольких строений. Основное тюремное помещение представляло собой обыкновенный барак (его размеры: 30 м длина, 13,5 м ширина). В нем было 12 камер на 100 заключенных. В «хозяйстве» тюрьмы в 1950 году числились одна лошадь и две сторожевые собаки. Число заключенных на 20 мая 1950 года составляло 93 человека. В хозяйство тюрьмы входили также рубленый пищеблок, столярная мастерская, конюшня в бревенчатой постройке и кирпичная дезинфекционная камера. Штат охраны тюрьмы в 1952 году составлял 35 человек.

На 3 февраля 1952 года в тюрьме Кировска сидело 105 человек. Третья часть была упрятана за решетку по пресловутому Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года (таких было 36), остальные сидели по 74-й, 143-й, 193-й и другим статьям Уголовного кодекса. По знаменитой 58-й статье (пункт 14) под следствием было лишь три человека.

Тюрьма в Кировске существовала до середины 50-х годов. Потом ее «жителей» перевели в Апатиты, где была выстроена новая тюрьма на Трудовой улице. В 1955 году в ней было 14 камер и два карцера.

ЕЩЕ РАЗ О ДОНОСИТЕЛЬСТВЕ, ОСВЕДОМИТЕЛЬСТВЕ И ПРОЧИХ «НЕКРАСИВЫХ» ПОРОКАХ ОБЩЕСТВА

Доносы, к сожалению, процветали в России во все времена – вспомните Бенкендорфа, Дубельта, Азефа и Малиновского. И понятие сексот – секретный сотрудник – придумано не Советской властью. Жаль только, что в социалистическом государстве эта система сыска и слежки охватила все звенья – от пионеров до дворников, от маленьких учреждений и контор до тюрем и лагерей.

Мы об этом уже упоминали, и потому сейчас приведем лишь материалы, обнаруженные в самое последнее время.

6 августа 1940 года был издан приказ по Мурманскому управлению НКВД, где прямо утверждалось, что «Кандалакшский район был местом ссылки».

Помимо спецпоселенцев и заключенных, в городе и округе проживали 1 387 подозреваемых, а в службе сыска было занято 188 сектосов и осведомителей, а также 11 резидентов.

В другом документе того же 1940 года говорится, что 42 процента населения Кировска являются контрреволюционными элементами, что среди них ведут работу 92 осведомителя, 9 резидентов и 6 агентов.

Однако многие лица агентурной сети числились лишь на бумаге. Хотя было и немало случаев, когда нужного для следствия результата добивались только с помощью агентуры. Так, когда заключенный Кировской тюрьмы бывший моряк Ф.В. Сметанин долго не признавался в совершении преступлений по 58-й статье (пункт 10), к нему подсадили двух сексотов – «Любимова» и «Шилова». И дело было улажено – они выступили свидетелями против «врага народа».

Из того же 1940 года история донесла нам и такой факт. Только за октябрь – ноябрь сержант госбезопасности Громов получил от своих сексотов 32 донесения. На этого штатного работника НКВД только на бондарном заводе работали 18 осведомителей и 5 резидентов. Известно, что резидент «Дуганов» имел 9 осведомителей, «Бобров» – 5, «Зимний» – 4, «Иглов» – 3. Только у «Бестужева» почему-то не было ни одного осведомителя.

Особенно доставалось за плохую осведомительскую работу начальникам тюрем. В декабре 1940 года за это ругали Трофимова (тюрма № 1), Галямова (тюрма № 2), Кирпиченкова (тюрма № 3).

В годы войны агентурная работа в системе НКВД прикрывалась патристическими лозунгами борьбы с фашизмом и мобилизацией всех сил на отпор врагу. Доносили порой, как говорили сами уполномоченные, всякую «мелочевку». Так, осведомитель «Рыбин» из кандалакшской тюрьмы «заложи» вольнонаемного конюха Трофима Блохина. При доставке в голодное военное время овощей в тюрьму он как-то утаил 6 кг картофеля и 200 г

лука. За что и поплатился. Попутно было предъявлено обвинение, что Блохин как-то присвоил обнаруженный в лесу немецкий парашют.

Секретными осведомителями мурманской тюрьмы в ноябре 1943 года были люди по кличкам «Петровский», «Прохожий», «Чугунов», «Орлов», «Белова», «Виктория». Каждый из них оформлялся на эту «должность»: подавал заявление на имя начальника НКВД, писал автобиографию, заполнял анкету, давал подписку о неразглашении тайны. У резидента был график встреч (причем отпечатан типографским способом) — «Ведомость приема агентуры в таком-то месяце». В этой «казенной бумаге» указывалось, с каким агентом должна состояться встреча-явка, когда (день и часы) и где.

История сохранила документы (анкету, автобиографию, подписки, расписки, донесения) некоей Виктории Борисовны Мулевич, до ареста сотрудницы гидрографического отдела Северного флота. Эта двадцативосьмилетняя женщина, синоптик по профессии, урожденная города Чернобыля Киевской области, была завербована в сексоты первой тюрьмы 14 марта 1943 года. Дали ей псевдоним — «Виктория», и она стала «работать» на НКВД.

Вот одна из сохранившихся в архивных делах подписок, правда, уже послевоенного времени: «Я, Ф.В., рождения 1903 г., уроженец Ярославской области Пошехонского р-на, Муссорский с/совет, села Шуторово, обязуюсь добровольно сотрудничать с органами МВД, доносить в секретном порядке о нарушениях тюремного режима лицами, находящимися в камерах... Сохранение и неразглашение государственной тайны обязуюсь нигде, никогда и никому не рассказывать...

31.08.46 Кандалакша

Подпись».

Работали сексоты и в трудовых поселках военного и послевоенного Мурмана. В 1943 году в среде бывших раскулаченных крутились, выслушивали разговоры, вынюхивали секреты и доносили «куда надо» 5 резидентов, 8 агентов, 111 осведомителей и 1 конспиратор (кто это такой?).

Среди спецпоселенцев Кировска работали осведомители под кличками «Гордеев», «Вакум», «Югов»; на Кукисвумчорре — «Петров», «Печерин», «Кочубей», «Короткий»; в совхозе «Индустрия» — «Соловьев», «Пустошкин», «Гаврилов» и еще трое. Они регулярно доносили о разговорах на политические темы, об Америке и Германии, о недовольстве Сталиным и т.д.

Вот одно из донесений сексота: «Гражданин Ф.В., 1909 года рождения, из Сальского р-на Ростовской области, рассказывал: «В Норвегии нас освободили от лагеря, приехали советские офицеры, и мы с нетерпением ожидали возвращения на Родину. Когда нас привезли на пароходе в Мурманск, мы все кричали «Ура». Думали, что нас хорошо встретят, а нас встретили как зверей, повели под конвоем, и через некоторое время

350 человек из нас вместо отправки домой, сослали в Умбу на лесозаготовки». Этого анонимного свидетельства было достаточно, чтобы недовольного отправить в тюрьму, где порядки были похлеще, чем в трудовом лагере.

Последний документ по проблеме доноительства и осведомительства, имеющийся в нашем распоряжении, относится к 28 января 1950 года, когда агент по кличке «Майор» сообщал, что трое политических заключенных по 58-й статье Уголовного кодекса готовят побег из Кировской тюрьмы. А.Н. Абрамов, А.Г. Канарский, Н.И. Поляков были взяты под особый контроль, переведены в «крепкую» камеру.

Тема эта – о доносах – не очень приятная, с каким-то нехорошим душком. О ней никто не хочет говорить: ни организаторы слежки, ни сами осведомители – доносчики. Да и люди, стоящие между ними, те, за кем следили, молчат. Так, один из репрессированных, Евгений Черноног, как-то написал: «Придумок у них много было. Когда мы реабилитацию получали, с нас подписку брали, что мы нигде не сидели, ни в каком лагере не были и никому ничего рассказывать не должны. Просто вычеркнуть эти годы из жизни, как их и не было».

А есть и такие, кто до сих пор открещается от старого, публикуя такого рода объявления: «Положа руку на сердце и Библию, клянусь, что никогда не был сексотом КГБ, никогда не сотрудничал с КГБ, хотя на протяжении тридцати лет со мной велись “воспитательные” беседы и задавались неоднократно вопросы».

Ох, велики, видно, грехи наши, если дожили до такого!

О РУКОВОДИТЕЛЯХ ОГПУ – НКВД – МВД НА МУРМАНЕ

Когда речь идет о репрессиях сталинских времен, то очень часто это звучит так: все репрессированные – это хорошие люди, а все, кто проводил карательные операции, – бляки! Но общество же реабилитирует только незаконно (подчеркиваю незаконно!) репрессированных. А что же касается остальных, а их больше – то закон есть закон, и его преступать нельзя.

Так же надо, по-видимому, оценивать и деятельность людей, работавших в карательных органах. Если действовал по закону и совести, то нечего бояться рассекречивания архивов КГБ и можно не стыдиться, что работал под руководством Ф.Э. Дзержинского или В.Р. Менжинского.

Вот с этих позиций мы и хотим познакомить читателей с теми людьми, которые стояли во главе карательных органов Мурманской губернии, затем (с 1927 по 1938 год) округа, и, наконец, области.

Эти сведения неполны, довольно отрывочны, но, как говорится, на безрыбье и рак – рыба. Со временем этот реестр будет пополняться и детализироваться, а люди получат более полные характеристики.

Итак, берем только «сталинское время» (с 1924 по 1953 год).

Начальником Мурманского губернского отдела ОГПУ в 1924 году работал А.И. Дроздов. В конце августа – начале сентября он сдал дела новому начальнику – Липовскому и отбыл в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар).

Сколько проработал у нас Липовский, мы не знаем. Известно лишь, что на рубеже 20–30-х годов Мурманский окружной отдел ОГПУ возглавлял некий Космачев, о котором мы упоминали в связи с «вредительскими» процессами первой пятилетки.

Весной 1932 года окружной отдел ОГПУ возглавлял Алешин, а начальником экономического отдела при нем был Романов.

В тридцатые годы, когда на Кольском полуострове развернулось огромное индустриальное строительство, а численность населения возросла в несколько раз, разведывательные и карательные органы Заполярья превратились в мощную силу. Руководители НКВД не очень-то считались с партийным и советским руководством округа и делали только то, что им приказывали из Ленинграда (областное управление) и Москвы (наркомат).

К числу таких руководителей принадлежали В.Г. Кравцов, А.С. Гребенщиков, А.К. Уралец и Д.Н. Горик. Именно на период их нахождения в Мурманске и падает основная масса репрессий довоенных лет. Этому в какой-то степени способствовали еще три фактора: во-первых, усиление пограничных войск, которые подчинялись НКВД; во-вторых, укрепление Северного военно-морского флота; в-третьих, милитаризация жизни Кольского полуострова (создание новых гарнизонов, постройка радиопеленгаторского пункта, военные парады в Мурманске, начавшиеся с ноябрьских

праздников 1938 года и т.д.). Под предлогом усиления борьбы со шпионско-диверсионной агентурой год от года рос аппарат местных отделов НКВД. В штате появились такие должности, как контролеры I и II разрядов, старшие разведчики, шоферы-разведчики. А в «общегражданской» системе НКВД появились новые разряды должностей: оперуполномоченный, помощник опера, участковый инспектор, милиционеры I, II, III разрядов.

1 февраля 1939 года начальник Мурманского областного управления НКВД капитан госбезопасности А.К. Уралец подписал штатное расписание своего ведомства. В нем тогда было 80 ставок, в том числе в секретариате – 11 человек, во 2-м отделении (СПО) – 7, в 3-м (КРО) – 8, в экономическом отделе – 11 человек. В 7-й группе (шифровка и мобилизационная работа) было 2 сотрудника, в транспортном управлении – 3, в следственной части – 9 человек (кстати говоря, в 30-е годы в следственных органах и прокуратуре Мурманска «набирались опыта» такие впоследствии выдающиеся деятели союзного масштаба, как Л.Г. Шейнин и Лев Николаевич Смирнов – председатель Верховного суда СССР). Попался мне документ и о численности водного отдела (или отделения) мурманского управления НКВД – в 1939 году в нем было 25 сотрудников. Должностные оклады в системе НКВД в 1940 году колебались от 500 до 750 рублей.

Из ведущих сотрудников НКВД предвоенных лет надо бы назвать начальника 4-го отдела ст. лейтенанта госбезопасности П.И. Малинина, секретаря партбюро А.М. Можуйко, зам. начальника управления ст. лейтенанта Н.О. Гаврюшина, сержанта А.К. Абрамова. Не берусь давать им полные характеристики, но по обрывкам документов и воспоминаний картина складывается сложная. С одной стороны, известно, что Малинин при Берии был осужден за незаконные действия в 1937–1938 годах, а с другой стороны, литератор Левин, учившийся в школе с его дочерью, вспоминает его по-доброму.

А.М. Можуйко был ярким проводником партийной линии в НКВД, даже избирался делегатом на XVIII съезд ВКП(б), много лет работал (и неплохо!) в тралфлоте.

Н.О. Гаврюшин 29 августа 1939 года заменил Д.Н. Горика, убитого в «командировку». А Абрамов и Вишняков вошли в историю Мурманска зверским избиением подследственных и подделкой протоколов, допросов и других документов.

Как видите, палитра красок в оценке людей НКВД довольно разнообразна и широка. Так же как и обширна была деятельность областного управления НКВД, а потом МГБ: от поисков шпионов до охраны важных объектов (как-то мне встретился приказ по управлению НКВД в связи с проведением в 1940 году областной партконференции: для ее охраны выделялось 12 энкэвдэшников).

Были у Мурманского управления НКВД и более серьезные, чем чисто охранные, задачи. В конце 1939 года проводилась операция наблюдения за неким секретным объектом. В феврале 1940 года мурманские чекисты выполняли специальное задание Л.П. Берии: было создано несколько оперативных групп, отправленных в разные точки полуострова.

Особенно осложнились функции госбезопасности в годы войны с гитлеровской коалицией. Вот тут-то настоящих шпионов хватало. Начальником управления НКВД области были А.Ф. Ручкин и И.И. Курьлев (полковник госбезопасности, заслуженный чекист).

Из послевоенных руководителей областного управления МВД – МГБ эпохи Сталина – Берии можем назвать двух полковников – Усова и Сухомлинова. О первом мы пока ничего сказать не можем, а о втором известны два факта.

9 февраля 1952 года полковник Д.О. Сухомлинов телеграфировал в Москву, что «на поселении в Мурманской области ссыльных особо опасных государственных преступников не имеется».

Второй факт связан с событиями весны 1952 года, когда на места были разосланы предписания об усилении режимного положения, об усилении бдительности, о возможных акциях вражеской (не говорилось какой) разведки. 30 мая 1952 года в области была даже создана оперативная группа по борьбе со шпионажем. Ее возглавил заместитель начальника управления МГБ полковник Ганин, в нее вошли семь офицеров. Сухомлинов оставался начальником УМГБ Мурманской области вплоть до смерти Сталина.

ЖУРНАЛИСТЫ МУРМАНА – «ВРАГИ НАРОДА»

Пока досконально не изучен вопрос – какую роль в создании культа личности Сталина сыграла периодическая печать, в первую очередь, газеты. Тем более что сами газеты, да и другие периодические издания, по этому поводу скромно помалкивают: «Что же говорить, был грех, но...».

Однако грех был, во-первых, не единожды: то, что происходило в периодике во времена Л.И. Брежнева, – еще одно наше общее грехопадение. Во-вторых, с этим делом надо все же разобраться, чтобы впредь такого рода ошибки не повторять. В-третьих, ведь не во всем виноваты только журналисты, хотя в создании атмосферы вождизма и лидеров они всегда играли важную роль, и были, во всяком случае, многие из них, не просто рядовыми статистами.

Являясь органами партийных комитетов, газеты и журналы были рупором официальной политики, проводниками сталинских идей, первыми исполнителями его «гениальных указаний». Периодическая печать была самым массовым и ежедневно действующим средством духовного воздействия на умы и настроения миллионов людей, своего рода транквилизатором – нейролептиком.

Когда же начались репрессии, газеты и журналы стали решать еще две немаловажные задачи: во-первых, создавать общественное мнение, что все идейные противники Сталина являются классовыми врагами всех без исключения рабочих и крестьян и что их нужно «стереть с лица земли» в интересах рядовых тружеников, всего монолитного советского общества; и, во-вторых, нужно было замаскировать истинные размеры и значение репрессий, скрыть от народа масштабы трагедии.

Для решения первой задачи были пущены в оборот высказывания Маркса и Ленина, и одновременно все чаще стали приклеиваться ярлыки: «враг народа», «классово-чуждый элемент», «двурушник», «троцкистско-зиновьевский предатель Родины». Умело использовалась неприязнь народа к евреям и Троцкому, к эмигрантам и богатым. Для решения этой же задачи были взяты на вооружение такие важные факторы и события, как осложнение международной обстановки в результате прихода к власти Гитлера в Германии, отмена карточной системы в СССР и злодейское убийство С.М. Кирова.

Что же касается второй задачи, то следует признать, что маскировка происходящего в стране была проведена с помощью прессы блестяще. Приведем только один пример.

После убийства С.М. Кирова из Ленинграда выселялись десятки тысяч семей, как тогда говорили, классово-чуждых элементов (по некоторым данным, до 100 тысяч человек), но об этом ни слова не было в газетах. Зато все страницы были плотно забиты информацией об энтузиазме рабочих-ударников, о досрочном выполнении плановых заданий, об освоении Арк-

тики, сооружении метро, о переходах лыжников Байкал – Мурманск, Мурманск – Ленинград и т.д. и т.п.

Ни центральные, ни местные газеты не отражали всех сложностей общественно-политической и экономической жизни страны, больше били в литавры, чем описывали существо проблем.

В 1937–1938 годах по стране прокатилась новая мощная волна арестов, и все тюрьмы «воем выли» – некуда сажать, а газеты печатали рапорты о сдаче в эксплуатацию новых заводов и фабрик, о полетах летчиков Чкалова, Громова, Леваневского, о награждении героев труда, о международной солидарности и очередном мудром высказывании Сталина или кого-либо из его окружения.

В начале 1937 года на первых страницах газет часто помещались официальные сообщения о награждении чекистов. «Полярная правда» 3 января сообщала о награждении одного из них орденом Ленина «за заслуги в деле борьбы с контрреволюцией». 5 января было опубликовано новое постановление ЦИК ССР о награждении еще 26 чекистов «за особые заслуги в деле борьбы с врагами трудящихся».

Чуть позже, когда начался очередной громкий процесс над так называемым «антисоветским троцкистским центром», «Полярная правда» перепечатала передовую статью «Правды» «Торговцы Родиной», а спустя день еще одну передовицу под тенденциозным названием «Троцкист – вредитель – диверсант – шпион».

Читаешь сейчас те газеты и думаешь: «Что за фантасмагория? Или мы в страну Кривых Зеркал попали?». Но так было, и тут никуда не денешься. И никто нам не поможет, даже всевышний, ибо на Востоке говорят: «Аллах может все, но и он не может изменить прошлое».

А у этой фальсифицированной истории были, на мой взгляд, три первопричины: партийные установки и директивы, которые нужно было неукоснительно провести в жизнь – иначе выкладывай партбилет; согласие самих журналистов писать то, что в данный момент требуется; существование строжайшей государственной цензуры, которая, к сожалению, больше занималась не вопросами охраны государственной тайны, а проблемами политического сыска.

Но мы не судьи, и не будем больше распространяться на эту общую тему. Давайте-ка лучше посмотрим, в каких тяжелейших условиях работали в 30-е годы мурманские газетчики и какая им выпала нелегкая доля. Ведь они тоже, с одной стороны, должны были быть исполнителями чужой воли, директив сверху, а с другой – хотели выразить свое собственное «я». Отсюда все противоречия, которые нередко заканчивались репрессиями.

Сначала несколько слов об общем состоянии периодической печати на Кольском полуострове в 30-е годы. Выглядело это следующим образом.

В 1934 году в Мурманском округе были одна окружная газета – «Полярная правда» (тираж 8 500 экз.) и одна городская – «Хибиногорский (по-

том Кировский) рабочий». Выходили также четыре районные газеты («Заполярный труд», «Беломорская волна», «Полярный коллективист» и «В бой за рыбу») и пять многотиражек («Металлист», «Портовик», «Ударник», «Тралфлот» и «Подбойка»). Районные и многотиражные газеты выходили не ежедневно: чаще всего раз или два в неделю, а потому штат журналистов был небольшой. Но общая тенденция роста была налицо – в 1935 году появились газеты в Монче-тундре («В бой за никель») и в Ловозерском районе, в 1939 году стала выходить в Мурманске молодежная газета.

Полиграфическая база газет была старой и запущенной, порой в типографиях не хватало самого необходимого. Да и квалифицированных специалистов было мало. Но журналисты преодолевали все трудности. Помимо трудностей материального и, так сказать, житейского плана (не устроен быт, плохое снабжение продуктами, особенно овощами, отсутствие редакционного транспорта и т.д.) у газетчиков были сложности политического и идеологического порядка. И тут главным был разрыв между словами и делом: на бумаге «самое демократическое в мире общество», а на деле – попрание элементарных прав личности и произвол НКВД. В газетах – лозунг «Жить стало лучше, жить стало веселей», а в жизни – нередко голодуха и нищета.

И часть журналистов выражала недовольство существующим положением вещей, большей частью лишь в доверительных разговорах между собой и в меньшей – на деле, в практике работы. Но соответствующие органы за этим внимательно следили, и уже сразу после убийства С.М. Кирова на «слишком умных» и наиболее активных газетчиков обрушились репрессии.

1 февраля 1935 года в статье «Замаскировавшийся враг» окружная газета писала: «Партийная организация “Мурснабстроя” за двурушничество и обман партии сняла с работы и исключила из рядов ВКП(б) редактора газеты “Ударник” К. Бирюкова». За что же его наказали? Оказывается, во-первых, за то, что (цитирую вновь по газете), «помещая в газете сообщения об убийстве тов. Кирова, он не отразил возмущения трудящихся этим гнусным шагом подонков антисоветской зиновьевской оппозиции»; во-вторых, за то, что «в редактируемой Бирюковым газете не находили отражения вопросы повышения революционной бдительности» и, наконец, в-третьих, за то, что «газета не боролась с дезорганизаторами производства, не разоблачала классовых врагов, пробравшихся на отдельные участки строительства».

Тогда же, в начале 1935 года, один из «заговорщиков» был обнаружен в Хибинах. Им оказался журналист «Кировского рабочего» Малый, посланный на Север из Ленинграда. Его обвинили в том, что он до приезда в Хибинны являлся организатором контрреволюционного подполья в Московско-Нарвском районе Питера. В газете на полном серьезе сообщалось,

что «этот районный организатор подполья лично получал директивы от предателя Зиновьева и матерого контрреволюционера Троцкого». Малого тоже сняли с работы, исключили из ВКП(б) и арестовали.

Так началась полоса репрессий против журналистов Мурмана, продолжавшаяся несколько лет волнами, которые то откатывались назад, то накрывали вновь, и так – вплоть до войны.

Стремясь уйти от обвинений в оппозиционности, в аполитичности, в равнодушии к делам страны, некоторые журналисты, особенно запуганные редакторы газет, теряли чувство меры при восхвалении Сталина и его заслуг. Уже в 1934–1935 годах все газетные страницы переполнены эпитетами «мудрый», «гениальный», «выдающийся», «самый», «лучший» и т.д. Их хватало и Сталину, и его соратникам (о С.М. Кирове, например, обязательно писали: «Мудрый руководитель, лучший друг Севера»).

Что же касалось Иосифа Виссарионовича, то его характеристика как гениального деятеля менялась в зависимости от повода провозглашения здравицы: если это было в день только что учрежденного Дня железнодорожников, то он гениальный машинист локомотива, двигавшегося прямо в коммунизм; если это День физкультурника, то газеты именовали Сталина «вождем народа, лучшим другом физкультурников».

Дело доходило вот до таких опусов, сообщаемых на полном серьезе: Мурманская домохозяйка Ксения Дерова, мать семерых детей, вспоминая о выступлении Сталина по радио 5 декабря 1936 года, говорила: «С того незабываемого вечера мой четырехлетний сын Вова часто спрашивает меня: “Мама, когда мы еще раз будем слушать товарища Сталина?”».

Или, может быть, действительно так и было? Или пресса уже настолько полностью была политизирована, что стала недумаящим рупором административно-командной системы, тотализированного государства? Право, трудно сказать...

Но газеты оставались крупной политической силой. И общественность должна была видеть и учитывать два момента: с одной стороны, явно необъективный и предвзятый анализ обстановки, а также несправедливые и уничтожающие характеристики деятельности отдельных лиц, и с другой – необходимость обязательного (хотя порой и формального) признания печатной критики: ведь газета – орган вышестоящей партийной инстанции.

Вот так и получалось, что «Правда» и «Ленинградская правда» (вместе со «Сменой») крушили окружное звено на Мурмане, а «Полярная правда» – районное. Можно проследить это по февральским публикациям (1937 года) окружной газеты о делах в Кольском районе.

Последствия этих публикаций (за 4 и 16 февраля) были «ошеломляющими». Было признано, что заведующий Кольским районным земельным отделом А.Д. Давыдов «выдвинул и отстаивал гнилую теорию о нерентабельности колхозов и молочно-товарных ферм». Для начала ему объ-

явили партийный выговор, а спустя несколько месяцев исключили из партии. И на этом дело не остановилось: поскольку Давыдова поддерживал председатель райисполкома А.Г. Бойко, ему тоже воздали по «заслугам» — в августе сняли с работы и исключили из партии. Все еще раз удостоверились, что печать — большая сила.

Словом, некоторые газетчики использовали печать не в интересах строительства социализма. Управляющий трестом «Апатит» В.И. Кондриков еще 4 июля 1935 года в своих рабочих записях отмечал «шараханье» газетчиков, писал о многочисленных ошибках в прессе и «чрезмерной самовлюбленности некоторых журналистов».

Однако даже излишняя ретивость не спасала журналистов от кары всевышнего в лице местной партийной власти при обнаружении каких-либо ошибок и несуразностей. А если ошибка была связана с политикой, то вообще начинался скандал. Ветераны заполярной печати долго вспоминали, какой шум был поднят на Мурмане, когда в «Полярной правде» в самом начале 1937 года (29 февраля) была искажена фотография шефа сталинских чекистов Н.И. Ежова.

Дело не ограничилось вызовом виновных на бюро. Вопрос о работе газеты «Полярная правда» был вынесен на пленум окружкома партии. И 26 марта 1937 года «за грубые политические ошибки» редактор газеты А.И. Андреев был отстранен от работы.

Последнее публичное выступление А.И. Андреева было на мартовском собрании Мурманского партактива, где он огласил решение бюро окружкома ВКП(б) о работе газеты «Полярная правда». Вот отрывок из этой покаянной речи: «Газета не сумела встать во главе самокритики и своевременно вскрыть вредительство на “Североникеле”, безобразия в Промсоюзе и милиции. Газета допустила ряд грубых политических ошибок в опубликовании политических документов».

После снятия А.И. Андреева исполняющим обязанности редактора «Полярной правды» стал заведующий отделом пропаганды и агитации окружкома партии Г.Н. Ломов. Для укрепления аппарата редакции были откомандированы также опытные газетчики Евгений Двинин и Константин Бельхин. Чуть позже заместителем редактора «Полярной правды» был утвержден З.Г. Аронов.

Активными корреспондентами окружной газеты были А. Куварзин, И. Аренев и П. Лавров. Особенно критическими были статьи вскоре репрессированного Петра Васильевича Лаврова («Скатились к штурмовщине» — о строительстве школы № 4 в Мурманске, «На гнилых позициях» — отчет о собраниях актива «Мурманпищестроя» и др.).

Несмотря на некоторое оживление работы, ошибки в газетах повторялись. И тут же неотвратимо следовали наказания. Так, в июле 1937 года был репрессирован ответственный секретарь редакции Николай Павлович Снегирев. На окружном совещании редакторов в первой половине августа

1937 года отмечалось, что «в редакции “Полярного коллективиста” несколько лет работал шпион, в редакциях “За социалистическое изобилие” (бывший “Тралфлот” – А.К.), “В бой за никель” продолжают работать лица, которым не место в большевистской печати».

За политический «ляпсус» в передовой статье окружной газеты за 17 августа 1937 года (она называлась «Строго выполнять решение партии об активах») были освобождены от должностей заместитель редактора газеты «Полярная правда» Сергей Степанович Стоиловский и заведующий отделом рыбной промышленности редакции А.С. Быстрозоров. А вскоре началась новая волна арестов, которая утопила и Г.Н. Ломова, и ряд других товарищей (все они реабилитированы Мурманским обкомом партии в конце 1988 – начале 1989 года).

Именно в тридцать седьмом году вспомнили о старом редакторе «Полярной правды» – Николае Александровиче Павлове, который в 1930 году был откомандирован из ленинградской газеты «Смена» в Мурманск и редактировал окружную газету до 1932 года. И хотя после работы в «Полярке» прошло много времени и Н.А. Павлов трудился не в прессе, а в управлении Рыбакколхозсоюза, его обвинили в старых грехах – в том, что он «являлся ярим пособником троцкиста Ахматова», который был секретарем окружкома партии до конца 1931 года. И только на этом основании было предложено исключить его из членов партии. Лишь один человек – им был заведующий отделом окружкома ВКП(б) В.К. Шаффилов – заступился тогда за Павлова.

И что же дальше? Спустя некоторое время Н.А. Павлов был объявлен врагом народа, а затем в газете появилась коллективная статья с призывом выяснить политическое лицо В.К. Шаффилова. Ну а Николай Александрович Павлов, 1904 года рождения, член партии с 1921 года, ленинградец-мурманчанин, 25 октября 1937 года был арестован и погиб в застенках НКВД (его последняя статья «Прибрежный промысел должен стать передовой отраслью рыбной промышленности» была опубликована на третьей странице «Полярной правды» за 5 января 1937 года. Очень хочется, чтобы об этом знали сыновья и другие родственники Николая Александровича Павлова).

Между тем борьба с «врагами народа» среди журналистов перекинулась из Мурманска в районы и охватила прежде всего Кировск. 15 июня 1937 года бюро Кировского райкома ВКП(б) исключило из партии редактора газеты «Кировский рабочий» Дмитрия Васильевича Молчанова, члена ВКП(б) с 1926 года, выходца из крестьян.

Заседание бюро было собрано экстренно, только по одному этому персональному делу. 32-летний человек стоял в конце длинного стола, за которым раньше сидел сам, и растерянно слушал обвинение: «У Молчанова обнаружена контрреволюционная литература врагов народа Бухарина и

Рязанова и 14 штук боевых патронов». А далее пошли побочные факторы: жена – дочь торговца, отец – подрядчик, дядя – полицейский и т.д. и т.п.

В этот же день был арестован еще один сотрудник кировской газеты – Степаненко, его обвинили в связях с ранее репрессированными «врагами народа» В.И. Кондриковым, Н.К. Гладышевым и др.

17 сентября 1937 года бюро Кировского райкома ВКП(б) объявило выговор заместителю редактора газеты «Кировский рабочий» П.И. Викторову «за нетактичное выражение, высказанное им при помещении клише тов. Кирова». Трудно воспроизвести это «нетактичное выражение», мы его не знаем, но легко догадаться, что это относилось к качеству клише, а вовсе не в адрес С.М. Кирова. Но ведь кто-то же донес об этом и придал делу политический оттенок?!

Но выговор – это еще полбеды. Бывало и хуже. В те же осенние дни тридцать седьмого года был «лишен политического доверия» ответственный секретарь редакции «Кировского рабочего» Сорокин. А это при тогдашней «свободе слова, митингов и собраний» означало остаться без работы, без всяких средств к существованию. Мы не знаем, что дальше произошло с Сорокиным, но, по-видимому, его судьба столь же печальна, как и П.И. Викторова, который 29 ноября 1937 года был отстранен от работы в редакции, вскоре исключен из партии и арестован.

Волна репрессий журналистского корпуса докатилась и до Терского берега. Был освобожден от работы редактор газеты «Беломорская волна» Н.С. Сергеев, его преемником в начале 1937 года стал А.Э. Колесников. Но и у него началось с неприятностей: в двух номерах (№ 37 и 44) якобы была разглашена военная тайна, что послужило основанием для разбора на бюро Терского райкома ВКП(б).

А дальше – больше: в НКВД не спали. Выявилось, что у А.Э. Колесникова были вражеские связи как по родственной линии (он якобы оказался сыном лесничего по фамилии Бантле), так и по службе (А.Э. Колесников поддерживал контакты с «врагами народа» Сойко, Глейзером, Угером, Родэ). 31 августа 1937 года редактор «Беломорской волны» был освобожден от работы, выведен из состава пленума Терского райкома ВКП(б), а 17 сентября исключен из партии.

Сложное положение с печатью и газетчиками было в других районах. В начале 1937 года на заседании бюро Кольского райкома партии обсуждались политические ошибки редакции газеты «Заполярный труд». И здесь искажение материалов ТАСС квалифицировалось как «вылазка классового врага в печати».

Много нареканий было в адрес И.В. Королева, редактора териберской газеты «В бой за рыбу». Разогнана была редакция газеты на финском языке «Полярный коллективист». Журналист К.Г. Зайцев, якобы посадивший в 1937 году в тюрьму немало руководителей Монче-тундры, в 1939 году сам стал «врагом народа». Теперь стали преследовать тех, с кем

он контактировал. Так получил выговор по партийной линии литсотрудник «Северного металлурга» (так стала называться мончегорская газета) З.М. Берковский.

Тяжелой и опасной в 30-е годы была работа в радиовещании. За ошибки в радиопередачах карали не менее сурово, чем в печати. И, к сожалению, так же часто несправедливо. Вот только два обычных для того времени факта.

6 июля 1937 года по мурманской радиосети шла передача, в которой как-то мимолетно было упомянуто имя героя Гражданской войны, командарма I ранга И.П. Уборевича. В органах НКВД и окружке партии это было расценено как восхваление врага народа, участника «военного заговора во главе с М.Н. Тухачевским». Сама радиопередача была квалифицирована как контрреволюционная. 5 августа был исключен из партии председатель Мурманского радиокомитета Л.И. Фиалков. Пострадали – были либо уволены, а потом арестованы, либо арестованы, а потом уволены – журналисты, готовившие «вражескую» передачу.

Было подвергнуто суровой критике местное радиовещание в Хибинах. Райком партии создал специальную комиссию во главе с Маркушевич, которая, правда, не столько интересовалась делами радиовещания, сколько личностью заведующей редакцией Киселевой. Выяснилось, что она дважды была замужем (и оба раза за врагами народа), к тому же радиожурналистка хвалилась подругам, что в 1925 году в Кисловодске фотографировалась с Л.Д. Троцким («афишировала это фото»). Выводы были решительные – с работы снять, а политическую благонадежность проверить (а вскоре – в декабре 1937 года – репрессировали и саму Марию Максимовну Маркушевич).

Среди исключенных из партии и комсомола, а потом арестованных и погибших, были и работники типографий, корректоры, линотиписты. Так, в коллективе «Полярной правды» долго горевали, когда репрессии коснулись еще одного их сотрудника – работника издательства С.Ф. Лазаревича.

Много было среди репрессированных и беспартийных печатников – достаточно было пропуска одной буквы, искажения одного слова, чтобы стать «врагом народа».

Конечно, репрессии 30-х годов нанесли тяжелый удар не только по газетчикам Мурманска, но и по всему журналистскому корпусу страны. Многие из тех, кто приезжал на Кольский полуостров по командировкам газет, журналов и издательств и у кого учились мурманские журналисты, были посажены в тюрьмы. Это Иван Катаев (автор «Хибинской Эллады»), Всеволод Лебедев, оставивший книгу «Полярное солнце», В.П. Правдухин со своим «Гугенотом из Териберки», делегат первого съезда писателей М.Ф. Чумандрин. Если у них оставались друзья и соратники на Мурмане, то их судьба тоже была трагичной.

На смену газетчикам, репрессированным в 1935–1937 годах, пришли новые люди. Но замена не всегда была равноценной. И об этом хорошо сказал Василий Гроссман: «Они читали иные книги и по-иному читали их, не читали, а “прорабатывали”. Они любили и ценили материальные блага жизни, революционная жертвенность была им чужда либо не лежала в основе их характера. Они не знали иностранных языков, любили в себе свое русское нутро и по-русски говорили неправильно, произносили: “процент”, “пинжак”, “Берлин”, “выдающий деятель”. Среди них были умные люди, но, казалось, главная, трудовая сила их не в идее, не в разуме, а в деловых способностях и хитрости, в мещанской трезвости взглядов».

...А история начинала свой новый виток – приближалась Вторая мировая война.

В заключение два обращения к читателям.

Первое – помогите краоведам своими материалами и воспоминаниями о 30-х годах, в частности и по истории журналистики Мурманска. Не все еще в этой истории ясно, т.к. документальных источников явно не хватает. Для многих мурманчан не ясно, когда и как были репрессированы Е.А. Двинин и П.В. Лавров; когда и как были реабилитированы К.Г. Зайцев и А.И. Андреев; реабилитированы ли вообще Бирюков и Малый (мы не знаем даже, как их звали).

И второе – может быть, нам стоит подумать и оформить где-то мемориальную доску, стелу или еще в какой-либо другой форме память о погибших в годы репрессий мурманчанах. Ведь это тоже наш гражданский долг.

КАК ГРОМИЛИ КИРОВСКИЙ КОМСОМОЛ

Работая над книгой по истории Хибиногорска-Кировска, я столкнулся с двумя проблемами, которые раньше не затрагивались и вообще считались запретной темой. О первой я как-то уже немного рассказывал — речь шла о так называемых «раскулаченных». Вторая тема — о репрессиях в Хибинах в 30-е годы — сейчас только начинает разрабатываться.

Но из этой большой темы — здесь репрессировались сотни людей: инженерно-технические руководители, геологи, ученые Кольской базы Академии наук, все руководство треста «Апатит», начиная от управляющего В.И. Кондрикова и заканчивая курьером (много знал!), преподаватели горнохимического техникума и учителя школ, журналисты и их жены — мне бы хотелось осветить только один вопрос, особенно интересный для молодежи: как репрессировали в Хибинах комсомольцев.

Репрессивная политика Сталина и его окружения подобна раковой опухоли, с начала 30-х годов охватывала все новые и новые участки экономической, государственной и общественной жизни СССР. Эта страшная болезнь советского общества умело маскировалась то под борьбу с вредительством, то под стремление наладить порядок, развернуть критику и самокритику; она выступала под лозунгами сохранения единства партии, устранения классово-чуждых элементов, прикрывалась цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма и решений партийных съездов. Репрессии охватили инженерный корпус страны, все слои интеллигенции, касту военных, партийный аппарат, советы и профсоюзы.

Комсомол первое время стоял как будто бы в стороне — многие комсомольцы и даже их руководители не понимали происходящего и про себя думали: «Что это за вакханалия началась в стране?». Но Сталин и Политбюро ЦК ВКП(б) стали всячески давить на Александра Косарева, который возглавлял ЦК ВЛКСМ с 1929 года: «Почему комсомол не помогает НКВД?». Г.Г. Ягода, а затем Н.И. Ежов дали команду своему аппарату активизировать работу среди молодежи на местах. Была спущена директива: все процессы против «врагов народа» обсуждать и одобрять на пленумах и собраниях комсомольских организаций. Из молодых карьеристов стали комплектовать кадры секретных сотрудников (сексотов).

Сразу после убийства С.М. Кирова в Хибинах началась кампания борьбы с оппозиционерами всех рангов. Уже в феврале 1935 года в окружной газете была помещена статья о сотруднике газеты «Кировский рабочий» Малом, назывался этот материал «Троцкистский прихвостень разоблачен». Сигнал был дан, и машина закрутилась.

К лету 1935 года и в Хибинах начался массовый психоз, который можно было назвать «мнимая бдительность». Вот конкретный пример. На собрании актива в Кировске (а такие мероприятия по команде А.А. Жданова проводились часто) выступил районный прокурор И.И. Масеев. Он го-

ворил, что «в горнохимическом техникуме имелась группа студентов из чуждой молодежи, которая ставила своей целью заниматься не только антисоветской пропагандой и агитацией, но и кое-какими крупными делами. В техникум проникли ярые контрреволюционеры».

Что за «кое-какие крупные дела», так и осталось тайной. А что касается контрреволюционеров, то называлась фамилия одного из преподавателей – Пестова. Вся его вина была в том, что его кандидатуру выдвинули от техникума на местных выборах в горсовет. И главное – выдвинули без команды сверху сами студенты и преподаватели, ни с кем из начальства не посоветовавшись. И хотя Пестов считался ударником пятилетки и был в группе сочувствующих ВКП(б), вывод был безапелляционен: «Пестов – наш ярый враг».

9 июля 1935 года в центральной «Правде» была напечатана большая статья, в которой были подвергнуты критике стиль и методы работы Кировского райкома партии. Рикошетом эта статья била и по райкому комсомола. В работе кировчан были отмечены недостатки; стали процветать благодушие и самовосхваление, критика и самокритика были не в почете, случались проявления местного вождизма и подхалимажа (например: «Под мудрым руководством Вани Кузгинова покорим Монче-тундру»).

Избиение кадров в широких масштабах началось в Хибинах в 1936 году. Вошло в моду приклеивание ярлыков: «Кондриков – князь Кольский, король Лапландский» (так говорил о первом управляющем треста «Апатит», коммунисте с 1918 года Василии Ивановиче Кондрикове на пленуме окружкома ВКП(б) А.И. Ионов); «Хозяйственник-деляга, уклоняющийся от очищения аппарата от классово-чуждых элементов» (это говорил в Кировске первый секретарь райкома партии П.П. Семячкин о директоре совхоза «Индустрия» Н.К. Гладышеве). Вскоре оба – и В.И. Кондриков и Н.К. Гладышев – будут исключены из партии и арестованы. Вслед за ними были репрессированы десятки людей, в т.ч. все посланцы С.М. Кирова в Хибины – Ф.А. Лийв, Г.Г. Гебер, И.В. Усевич, М.В. Кочетков, П.А. Серов и многие другие.

Были арестованы начальник ОТК Кировского рудника В.Я. Нагорный, начальник городской транспортной конторы М.А. Ульянов, инженеры П.И. Викторов и Б.В. Ковтунович. Часто репрессии следовали за случайные проступки, можно сказать, по недоразумению. Молодой рабочий, запальщик В.М. Мочалов, не зная о смерти Серго Орджоникидзе, громко и весело в свой выходной день играл на гармонии. «Бдительные товарищи» донесли «куда надо» о контрреволюционной вылазке врага – и тут же последовало наказание.

Были аресты «по наитию сверху». Раз у тебя фамилия Ким или Син, то ты японский шпион, если Гейнке или Брандт – то немецкий.

Кто же были эти враги народа, уже арестованные, ошельмованные, в большинстве своем беспартийные? Как правило, это способнейшие инже-

неры, квалифицированные руководители, умнейшие люди, к которым тянулась молодежь. Это в основном ленинградцы: в городе на Неве они получили образование, с родным городом они поддерживали постоянную связь. Находясь в неофициальной оппозиции к новому партийному руководству в лице А.А. Жданова, они попали в черные списки неблагонадежных.

Горячка разоблачения вскоре охватила и комсомол. Хотя все начиналось-то вроде бы с обычной критики, под знаком улучшения работы с молодежью.

23 января 1937 года в Кировске состоялся пленум райкома комсомола, обсудивший вопрос о работе трех пионерских организаций (29-й средней, 11-й неполной средней и совхозной школ). Из 25 членов пленума присутствовало 20. На пленум приехал из Мурманска руководитель окружной комсомольской организации Ф.Ф. Шамонин, присутствовало и местное руководство в лице А.С. Гайко (член бюро райкома ВКП(б)) и Б.В. Воскресенского (культпроп райкома партии).

Вел собрание первый секретарь Кировского райкома ВЛКСМ Василий Руденко, один за другим выступили 15 человек. Досталось всем: и штатным работникам комсомола, и директорам школ, и пионервожатым.

Главные недостатки и различного рода ЧП отмечались в решении: групповые драки ребят в Кооперативном поселке, столкновения между учениками 4-й и 12-й школ, убийство одного школьника, гибель подростка Сережи Толина, оставленного в горах во время лыжной вылазки. Но на этом собрании все завершилось более или менее нормально.

Спустя несколько дней – новый пленум. Повестка дня – «Об обсуждении итогов процесса над антисоветским троцкистским центром». Докладчиком был уже упомянутый нами районный прокурор И.И. Масеев. Было решено широко информировать молодежь Хибин «о происках классовых врагов» и с этой целью провести общегородское собрание комсомольцев, а затем продублировать такие собрания во всех поселках.

А маховик репрессий продолжал набирать силу. 16 января 1937 года бюро райкома ВЛКСМ исключило из комсомола начальника кислородного завода опытно-эксплуатационного комбината Н.К. Барбашова за потерю классовой бдительности и связь с троцкистом Марчулиным, арестованным после убийства С.М. Кирова. Тут же было решено рассмотреть вопрос о жене Барбашова – Евдокии Кулебейкиной – и пребывании ее в комсомоле. Ее, техника АНОФ-1, исключили из комсомола за то, что она смело и до конца защищала мужа и всем говорила (это записано в протоколе): «Все равно его восстановят!».

На том же январском заседании бюро рассматривалось персональное дело комсомолки инженера «Североникеля» (Мончегорск тогда входил в состав Кировского района) Августины Орловой. Ее вина состояла в том, что она защищала своего знакомого Вассермана, которого обвинили в

троцкизме. В Мончегорске ее исключили из ВЛКСМ, но райком комсомола пересмотрел наказание и ограничился строгим выговором (потом это будет расценено как либерализм и будет обвинением против В.П. Руденко).

Второе персональное дело комсомольца с АНОФ-1 Шляхтина окончилось не столь благополучно – его исключили. За что? Во-первых, что женился на сестре начальника геологического бюро треста «Апатит» Георгиева, обвиненного в троцкизме. Во-вторых, что поддерживал с ним связь и после его ареста (носил ему в тюрьму передачи).

В феврале – марте 1937 года были исключены из рядов ВЛКСМ шофер «Североникеля» А.С. Принцев («за сокрытие социального происхождения»), сын кулака Ферулев, жена троцкиста И.А. Флоринская.

Конец зимы и начало весны тридцать седьмого года для Кировского комсомола были более или менее спокойными. Но это только казалось. Уже были заведены на всех руководителей Кировского комсомола досье, где скапливалась вся негативная информация: кто из родственников арестован, у кого были связи с «лишенцами» и «спецпереселенцами», кто и что скрывал в своей биографии. Неблаговидную роль в этом «секретном расследовании» сыграл первый секретарь Мурманского окружкома комсомола Федор Шамонин. Вместо того чтобы заступиться за своих товарищей по союзу молодежи и подчиненных по работе, он «катил на них бочку» с динамитом и порохом.

И вдруг – экстренно – на 8 мая назначается пленум РК ВЛКСМ с повесткой дня «О состоянии руководства в Кировской районной комсомольской организации». И докладчик (Ф.Ф. Шамонин), и выступившие в прениях (первый секретарь райкома партии И.Ф. Шатров, секретари комсомольских организаций В.И. Счетчиков, Л.А. Баринев и другие – всего выступило 11 человек) клеймили райком комсомола за ошибки и упущения. Особенно досталось первому секретарю РК ВЛКСМ В.П. Руденко: ему вменялись в вину и засоренность аппарата, и либеральничание с врагами народа, и многие другие грехи.

Одновременно с В.П. Руденко были изгнаны из состава райкома комсомола заведующий отделом политучебки М.Д. Фабер (за связь с границей), заведующий отделом пионерской работы И.С. Мусинов (у него, оказывается, дядя был раскулачен), пионервожатая М.И. Шляхтина (у нее были репрессированы какие-то родственники).

Погром комсомола в те годы, как и партийные репрессии, шел и по вертикали (ЦК ВЛКСМ – обкомы, райкомы, горкомы комсомола – первичные организации), и по горизонтали (от комсомольца к комсомольцу, если вместе работали, дружили, вели общие политические разговоры и т.д.).

Этот губительный для любой общественной организации процесс обычно в комсомоле развивался так. Если арестовывали твоего вышестоящего «шефа», то считай, что уже подбирают компромат (компрометирующий материал) против тебя. Если исключили из партии твоего старшего

друга – тоже жди беды. Как правило, репрессии начинались вроде бы «за дело» – за те или иные проступки (зажим критики и самокритики, комчванство, притупление политической бдительности, неумение руководить молодежью, моральное разложение и т.п.) комсомольского руководителя освобождали от работы, выводили из состава бюро и пленума. Обычно находили место где-то в хозяйственной организации, как тогда говорили, «временно притыкали». Так, первого секретаря Кировского райкома ВЛКСМ В.П. Руденко «приткнули» в отдел кадров треста «Апатит», заведующего отделом политучебы М.Д. Фарбера назначили заведовать поселковым клубом.

Окружающим казалось, что все успокоилось, но спустя несколько недель или даже месяцев начинался второй тур преследований. Бывшего активиста исключали из рядов ВЛКСМ или ВКП(б), если он состоял в партии, его третировали и игнорировали.

И, наконец, третий заключительный тур неравной борьбы – арест, суд, заключение.

После снятия с работы В.П. Руденко, М.Д. Фарбера, И.С. Мусикова репрессии в комсомольской организации Кировска стали носить какой-то планомерный характер. Летом 1937 года были исключены из комсомола Г.И. Максимов, 1911 года рождения, член ВЛКСМ с 1931 года, работник совхоза «Индустрия» («за связь с бывшим врагом народа Ивановским); М. Степаненко, 1913 года рождения (за то, что защищала мужа, который-де был врагом народа и троцкистом); Белла Чернова («за связь с врагом народа Кондриковым», ее обвиняли также в связи с троцкистом Лендоне-ром и в том, что ее муж был классово-чуждым элементом).

Были разборки и наказания другого вида. Вот только два случая. В мае 1937 года учитель 7-й финской школы Павел Андреевич Ахонен отделался выговором. В июле не был утвержден секретарем комсомольской организации горисполкома Иван Николаевич Тимофеев, 1912 года рождения, член ВЛКСМ с 1931 года, образование низшее. Ему прописали: «При выборах секретаря скрыл от комсомольцев два факта биографии: во-первых, что мать занималась торговлей и что «имел связь с родителями жены переселенцами». А потом выборы были признаны недействительными. Сколько здоровья и нервов стоило это Ивану Николаевичу, мог сказать только он.

С осени 1937 года репрессии в комсомоле усилились. 8 сентября бюро Кировского райкома комсомола исключило из рядов ВЛКСМ 5 человек и еще троим выразило политическое недоверие. За что же исключали?

Леонида Селиванова, 23-летнего техника с АНОФ, за то, что имел связь с отцом, проживающим в Германии. При этом главным аргументом обвинения был давний факт – в 1927 году сын по просьбе отца хотел послать за границу фотографию; Татьяну Вахнину, 1914 года рождения, образование высшее – «за связь с врагом народа А.С. Сином». А кто такой Син? Это муж Т.П. Вахниной, арестованный в 1936 году; Марио Аксель,

двадцати пяти лет, еврейку – «за связь с врагами народа Тиктинским, Тыжиновым, Корласом». Тут прослеживались две «вражеские линии» – сионизм и технократическая оппозиция; Ивана Марсулева, члена ВЛКСМ с 1930 года, исключали из комсомола также «за связь с врагами народа», но уже другой группы (Ким, Левит, Морозова). О том, как бурно шло обсуждение такого рода персональных дел, приведем такой факт: И.П. Марсулеву было задано 47(!) вопросов, выступило 5 человек.

А последним исключенным на том заседании бюро был доживший до наших дней Альберт Александрович Гейнке. Ему тогда предъявили обвинения в связи с врагом народа Шиперовым (бывшим секретарем Шольского райкома ВЛКСМ Ленинградской, потом Вологодской области). Вот как это отражено в протоколе: «Гейнке получил от Шиперова установки разваливать политпросветработу и работу изб-читален района, уничтожать книги Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Сейчас это обвинение кажется надуманным и глупым, но в 1937 году это принималось без тени сомнения.

В конце сентября 1937 года из комсомола были исключены: ученик 29-й железнодорожной школы Всеволод Ясинский (отец – враг народа – арестован); инженер Николай Семенович Яковенко (за связь с врагом народа Шуцким, в деле записано: «не сообщил куда следует»); инженер Фиалуста Павловна Зубарева («арестованы два брата органами НКВД как враги народа», а сестра не донесла на них); комсомольский активист из Зашейка Л.А. Барinov как сын кулака.

12 октября 1937 года на заседании бюро Кировского райкома комсомола опять вопросы об исключении из рядов ВЛКСМ. Тут досталось другому отряду хибинской интеллигенции – учителям, преподавателям.

Учительница школы совхоза «Индустрия» Вера Павловна Кузнецова была исключена из комсомола «за связь с врагом народа Покровской». А Покровская была подругой Веры Павловны, и когда ее арестовали, Кузнецова стала носить передачи и помогать ее родственникам. И это уже считалось криминалом, на В.П. Кузнецову посыпались беды. Не помогли ни возраст (ей было уже 30 лет), ни многолетняя репутация замечательного педагога с высшим образованием, ни 13-летний комсомольский стаж (она вступила в комсомол по ленинскому призыву).

И Кузнецова была не одинока. На том же заседании бюро исключило из комсомола директора школы Александра Александровича Верещагина (у него брат оказался эсером) и преподавателя горнохимического техникума Ивана Прокофьевича Вачаева. Последнему вспомнили связь с врагом народа Сильвестровичем (его арестовали) и где-то сказанные слова: «Диктатура пролетариата любит сажать, судить, обыскивать, расстреливать невинных людей».

В ноябре 1937 года прошли еще два «громких» персональных дела. Во-первых, из комсомола исключили сотрудницу совхоза «Индустрия» М.Н. Николаеву за связь с врагами народа Покровской, Бриккер, Фалькой

(в документах это зафиксировано так: «за притупление политической бдительности, за нерешительность в разоблачении врага»). Во-вторых, был изгнан из рядов ВЛКСМ массовик кинотеатра «Большевик» в Кировске С.Н. Мень «за связь с политически неблагонадежными». Не за какие-то конкретные дела и ошибки, а просто — «за связь». Как понимать это слово — и сейчас не ясно. В плане «связей» больше всего страдали в комсомольских организациях жены и подруги. 16 декабря 1937 года из комсомола «вытурили» Валю Руденко, жену бывшего первого бывшего секретаря Кировского РК ВЛКСМ. Сначала ей посоветовали разойтись с мужем, и она, было, поддалась на эти уговоры. Были распущены слухи об интимных связях Васи Руденко с девочками, вступающими в комсомол, а также о том, что, мол, на квартире проходили попойки комсомольского актива. Жена В.П. Руденко поначалу поверила, очень расстроилась, но затем Валентина Федоровна одумалась и написала письмо в защиту мужа. Вот тут-то и последовала кара — исключение из комсомола и преследование.

То же произошло и с женой А.А. Гейнке. Анну Михайловну исключили «за неразоблачение мужа как врага народа». В январе 1938 года исключили из комсомола жену Миши Фарбера — Аверьянову.

Вслед за женами стали исключать из ВЛКСМ друзей и знакомых. 17 января 1938 года за связь с семьей Гейнке была исключена из комсомола Таня Колованова. А связь заключалась в том, что по приезду в Кировск она остановилась у них, т.к. у нее не было жилья. Правда, Т.И. Коловановой дополнительно приписали еще два греха: вышла замуж за Шепетова, который оказался врагом народа, и знала Шиперова из злополучного Шольского района.

Комсомолку Гурецкую исключили из комсомола только за то, что дружила с геологами-супругами Усевичами (до их ареста); Елизавету Саламовну Шерман — за сочувственное отношение к арестованным сестре и зятю; Федора Савлевича — за связь с В.П. Руденко (а как он мог бы обойтись без этой пресловутой связи, являясь секретарем комитета ВЛКСМ учреждений госторговли); Веру Николаеву со станции Апатиты — за связь с врагом народа Ковтуновичем (когда его арестовали, Вера слала ему посылки); красавицу полячку Ольгу Змичевскую с АНОФ-1 — за то, что арестовали отца мужа, а ее подругу Михайлович исключили просто за компанию.

На этом фоне убедительно звучали такие аргументы исключения из комсомола, как разглашение государственной тайны (П.В. Малахов, председатель Зашейковского поссовета), пересказ антисоветских анекдотов (Э.Н. Змиречевская) и т.д.

К сожалению, и среди комсомольцев были и доносчики, и клеветники. Так, из комсомольских документов тридцать седьмого года явствует, что М.Д. Фарбера и Шуцкого «выдала НКВД» Зинаида Федорова. Она сообщила «куда следует», что Фарбер связан с врагами народа Богомоловым,

Еремеевым, Шатуновым, что вражескую работу ведут также Г.Ф. Гончаров, С.И. Элиасберг, Е.В. Крюк и некоторые другие инженеры. Все они были репрессированы.

И все же в ряде случаев заполярный комсомол хотел быть объективным и справедливым. Так случилось в сентябре 1937 года, когда в соответствующие органы поступило заявление на сотрудника Кировского райкома ВЛКСМ Куварзина: «...Часто посещал квартиры бывших редакторов газет Степаненко и Молчанова, которые в настоящее время арестованы». Члены бюро внимательно разобрались и дали ответ; «Факты не подтвердились». Вскоре Куварзина перевели на работу в Мурманск, и вполне возможно, что это спасло ему жизнь.

Пыталась заступиться за своего товарища (И.В. Вачаева) комсомольская организация горнохимического техникума, но в данном случае ничего не вышло.

В то время как товарищи по комсомолу искали повод заступиться за друзей, официальные инстанции продолжали карательные санкции. Так, персональное дело коммуниста с 1931 года Василия Петровича Руденко, бывшего первого секретаря райкома комсомола, 14 декабря 1937 года рассматривалось на бюро Кировского РК ВКП(б). Его обвинили ни больше, ни меньше как в контрреволюционной связи с врагами народа: И.Ф. Шатовым (бывший первый секретарь райкома партии), А.С. Гайко (бывший председатель райисполкома), М. Промысловским (бывший заведующий отделом окружкома комсомола), а также Авербухом, Клеповым, Тиханским, Тумченко, Фарбером – и исключили из партии.

...Есть в разбираемой проблеме еще один сложный вопрос: «Кто был жертвой, а кто – палачами?» И ответ тоже найдешь не сразу.

Вот Альберт Александрович Гейнке назвал среди тех, кто вершил карательные акции, сотрудника НКВД С.Г. Новика. А ведь это начальник Кировского райотдела НКВД, член партии с августа 1920 года. И за месяц до ареста Гейнке 7 августа 1937 года бюро райкома партии ему объявило выговор.

И знаете за что? «За притупление политической бдительности». А в декабре была исключена из партии его жена. И мы в точности не знаем дальнейшей судьбы этого человека. По-видимому, он был тоже репрессирован. Или дважды упоминавшийся у нас прокурор И.И. Масеев. Он тоже разоблачал, поучал, клеймил врагов народа, а в сентябре 1937 года его самого исключили из партии и, по-видимому, арестовали. Вот и суди тут по справедливости, кто и в какой степени прав.

Начало 1938 года вроде бы обещало и в Хибинах некоторое потепление общественно-политического климата. Были восстановлены в комсомоле Ф.И. Савлевич, Л.П. Селиванов, И.Н. Барышев, Петр Саткоярви (из Ены, у него посадили двух братьев), С.М. Мень, В.П. Николаева, Вера Гу-

рецкая. Но после мартовского процесса над Н.И. Бухариным и А.И. Рыковым Фемида вновь то ли заснула, то ли просто отвернулась.

2 июля 1938 года бюро Кировского райкома ВЛКСМ вновь вернулось к персональному делу В.П. Руденко — его вторично исключают из комсомола «за контрреволюционную деятельность», он был арестован. Был арестован и еще один кировский комсомольский активист — Виктор Каюков, его жену тоже из комсомола исключили.

С осени исключения из комсомола опять стали массовыми. Вот только несколько персональных дел: Овчаренко со станции Апатиты исключался из ВЛКСМ за то, что арестовали его отца; М.Н. Свинина с рудника: брат арестован; Татьяну Вахнину — за то, что репрессированы муж и брат; В.Д. Федорову — за сокрытие социального происхождения (потом ее «помиловали» — ограничились выговором).

Судьба исключенных из комсомола складывалась по-разному. Одни, занимающие ранее высокие посты, переводились на низовую работу. О них на время вроде бы забывали, но потом начиналась новая полоса гонений, и их арестовывали и судили.

Другие исключённые из ВЛКСМ уходили с арены комсомольской деятельности и даже уезжали из Кировска. Были и такие, что кончали самоубийством. (Так случилось с членом пленума райкома комсомола Бассалыгой, с комсомольцем Петром Тиминим и др.)

Что же касается арестованных комсомольцев, то совсем недавно об их судьбе поведал нам Альберт Александрович Гейнке. Вот его рассказ в изложении журналиста И. Дылева: «Пришли ночью, перевернули всю квартиру, обыскали и увели меня. Нас в комнате на 14 квадратных метров жило много: жена, две дочки, тёща, свояченица и наша знакомая Колованова Татьяна Ивановна. Она и сейчас в Кировске живёт. Жена плакала, а я успокаивал её. Говорил, что это недоразумение, что завтра вернусь».

На вопрос «Как проходили допросы?» А.А. Гейнке отвечал: «Специальной тюрьмы в Кировске не было, и под неё приспособили бывший барак. В небольшой камере нас было больше 30 человек. Мрак, сырость, смрад, ужасные крики за стенами, в том числе и женские. Часто плакал новорождённый ребёнок, которого не давали матери кормить, пока она не подпишет протоколы допросов...

Кажется, во время первого допроса мне выбили зубы и в камеру приволокли без сознания... Потом начались «конвейера». Это допрос в течение двух суток и больше, когда следователи меняются через каждые четыре часа, а тебе не дают есть, не выпускают в туалет, ставят то у раскалённой печки, то на сквозняке, бьют, приводят в чувства и снова бьют».

Через полтора месяца Гейнке и других «контрреволюционеров» отправили в Мурманск, а оттуда — в Ленинградскую пересыльную тюрьму, и наконец, приговор: 8 лет колонии строгого режима. Отбывал этот срок А.А. Гейнке в Горьковской области — рубил лес. Альберт Александрович

Гейнке вернулся после войны домой – к семье в Кировск. В 1956 году он был реабилитирован, но многие из арестованных комсомольцев погибли в сталинских застенках. И мы сейчас пишем обо всём этом, чтобы больше никогда такое не повторилось.

И в заключение три общих замечания.

Во-первых, в названии статьи не случайно поставлен эпитет «Кировский». Комсомол Хибин так здесь назван по двум главным причинам. Прежде всего, тут идёт речь о комсомольцах, принятых в ВЛКСМ во времена С.М. Кирова, в конце 20-х – начале 30-х годов, о той молодёжи, энтузиазм которой помог выполнить первую и вторую пятилетки, освоить дикие Хибины. Ну и, конечно, этот эпитет использован в силу географического расположения – все события проходят в Кировске.

Во-вторых, хотелось бы, чтобы на эту публикацию откликнулись те, кому сейчас за 70 и кто был тогда в Хибинах, – только они живыми воспоминаниями могут более детально воссоздать истинную картину происходившего. Документы тех лет, протоколы заседаний бюро и пленумов ВЛКСМ – это, конечно, важно, но нужны и другие исторические источники – письма, дневники, воспоминания.

В-третьих, пусть извинят меня очевидцы событий, если где-то неточно указаны (или не указаны совсем) инициалы, может быть, искажены фамилии (особенно финские и латышские) или события – автор следовал точно тому, что обнаружил в архивах или прочитал в газетах тридцатых годов. Мы сейчас идём по первопутку, и тут вполне возможны неточности, которые готовы исправить в будущем.

РЕПРЕССИИ В ТЕРИБЕРКЕ

Неприметна сегодня Териберка на карте Мурманской области. Заслонили ее ударные стройки, новые большие города, глобальные проблемы. А ведь было время, когда Териберка считалась одним из центров рыбных промыслов Восточного Мурмана – сюда съезжались сотни поморов, тут был великий торг, здесь размещалось волостное и иное начальство. Да и в первые годы Советской власти Териберка славилась своими умелыми рыбаками и высокими уловами. В 1927 году небольшое становище в 127 километрах к востоку от Мурманска стало районным центром. Тогда в Териберке проживало около 350 человек.

Прошло еще десять лет. По переписи 1937 года здесь уже проживало 2 318 человек, находились крупнейший на Мурмане рыболовецкий колхоз им. К.Е. Ворошилова, машинно-рыболовецкая станция с мастерскими, рыбозавод, электростанция, небольшой кирпичный заводик, гидрометеостанция, больница, школа.

Репрессии 30-х годов не обошли отдаленную от городов и живущую в основном морем Териберку. Сначала они носили какой-то случайный или выборочный характер. Так, в конце 1934 года в Териберке было снято руководство комсомола во главе с Бирловым. Тогда же освобождены от работы в Териберке местные руководители НКВД Михайлов и Бородин.

Затем (теперь уже в Мурманске) пострадали териберские выдвиженцы – люди, которые в пору расцвета сельдяного промысла были переведены на работу в центр, на повышение в окружные организации. Это помощник председателя окрисполкома по рыбной промышленности М.М. Симановский, заведующий сельскохозяйственным отделом окружкома партии Г.И. Евстифеев и еще несколько человек. Выдвинуты они были в аппарат окружных организаций тогдашним первым секретарем окружкома ВКП(б) А.И. Абрамовым, а после его ареста полетели и их головы. Чуть позже, в феврале 1937 года, сняли с работы, исключили из партии и арестовали директора Териберской МРС А.И. Кагана (восстановлен в рядах КПСС Мурманским обкомом КПСС в конце 1988 года).

Началось преследование директора мехмастерских Териберской машинно-рыболовецкой станции И.Н. Рубина. Коммунист с 1930 года, он сначала был снят с работы, якобы за вредительство. А 27 мая 1937 года его вызвали на бюро райкома и попросили рассказать о контактах с «врагом народа» А.И. Каганом, о том, почему рабочие не получают вовремя зарплату, почему в мастерских плохой инструмент и т.д. и т.п. При обсуждении персонального дела И.Н. Рубина выступили четыре человека. Они «вспомнили», что Рубин дружил с «врагами народа», что когда-то то ли в шутку, то ли всерьез бросил реплику: «Денег нет – делай забастовку». В решении бюро записали: И.Н. Рубин «проявил политическую беспечность, благодушие, политическую слепоту». Сначала ему объявили строгий вы-

говор с предупреждением. И категорически отказались отпустить из района: «Надо оправдать доверие партии там, где партия считает нужным».

Следует сказать, что и в Териберке было репрессировано не только «высокое начальство», руководящий состав. Исключали из партии, а потом сажали в тюрьмы и рядовых работников. Так, 15 июня 1937 года был исключен из партии счетовод столовой Териберского рыбкооп Иван Васильевич Титов. Раньше он работал в кильдинском колхозе «Смычка», потом в системе Мурманского рыбколхозсоюза. Помору из Нюхчи предъявили четыре обвинения: служил во время интервенции белым (было ему тогда 16 лет, и он работал в Мурманске на плавмастерской «Ксения»); был связан с троцкистом А. Смирновым (арестованный счетовод фактории Захребетное), а также с «врагами народа» Рубинштейном, Никельбургом, Павловым. Его обвинили и в том, что, проводя по поручению райкома ВКП(б) политзанятия с домохозяйками Кильдина, «доказывал, что в Советском Союзе нет свободы слова и печати», а также в том, что, уже работая в Териберке, говорил, что буржуазные конституции демократичнее советской. Этот «букет» обвинений назывался «контрреволюционной деятельностью». Представитель НКВД на бюро прямо заявил: «В лице Титова мы имеем ярого беляка».

14 августа 1937 года Териберский райком партии исключил из членов ВКП(б) районного прокурора Д.М. Пономарева (партстаж с 1930 г.). В предъявленном обвинении записано: «Работая в 1931 г. секретарем парткомиссии Мурманской ОКК (окружной контрольной комиссии. – А.К.) активно защищал троцкиста Ахматова, голосовал за троцкистскую резолюцию, выдвинутую Ахматовым на объединенном пленуме ОК и ОКК 9 декабря 1931 г.».

Тяжко пришлось прокурору на этом разборе – одних вопросов было задано около тридцати. А потом обвинения. В чем только его ни упрекали: и в том, что был связан с троцкистом Есауловым и даже со шпионом Ольштинским (когда-то один раз вместе ездили на охоту!); и в том, что не отмежеввался от Ахматова и даже выступал в защиту его; и в том, что не разоблачил вовремя «врага народа» Кагана; и в том, что бездушно относился к жалобам рабочих, и т.д. и т.п.

В сентябре 1937 года бюро Териберского РК ВКП(б) исключило из партии А.И. Гудкова, председателя райпотребсоюза. Повод для создания персонального дела был вообще оригинальный – будто бы Александр Иванович разбил два барельефа с изображением Ф. Энгельса, посчитав, что это изображение «врага народа» Гамарника (?!). Но истинной причиной для партийных, а потом и правовых репрессий была связь А.И. Гудкова с репрессированными Симановским, Белевичем, Евстифеевым (Гудков тогда был членом бюро райкома партии).

Также дважды разбирали на бюро персональное дело Якова Андреевича Кошкина, 1899 года рождения, комиссара полка в Гражданскую вой-

ну. Он приехал на Север по приглашению Г.И. Евстифеева, которого знал с 1921 года. И вот за эту связь с «врагом народа» его исключили.

28 сентября 1937 года был снят с работы и исключен из партии «как двурушник» заместитель директора МРС по политической части Константин Федорович Болдышев (работал в Териберке с марта 1936 года). При разборе дела ему задали на бюро 29 вопросов, главные обвинения были такие: связь с «врагом народа» А.И. Каганом, развал политработы и вождизм (якобы он злоупотреблял выражением «я – председатель ЦК»).

В октябре 1937 года репрессии обрушились и на териберских женщин. На бюро обсуждались персональные дела Татьяны Матвеевны Поповой и Марии Иосифовны Бауман. Первая приехала в Териберку осенью 1934 года, работала на рыбозаводе рядовой посольщицей, потом 26-летнюю девушку заметили, выдвинули парторгом, заведующей райпарткабинетом. А теперь ее обвинили в связях с «врагами народа» – все теми же Симановским, Белевичем, Евстифеевым («была в компаниях»). Ей самой теперь предстояло убедиться в «правильности» своих слов, не раз повторяемых в парткабинете: «НКВД зря не берет».

Среди исключенных из партии в Териберке были, как мы уже говорили, разные люди. Среди тех, кого репрессировали в конце 1937 года, – председатель колхоза «Рында» Ефим Миронович Машедо («за связь с врагами народа»), управляющий отделением Госбанка М.П. Котяков («за антисоветские разговоры»), повар столовой Иван Алексеевич Горячев («за участие в контрреволюционной группировке, за связь с врагами народа, за антисоветские разговоры»).

Среди репрессированных были жители Кильдина и Гавриловки, Дальних Зеленцов и Торос-Острова, причем об этом говорилось даже на окружных партактивах. Так, характеризуя положение в мехмастерских Торос-Острова, один из выступавших на окружном собрании партактива в 1937 году (Меркулов) перечислил «врагов народа» в этом поселке: Гусев, Толстых («был посажен»), Рубин («большой прохвост и пособник разоблаченных врагов Кагана и Евстифеева»). И таких ярлыков тогда развешивалось много.

Мы иногда все беззакония сваливаем на НКВД. Но местные работники этого ведомства тоже «ходили под богом». И на них часто сваливались кары небесные. В той же Териберке в начале 1938 года сам начальник Териберского РО НКВД Николай Тихонович Макаров схлопотал в райкоме ВКП(б) выговор за связь с «врагами народа» П.И. Архиповым, П.И. Пироговым, А.И. Гудковым...

Так кто же вершил этот «высший суд» в Териберке? Местная партийная власть в лице бюро райкома партии. А в бюро тогда (да и почти всегда) главную и определяющую роль играл первый секретарь райкома ВКП(б). Эту должность в Териберском райкоме партии с апреля 1936 года занимал П.Г. Кузьмин (до него в районе работали М.М. Симановский,

Г.И. Евстифеев и др.). Но летом 1937 года П.Г. Кузьмин скоропостижно скончался, и на смену ему прислали И.Т. Иванова, который, как видно по документам и воспоминаниям, немало наломал дров в Териберке. А помогали ему члены бюро: председатель райисполкома М.И. Чеченин, начальник милиции Н.Т. Макаров, члены бюро Яцко, а потом Ямцев, Горшков и др.

Как действовал этот синклит, рассказал Семен Иванович Кулешов, он тогда работал в Териберке: «Как-то раз в воскресенье (тут Семен Иванович ошибается. В архивных документах эта дата дана точно – 6 июня 1938 года, а это был понедельник. Тогда выходные дни были не по воскресеньям, а в каждый шестой день месяца (6, 12, 18, 24, 30) – до 1940 года мы жили и трудились по шестидневному календарю – А.К.) звонит мне домой секретарь райкома... Как звали? Да уж его-то я никогда не забуду. Иван Титович Иванов. Вызывает, значит, на заседание бюро. Я спрашиваю: “А что случилось? Выходной ведь сегодня”. Отвечает: “А ты оденься покрасивее, раз сегодня воскресенье”. И кладет трубку. Я побежал. Бюро – в полном составе. Иванов говорит: “Есть ордер на арест Кулешова. Всем все ясно? Кулешов, давайте сюда ваш партийный билет”. И все. Никто ни слова не произнес. Никто из членов бюро даже не взглянул мне в лицо – все сидели, опустив головы. За что? Почему? Никаких объяснений».

О своей дальнейшей одиссее С.И. Кулешов поведал так: «На том месте, где сейчас облисполком, до войны стояло деревянное двухэтажное здание НКВД. Вот туда меня и посадили, в подвал. Тюрьма была небольшая – 24 камеры. Но народу там набилось много. В нашей камере было только 17 человек, а помещение-то всего 9 квадратов... К следователю вызвали меня только через месяц. Шкаревский его фамилия. Не поднимая глаз, сказал: “Пиши”. “А что писать?” – спрашиваю. “Пиши, тебе говорю! И запомни: здесь вопросы задаю я”, – и ударил кулаком по столу. Нет, он меня не бил. Бил другой следователь – Школин. Ногами. Говорил при этом, что не хочет руки пачкать. А вот Кирсанов – тот палкой. Она у него вся измочаленная была. У начальника их группы, Малинина, в кабинете на самом видном месте стояла дубинка – красивая такая, сучковатая, из кизилового дерева, лаком крытая. Он ее редко в ход пускал, но уж бил, говорили, наверняка... Мне повезло, не “удостоился”.

На допросы вызывали в 2–3 часа ночи. Следователь орал, рвал протоколы и швырял их в лицо... Предъявил наконец обвинение: статья 58, пункты 10 и 11. За десятый “десятку” и давали. Тут все просто – лагеря. А вот за одиннадцатый могли и под расстрел – это уже не просто антисоветская пропаганда и агитация, а уже в составе группы, заговор, значит».

Но Семену Ивановичу еще повезло – его выпустили (хотя и обвиняли в «соучастии в контрреволюционной организации правых») через тринадцать месяцев. Еще больше повезло другим териберцам – в частности, работнику райкома партии И.А. Шлячкову и новому директору рыбзавода С.П. Алексашину. В репрессивной политике начался отлив, связанный с

решениями партии и приходом в НКВД новых людей и свежих идей. А это, как видим, отзывалось даже в далекой Териберке.

Вот как все это происходило.

15 октября 1937 года бюро Териберского райкома партии обсуждало персональное дело бывшего секретаря райкома комсомола Ивана Андреевича Шлячкова (в тот момент он работал уже заведующим сектором партучета РК ВКП(б)). «За связь с врагом народа и за потерю революционной бдительности» его поначалу освободили от работы. Над ним витала опасность – вот-вот арестуют.

Однако в феврале 1938 года дело стало пересматриваться. Бюро райкома ВКП(б) было вынуждено признать, что И.А. Шлячков «вел борьбу с врагами народа», а не потворствовал им; что если и пил, то в меру; что действительно ухаживал за девочками, но был вежлив. (Пусть извинит нас читатель, но мы тут ничего не утрируем, так зафиксировано в документах). Старое решение (от 15.10.37) было отменено, И.А. Шлячкову поставили на вид и назначили заведующим парткабинетом РК ВКП(б) (после ухода из аппарата райкома партии он работал на рыбозаводе). Все вроде стало на свои места; сохранен был человек, хороший работник (он потом жил в Мончегорске, храбро воевал, работал в Мурманске).

Такая же история случилась в Териберке с директором рыбозавода Сергеем Павловичем Алексашиным. Член партии с 1919 года, он был обвинен в больших грехах: во-первых, был связан с «врагами народа» Архиповым, Глейзером, Митрофановым, Сойко; во-вторых, окружил себя классово-враждебными элементами вроде плановика, бывшего офицера Богданова, заведующего факторией в Кильдине белогвардейца Кашина, кладовщика Федорова, счетовода в Харловке, сына псаломщика Троицкого и др. 2 января 1938 года стоял даже вопрос об исключении из партии С.П. Алексашина, но после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) его восстановили в партии. Хотя первый секретарь РК ВКП(б) И.Т. Иванов и тут упорствовал: Алексашину записали выговор за аморальное поведение.

Репрессии 30-х годов не ограничились центром страны, они охватили всю территорию СССР, воистину – «от Москвы до самых до окраин». Пример Териберки это наглядно показывает. Причем социальная незащищенность людей здесь была значительно большей, чем где-либо. А это и давало возможность процветать беззаконию и произволу. Осуществляли репрессии не только органы НКВД, но и все другие звенья административно-командной системы, включая партийные и комсомольские организации, суд и прокуратуру.

ОНИ ТОЖЕ ПРОШЛИ ЧЕРЕЗ РЕПРЕССИИ (О СУДЬБАХ ЧЕКИСТОВ)

Сегодня средства массовой информации много внимания уделяют деятельности органов государственной безопасности в годы культа личности Сталина. И освещают ее, как правило, в негативных тонах. Это, в общем-то, в основном, справедливо. ОГПУ, а затем НКВД, возглавляемые палачами советского народа Ягодой, Ежовым и Берией, проводили по указке «вождя» и его ближайшего окружения настоящий террор не только против прямых идеологических противников сталинщины, но и против широких слоев населения.

Однако и в 30-е годы в среде сотрудников органов госбезопасности было немало честных людей, следовавших традициям чекистов Ф.Э. Дзержинского. Известно, что в период культа личности Сталина были репрессированы и погибли около 20 тысяч сотрудников ОГПУ и НКВД. Это почти половина от числа лиц командного состава Красной Армии и Военно-морского флота, расстрелянных по приговорам особых «троек» и несправедного суда Военной коллегии Верховного суда СССР. Не был исключением и наш Кольский край.

Как известно, до 1938 года Мурман административно входил в состав Ленинградской области на правах отдельного округа. Соответственно окружной отдел НКВД подчинялся Ленинградскому областному управлению, которое в 30-е годы возглавляли Ф.Д. Медведь, а затем А.М. Заковский и М.И. Литвин.

Из архивных документов известно, что в 30-е годы Мурманский окружной отдел НКВД возглавляли В.Г. Кравцов, после него – А.С. Гребенщиков, награжденный «за самоотверженную работу по борьбе с контрреволюцией» орденом Красной Звезды, а позже А.К. Уралец и Д.К. Горик. Как правило, все начальники окротдела НКВД входили в состав бюро окруккома ВКП(б). Документы госархива нашей области сохранили и другие имена руководителей отдела – Н.Ф. Малинина, А.Д. Иванова, секретаря парткома окротдела НКВД в 1937 году П.В. Терехова.

Руководящие кадры Мурманского отдела НКВД менялись довольно часто. Но можно выделить как бы три «тура» массовой замены кадров сотрудников. Первый – после убийства С.М. Кирова, второй – в 1937 году и третий – в канун Великой Отечественной войны. Перетасовка кадров также была трех видов: одни шли на выдвижение за «заслуги» в разоблачении «врагов народа», других перебрасывали из района в район, третьи убивались из органов и арестовывались.

Эти перестановки можно наглядно проследить на примере хотя бы Ловозерского района. В начале 1937 года начальником райотделения НКВД здесь работал Н.И. Гусев. Но вскоре выяснилось, что его брат – троцкист. Гусева уволили из органов НКВД, а на смену ему прислали пе-

кого И.М. Михайлова, который и создал пресловутое дело о «заговоре саамов» против Советской власти. После этого Михайлов, как говорится, пошел в гору, и с октября 1938 года Ловозерское райотделение возглавил И.Б. Карасев.

Не располагая полной и системной информацией о деятельности органов НКВД на Мурмане в 30-е годы, нельзя судить о ней со 100-процентной достоверностью. И все же, изучая имеющиеся архивные документы, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, органы НКВД обеспечивали такие важнейшие участки работы по обеспечению безопасности нашего государства, как охрана границы, борьба со шпионажем и диверсиями, организуемыми империалистическими спецслужбами, сохранность государственных и военных тайн, охрана социалистического имущества.

В связи с этим нельзя не вспомнить двух настоящих чекистов ленинской школы – заместителя начальника Ленинградского областного управления НКВД Ф.Т. Фомина (автор книги «Записки чекиста») и начальника пограничной службы Мурмана конца 30-х годов комбрига К.Р. Синилова. Совсем недавно стало известно, что Кузьма Синилов, будучи курсантом военной школы ВЦИКа, участвовал в похоронах В.И. Ленина и стоял в почетном карауле у его гроба. А многие мурманчане знают, что в октябре 1941 года, в самое тяжелое время обороны столицы, он был назначен комендантом Москвы.

Во-вторых, формально органы НКВД не выходили из-под контроля партии и государства. И там, где были сильные и принципиальные секретари райкомов ВКП (б), районные отделы внутренних дел «соблюдали партийную субординацию». Да и на окружном, областном, уровне многое в деятельности НКВД зависело от первого секретаря, от его авторитета, силы, ума и принципиальности. Так, при секретаре окружкома ВКП(б) А.И. Абрамове, до 1936 года, окружные органы НКВД «не забывались и не зарывались». И при М.И. Старостине с 1939 года «пыл» энкэведистов притух. Правда, часто вступали в силу другие факторы, выходящие за рамки Мурмана: служебная подчиненность по вертикали, указания свыше, «спецдирективы».

О деятельности органов НКВД по выявлению и разоблачению «врагов народа» «Полярная правда» в годы перестройки писала довольно часто. Сотни, тысячи северян стали безвинными жертвами сталинских кровавых репрессий. Это объясняется не только общей «шпиономанией», охватившей страну в тридцатые годы, но и качественным составом органов НКВД, куда пришли беспринципные, малограмотные люди, карьеристы.

Почти все сотрудники Мурманского управления НКВД имели низшее образование, большинство не отличалось и общей культурой. О работниках такого типа почетный гражданин города Мурманска, а в 1938 году «враг народа», Семен Иванович Кулешов говорил так: «Для них-то

главное, чтоб список был, да побольше – глядишь, и наградят за раскрытие крупного заговора».

Но были на Мурмане и другого типа работники НКВД – честные, совестливые, принципиальные – настоящие чекисты из числа правдолюбцев эпохи Феликса Дзержинского. Их было, по всей видимости, немного, но они были. Они не хотели преступать закон, боролись с произволом и вседозволенностью. Их упрекали в «мягкотелости» и «непонимании» обострения классовой борьбы, наказывали за «служебные упущения» и, в конце концов, репрессировали.

1 июня 1937 года Мурманский окружком ВКП(б) исключил из партии сотрудника НКВД, коммуниста с 1929 года А.И. Коца. Официальное обоснование партийного взыскания – связь с братом-троцкистом, защита его, нежелание отречься от «врага»-родственника. Служебные версии обвинения – «чистоплюй», «борец за правду». После исключения из партии и увольнения Абрам Израилевич Коц прошел все круги ада – арест, допросы, пытки и смерть.

7 августа 1937 года бюро Кировского райкома партии объявило выговор («за притупление политической бдительности») начальнику районного отделения НКВД, члену ВКП(б) с августа 1921 года С.Г. Новику. На партийном собрании ему было предъявлено обвинение в том, что он «самоустранился» при расследовании диверсии на АНОФ-1, а из девяти арестованных осудили лишь одного. К тому же жена его была связана с «врагами народа» – Шатовым, Гайко, Мосеевым, Раввич. У нас нет сведений, что случилось с Новиком дальше, но в Кировске в 1938 году был уже новый начальник райотделения НКВД – Налитухин.

Найти повод для обвинения честных чекистов в ту пору не составляло труда. Если не было темных пятен в биографии, то их находили в повседневной жизни и деятельности. Тем более что не все чекисты 30-х годов были святошами. Судя по документам первичной парторганизации, в управлении постоянно «клокотали страсти»: ругали выбывшее начальство, сводили счеты друг с другом, многие рвались на повышение.

Одним из первых несправедливо пострадавших чекистов в ту пору был и комендант Мурманского окружного НКВД Х.К. Лимендрик. За то, что он пытался стоять на страже закона и правопорядка, воспротивился произволу отдельных сотрудников НКВД, его исключили из партии, уволили из органов и 6 июня 1938 года арестовали.

Приблизительно в это же время были репрессированы еще несколько сотрудников НКВД в Мурманске. Среди них были такие чекисты, как Резе, Егоров, Айзенштадт, Мятта.

А.И. Резе был немцем по национальности (родился в 1903 году), и потому его сделали «агентом германской разведки». За два года работы на Мурмане (1936–1938 гг.) Александр Иванович Резе приобрел многих друзей из числа товарищей по службе. И вот в 1938 году стали вспоминать, с

кем он близок (среди других называли фамилию Янишевского), кто его поддерживал (бывшие руководители НКВД Мурманского округа В.Г. Кравцов и И.Т. Салоимский).

Вспомнили еще одного человека, некоего Давжинова, который восстанавливал А.И. Резе на работе в органах после увольнения из-за «подозрительного» отца и прислал его в Мурманск.

Еще меньше мы знаем о другом преследуемом в 1937–1938 годах чекисте – Егорове. Дело в том, что в отделе работали двое Егоровых – Г.Н. и В.Г., один из которых в 1935–1936 году входил в состав парткома окротдела НКВД. Видимо, речь идет о Г.Н. Егорове, потому что гонения на него зафиксированы в протоколах парткома окротдела НКВД. Официальный повод осуждения – «пьянство», но уже в начале 1938 года о Егорове говорят как о разоблаченном «троцкисте». На основании этих ярлыков – «пьяница» и «троцкист» – и была сломана жизнь чекиста Егорова.

Что касается Айзенштадта, то его обвинили в трех смертных грехах: во-первых, что заступился за троцкиста А.И. Коца, когда того исключали из партии. Во-вторых, что, работая в Мончегорске, покрывал «врагов народа» Сакварелидзе и Серегина. В-третьих, что сам допускал серьезные промахи в работе (в протоколе сказано так: «смазал несколько контрреволюционных дел»).

И.М. Мятта был одним из «ветеранов» Мурманского отдела НКВД, он работал здесь с 1932 года. В том же году он вступил в партию. При В.Р. Менжинском и Ф.Д. Медведе ему работалось легко, его ценили. В 1933 году ему поручили первое крупное дело – разоблачение «финских шпионов». Мы не можем судить, насколько оно достоверно, у нас нет просто веских документов. Но Иван Михайлович, наверное, почувствовал натянутость многих обвинений и тяжесть кары, свалившей на мурманских финнов. И когда ему приказали продолжить «работу» по преследованию финских колонистов, он стал более осмотрительным. В 1934–1935 годах выпустил из-под ареста Саурена, Арвелу и других финнов «по недоказанности вины». Защищал арестованных финнов Ивонена и Рояла, а также саама Осипова. Вполне естественно, это не понравилось его начальству. И в 1936 году его пытались исключить из партии. Но это не удалось; шквал репрессий в Мурманске начнется лишь с осени 1937 года.

Один из руководителей окротдела НКВД А.Д. Иванов чуть позже говорил: «В 1937 году по моему настоянию были арестованы контрреволюционные националисты Петерсон, Салло, Луома, Тоффери, Суорса и другие. Это дело было поручено вести Мятте, как человеку, знающему финский язык. Но он с самого начала саботировал следствие. А при допросе финского перебежчика Кивимяки даже пытался повернуть дело в пользу последнего».

Иван Михайлович Мятта, один из немногих сотрудников Мурманского отдела НКВД, имел базовое среднее образование, затем кончил Ком-

вуз в Ленинграде, был единственным в окротделе НКВД переводчиком с финского языка. И вдруг тот же Иванов бросил ему обвинение: «Мятта не разоблачил ни одного финского шпиона». К хору обвинителей присоединились и другие сотрудники. И.М. Михайлов говорил, что А.И. Резе, А.М. Мятта, А.И. Коц и Г.Н. Егоров – «одна компания». Проживавший в квартире вместе с Мяттой сотрудник отдела Халиулин подтвердил его «моральное падение». Тощенко вспомнил, что Мятта «пил в марте 1937 года во время командировки»...

И.М. Мятту обвинили в саботаже операции против финнов, в национализме, пьянстве, симуляции болезни и контрреволюции. И несмотря на возражения, что он не «махровый контрреволюционер», 10 января 1938 года Мятту исключили из партии «за систематическое пьянство, связь с социально чуждыми элементами, за проявленный национализм и саботаж в оперативной работе».

Но и этого руководству окротдела показалось мало, и оно стало стряпать групповое дело. Заместитель начальника окротдела НКВД А.Я. Тощенко резюмировал: «Группа сложилась не случайно, а создана шпионом Резе, который использовал националиста Мятту, пьяницу Егорова и троцкиста Коца». А на отчетно-выборном собрании парторганизации Мурманского отдела НКВД в начале 1938 года было зафиксировано в позитивной части протокола: «Своевременно был разоблачен шпион-националист Мятта, исключены из партии... Мартюков, Барановский, Фадсеев».

Как свидетельствуют эти и другие факты, многие сотрудники УНКВД протестовали тогда против беззаконий, писали по этому поводу рапорты и заявления, увольнялись из органов по собственной инициативе, вплоть до получения отрицательных характеристик (им приписывали пьянство, недисциплинированность, халатность, разврат).

Гонения и преследования коснулись не только сотрудников районных и окружного отдела НКВД, но и работников, так сказать, смежных органов. Так, в январе 1939 года бюро Мурманского обкома ВКП(б) исключило из партии П.В. Владимирова, помощника оперативного уполномоченного особого отдела Северного флота. В Полярном его исключили из рядов ВКП(б) еще 26 ноября 1938 года, и он был арестован.

Чуть раньше был репрессирован Григорий Алексеевич Минаев, в свое время работавший помощником начальника политчасти погранотдела НКВД, реабилитированный по заявлению и просьбе сына Мурманским обкомом КПСС.

В мае 1939 года был «разоблачен» еще один сотрудник Мурманского управления НКВД – Г.И. Жогло. Вся его вина состояла в том, что отец служил в царской армии, получил за храбрость четыре боевых медали, а после революции честно трудился на земле, а потому попал под раскула-

чивание и арест. За то, что не донес на отца, Г.И. Жогло был уволен из органов. Какова была его дальнейшая судьба, мы не знаем.

Хотя основная масса мурманских сотрудников НКВД честно «отрабатывала свой хлеб с маслом» (без «дела» они действительно не сидели), при обнаружении вопиющих нарушений законности при следствии и дознании начальство было вынуждено предпринимать «очистительные» меры. Так, перед самой Великой Отечественной войной в Мурманске состоялся суд над бывшими работниками окружного, позже областного, управления НКВД.

Военный трибунал войск НКВД Ленинградского военного округа пришел к выводу, что «в конце 1937 года, вскоре после того, как начальником Мурманского окружного (отдела) НКВД был назначен старший лейтенант госбезопасности А.С. Гребенщиков, а его заместителем – лейтенант госбезопасности Н.С. Попов, начали внедряться незаконные методы следственной работы, выразившиеся в том, что к отдельным арестованным, не дававшим показаний с признаниями в предъявляемых им обвинениях, стали применяться физические методы воздействия.

Кроме того, в мае 1938 года в следственной работе Мурманского окротдела НКВД приняла участие выехавшая в Мурманск бригада работников НКВД Ленинградской области, которые своим примером еще большего применения тех же мер физического воздействия при допросах арестованных втянули в незаконные методы ведения следствия почти весь аппарат окротдела НКВД». После отстранения от работы и последующего ареста заместителя начальника Мурманского УНКВД П.И. Малинина, руководителей отделения А.Я. Тощенко, П.В. Терехова, В.П. Школина и начальника Мончегорского (а до того – Ловозерского) РО НКВД И.М. Михайлова в их кабинетах были обнаружены черновые проекты протоколов допросов, заготовленных по заранее разработанным схемам, перехваченные письма арестованных, адресованные в ЦК ВКП(б) с жалобами на их незаконный арест и методы следствия, другие доказательства преступных деяний бывших сотрудников НКВД.

На суде, проходившем с 15 по 23 марта 1941 года в Мурманске, подчеркивалось, что из пяти обвиняемых руководящих сотрудников НКВД лишь у одного было среднее образование, а у остальных – лишь начальное, что на незаконные деяния все они шли исходя из карьеристских побуждений.

О моральном облике этих бывших сотрудников Мурманского отдела (управления) НКВД свидетельствовали вскрытые на суде факты фальсификации ими дела на своего близкого знакомого и товарища по работе – коменданта окружного отдела НКВД Х.К. Лимендрика, которому как никому другому была хорошо известна вся подноготная работы НКВД.

Суд военного трибунала приговорил всех пятерых бывших сотрудников Мурманского УНКВД к длительному тюремному заключению

(от 7 до 10 лет), а в отношении других руководителей (Гребенщиков, Попов, Уралец, Юдашкин, Карпов) и ряда следователей (Кирсанов, Шкаревский, Масляев, Казанский и др.) выделил материал в особое производство.

Это очищение аппарата Мурманского управления НКВД от карьеристов и проходимцев в предвоенные годы имело два положительных момента. Во-первых, органы внутренних дел и госбезопасности на Кольском полуострове пополнились за счет здоровых сил и вступили в войну обновленными и окрепшими, что и позволило им решать сложные задачи в условиях прифронтовой области.

Во-вторых, Мурманская областная парторганизация получила хороший повод усилить контроль над органами НКВД. Выступая на партийном собрании в управлении НКВД, первый секретарь Мурманского обкома ВКП(б) М.И. Старостин по поводу случившегося говорил так: «Произошло это потому, что враги крепко поработали в органах, стараясь оторвать от парторганизации сотрудников, оторвать их от жизни. Вражеская установка – не считаться с парторганизациями... отражалась на следствии. Как ни странно, а многие коммунисты – чекисты оказались безграмотны, и особенно начальники».

Но Максим Иванович не сказал главного: в случившемся был виноват и обком ВКП(б), который должен был знать о том, что в аппарате НКВД были постоянные склоки, подсиживания друг друга, сведение личных счетов, мелочные обиды, что руководящий состав работал в отрыве от парторганизации.

...С тех пор прошли десятилетия. Россияне воочию увидели, к каким тяжелым последствиям ведет отступление от законов и конституционно-правовых норм.

О РЕАБИЛИТАЦИИ

В истории России было все: варварство и язычество, иноземное иго и воссоединение славян, просвещенный абсолютизм и крепостничество, бесконечные войны и несомненный вклад в развитие мировой культуры. Особенно был щедр на события недавно закончившийся XX век: три революции, две мировые войны, несколько малых войн, голод и террор. Но как человек, переживший болезнь и спасшийся от смерти, пересматривает свое поведение, оценивая реально прошлое, так и наше общество анализирует прошедшие времена и делает определенные выводы.

Для россиян XX век был великим испытанием – попытка построить справедливое, социалистическое общество в одной отдельно взятой стране окончилась, к сожалению, неудачей. Вместо общества равных возникла командно-административная система, вместо гегемонии пролетариата утвердился тоталитарный диктаторский режим, вместо демократии в стране стали царить произвол, беззаконие и террор.

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 года, осуждение культа личности, пересмотр внутренней и международной политики СССР приоткрыли тщательно скрываемые «тайны Кремля» и истинные масштабы репрессий. В пору «хрущевской оттепели» началась работа по реабилитации сотен тысяч граждан нашей страны, безвинно пострадавших от произвола и террора. В 50-е годы тысячи заключенных (вспомните кинофильм «Холодное лето 53-го...») были освобождены из лагерей и тюрем, с них были сняты ложные обвинения и ярлыки «врагов народа». Хозяйственные и партийные руководители, ученые и командиры Красной Армии, деятели культуры и священнослужители, инженеры и государственные служащие, рабочие и крестьяне, все, кто уцелел в лагерях и поселениях, могли вернуться в родные места, к своим семьям и близким, они были полностью реабилитированы.

Так начался новый этап в истории России и ее граждан, одним из компонентов которого стала политика реабилитации.

Новейший словарь иностранных слов и выражений так определяет понятие «реабилитация» (ср. – лат. *rehabilitation*): 1) восстановление доброго имени, репутации несправедливо обвиненного, осужденного или опороченного лица; 2) вынесение оправдательного приговора при пересмотре дела, постановление (определение) о прекращении уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием состава преступления или за недоказанностью участия в совершении преступления, а также постановление о прекращении дела об административном правонарушении; 3) комплекс медицинских, педагогических и иных мер, направленных на восстановление (или компенсацию) нарушенных функций организма и трудоспособности больных и инвалидов.

Не рассматривая третью часть вышеприведенного определения, мы можем сказать, что реабилитация может носить как юридический и общественно-политический характер, так и частный, нравственно-психологический колорит. Реабилитация жертв политических репрессий в СССР – это не только официальное признание ошибок прошлого (как руководства страны и правящей партии, так и всего общества в целом: «А где было большинство населения?»), не только восстановление прав жертв трагедий 30–50-х годов XX века, но и увековечение памяти безвинно пострадавших россиян, призыв сегодняшнего и будущих поколений к предотвращению ошибок прошлого и недопущению новых политических трагедий. Рассмотрение проблем репрессий и реабилитации заставляет нас, граждан XXI века, еще раз задуматься о покаянии и добродетели, о борьбе и о законности, о восстановлении исторической правды и справедливости.

Реабилитация – сложный и многообразный (и не только судебно-юридический) процесс. Он в России шел несколько десятилетий, и я не уверен, что он закончен, во всяком случае, в душах и памяти россиян старшего поколения, их детей и внуков. Реабилитация шла на нескольких уровнях: партийно-коммунистическом, государственном, периферийно-провинциальном и семейно-личном. Как бы мы сейчас ни относились к Н.С. Хрущеву, но его доклад XX съезду КПСС в феврале 1956 года «О культе личности и его последствиях» (хотя ряд политических оценок подвергается сомнению и критике) был толчком к ревизии всего сталинского периода истории СССР, к раскрытию тайн репрессивной политики государства. Но при этом историки часто забывают, что еще в 1955 году была образована специальная комиссия для изучения материалов о массовых репрессиях членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съезда партии, и других советских граждан периода 1935–1940 годов (в ее состав вошли секретари ЦК КПСС П.Н. Поспелов и А.Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н.М. Шверник, заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС П.Т. Комаров).

Анализируя документы и воспоминания, мы видим, что процесс реабилитации политических жертв репрессий 30–50-х годов был длительным и непростым. Сразу после смерти И.В. Сталина, в 1953–1956 годах, были отменены противозаконные указы, постановления, распоряжения и указания – от Указов Президиума Верховного Совета СССР и постановлений ЦК ВКП(б) – КПСС до решений всех репрессивных органов. Были ликвидированы особые совещания и комиссии НКВД, чрезвычайные «двойки» и «тройки» на местах. При прокуратурах были созданы отделы по надзору за следствием.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, отчитываясь о своей работе с октября 1952 по январь 1956 года, докладывал: «В результате разоблачения Центральным Комитетом КПСС банды Берия – Абакумова и их сообщников выяснилось, что они, злоупотребляя властью, творили во-

пиющий произвол, грубо нарушали социалистическую законность — без всяких оснований зачисляли в число врагов народа честных и преданных партии работников, пытались поставить органы государственной безопасности над партией». В этом отчете упоминается и так называемое «ленинградское дело», сфабрикованное в последние годы жизни Сталина, когда «беспринципно, без тщательной проверки, исключали из партии по необоснованным и искусственно созданным обвинениям по так называемым «связям с антипартийным руководством». КПК пересмотрел эти дела и восстановил в партии 170 коммунистов. Среди них были и мурманчане, в т.ч. второй секретарь Мурманского обкома ВКП(б) А.Д. Вербицкий. В «Книге Памяти жертв политических репрессий» на странице 64 есть о нем справка: «Вербицкий Александр Дмитриевич, 1904, г. Санкт-Петербург, русский... Арестован 25.08.49, ст. 58-9-10-11. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР. ВМН. Расстрелян 28.10.50. Реабилитирован 30.04.54. Верховным судом СССР».

А между тем реабилитация набирала обороты. 16 апреля 1957 года КПК подготовил новую справку, где говорилось, что только за последний год (с марта 1956 по март 1957 года) было рассмотрено 2 323 заявления лиц, исключенных из партии в 1937–1939 годах по политическим обвинениям и реабилитированных судебными органами.

В отчете о работе КПК при ЦК КПСС за период с XX по XXII съезды КПСС (1956–1961) приводились сводные данные: реабилитированы в партийном отношении 30 954 коммуниста (многие посмертно). Среди них 3 693 бывших руководящих партийных и комсомольских работника, 4 148 руководящих работников советских органов, 6 165 руководящих хозяйственных работников, 4 394 командира и политработника Советской армии. Среди реабилитированных военнослужащих были и северяне: командующий Северным военно-морским флотом флагман I ранга К.И. Душенов, расстрелянный 4 февраля 1940 года, начальник штаба Северного флота, капитан I ранга П.С. Смирнов, командир бригады подводных лодок К.Н. Грибоедов и др.

Во время этой первой волны реабилитации я работал в Мончегорске и видел людей, возвратившихся из лагерей и тюрем. Коммунисты были восстановлены в партии, их обеспечили жильем и работой. Так, Петр Васильевич Лавров, 1907 года рождения, работавший в 30-е годы заведующим отделом редакции газеты «Полярной правды» и арестованный как враг народа в 1937 году, вторично был репрессирован после войны, и все же дождался восстановления истины. Он был реабилитирован 10 октября 1955 года по обоим судимостям и стал директором профтехучилища № 1 в Мончегорске.

Вольф Семенович Угер, работавший председателем артели «Беломор» в Терском районе и арестованный 14 августа 1937 года, был реабили-

тирован 9 января 1956 года Мурманским областным судом и стал работать в Мончегорске директором обувной фабрики.

Адам Францевич Радзивилевич после реабилитации возглавил автотранспортный цех комбината «Североникель», Макаров (к сожалению, не помню имени-отчества) стал директором механического завода.

Все они активно включились в производственную и общественно-политическую жизнь, но о своем прошлом, о тюрьмах и лагерях предпочитали помалкивать (все они давали подписку о неразглашении тайн ГУЛАГа).

Реабилитация граждан, репрессированных за так называемые «контрреволюционные преступления» особенно активизировалась, как мы уже говорили, после XX съезда КПСС и принятого 20 июня 1956 года постановления ЦК партии «О преодолении культа личности и его последствий». В 1954–1961 годах в СССР было реабилитировано более 700 тысяч человек. И хотя во многих регионах страны дела о контрреволюционной деятельности больше не рассматривались, формулировки об антисоветской агитации из Уголовного кодекса 1926 года продолжали действовать. Как утверждают некоторые историки, пик послесталинских репрессий приходился на 1957 год и в основном по все той же пресловутой 58-й статье, пункт 10 (антисоветская агитация и пропаганда), и только в 1961 году в Уголовном кодексе появилась статья 190-1 «Заведомо ложные измышления».

Однако в 60-е годы XX века работа по реабилитации была как-то свернута, приостановлена. Причина заключалась в том, что многие тогдашние руководители СССР и КПСС, и в первую очередь сам Н.С. Хрущев, были замешаны в «грязных» делах минувших лет, и под многими «расстрельными списками» стояли их подписи. Члены Политбюро ЦК КПСС опасались разглашения документов о творимом произволе и нарушении законов в период массовых чисток и борьбы с врагами народа.

С начала 60-х годов пересмотр архивно-следственных дел стал вестись лишь по личным заявлениям самих репрессируемых или их родственников. Допуск в архивы стал вновь ограничиваться – «оттепель» закончилась. Дискуссии о политическом терроре стали прекращаться, а суть происходящих при Сталине общественных процессов стала искажаться. К сожалению, в брежневские времена, которые сейчас иногда называют «периодом застоя», работа по реабилитации продолжала постепенно свертываться. Более того, кое-где начался процесс «молчаливого» оправдания беззаконий. Это проявлялось и в замалчивании трагических событий прошлого – негласном запрещении темы репрессий как в художественной, так и в исторической литературе, и во все большем и частом упоминании имени Сталина в положительном свете.

Итак продолжалось до периода перестройки. Но 28 сентября 1987 года новое руководство СССР приняло решение о дополнительном изучении всех материалов, так или иначе связанных с репрессиями «сталинской эпохи» (30–40-е годы и начало 50-х) – процесс реабилитации возобновился

как в центре, так и на местах. Следует особо подчеркнуть, что указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года, объявляющий массовые репрессии сталинских времен актами антиконституционного порядка, был принят по инициативе Комитета государственной безопасности СССР. В соответствии с этим Указом работа по пересмотру всех дел репрессированных была активизирована и в течение двух последующих лет, в основном, была завершена. Согласно Закону РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», принятому 18 октября 1991 года были пересмотрены все дела, хранящиеся в архивах страны, на жертв политических репрессий на территории России с октября 1917 года до конца столетия. И еще один момент следует отметить, что в этой многообразной и сложной работе по реабилитации принимали участие не только правоохранительные органы (суды, прокуратура, НКВД, КГБ), но и общественные организации (профсоюзы, ВЛКСМ, «Мемориал» и др.) и КПСС. В свое время (в 80-е годы XX века) мне, как историку, приходилось консультировать сотрудников партаппарата Мурманского обкома КПСС по следственным делам коммунистов. Тогда при обкоме действовало специально созданная комиссия по реабилитации репрессированных коммунистов (ее возглавляли сначала Н.И. Новожилов, потом – Новоселов), и члены этой комиссии (большинство их было общественниками) немало сделали для восстановления честного имени партии коммунистов.

Жители Мурманской области (а до этого Мурманского округа Ленинградской области) пережили все трагедии массовых репрессий 30–50-х годов, причем происходило это двояко: во-первых, и у нас, на Кольском полуострове шли бесконечные аресты вредителей, шпионов, агентов зарубежных разведок, иностранных резидентов, т.н. врагов народа; во-вторых, в местах индустриального строительства (в Хибинах, у Канда-лакши, в Монче-тундре, на реке Тулома) один за другим открывались лагеря заключенных. Они строили дороги, промышленные объекты, электростанции, создавали инфраструктуру Мурманского края. Рядом с ними работали высланные из родных мест кулаки и «подкулачники». Семьи кулаков, а их только в Хибинах насчитывалось более 20 тысяч и среди них было много детей, инвалидов и стариков, были свидетелями еще большего горя, что пережили они: сосланные крестьяне видели тяжелую участь «зэков», лишенных свободы и права на достойную жизнь.

Я в ту пору (в 30-е годы) жил в Мончегорске, где отец работал лесорубом в леспромхозе, а мы с сестрой учились в школе. И оба эти процесса репрессивного свойства протекали на наших глазах. После убийства С.М. Кирова (1 декабря 1934 года) каждое утро мы узнавали, что ночью кого-то арестовали из соседей (как тогда говорили «милиционеры увели с собой»). На вопросы: «За что?» «В чем провинился?» – взрослые лишь пожимали плечами, а между собой делились догадками: «Кто-то заложил», «За слово», «За язык». Арестовывали начальников и инженеров, бухгалте-

ров и рядовых конюхов, сторожей, кладовщиков. Вскоре начались задержания нацменов: финнов, прибалтов, немцев. В «Шанхае» (был такой поселочек на Монче) арестовали несколько китайцев, пополз слух — «они шпионили для Японии».

И так было не только в Мончегорске. Мурманчанка Мария Ильинична Каланчина рассказывала мне, что в их классе (она училась в 34-й школе) в 1937 году у 8 учеников из 24 родители были арестованы как враги народа. И называла их фамилии: Исаков, Васильев, Копырин. А Семен Иванович Кулешов, чудом выживший в этой «свистопляске», называл имена североморских военных, с которыми он сидел в мурманской тюрьме — К.Н. Грибоедов, капитан I ранга, командир бригады подводных лодок и Л.М. Рейснер, капитан II ранга, брат известной писательницы Ларисы Рейснер.

Нескончаемые аресты и задержания скрывались, они производились либо по ночам, либо вне населенных пунктов (В.И. Кондрикова, управляющего трестом «Кольстрой», например, арестовали по дороге в Мончегорск, на ст. Имандра; командующего Северным флотом К.И. Душенова по пути в Ленинград, в Волховстрое). Об этом не писали в газетах, не говорили по радио. А если и появлялась какая-то информация, то она носила политический успокаивающий характер: надо бороться с троцкистами, бухаринцами, надо досрочно выполнить пятилетку, а «враги народа» мешают.

Нашу семью спасли от репрессий два обстоятельства: родители были малограмотны (а мать вообще неграмотна) и ни в каких политических дискуссиях или спорах никогда не участвовали (даже на кухонно-квартирном уровне); к тому же отец всю неделю проводил со своей бригадой на лесоучастках и приезжал в поселок (на Мончу) только на выходной день — ему некогда было с кем-то общаться (как он говорил, «чесать языки»), а в бригаде «стукача», как видно не было.

Второй этап репрессий (в 40-е годы) я застал уже взрослым человеком. В армии, а я служил в 1943–1950 годах, мне с этой проблемой сталкиваться не приходилось. О темных делах этой поры (включая т.н. «ленинградское дело», борьбу с космополитизмом, евреями и идеологическими «извращенцами») я могу судить только как историк, а не свидетель, а что касается последних лет жизни Сталина, то действительно это были жуткие времена: арестовывали тех, кто отсидел сроки после тридцать седьмого года, тех, кто начинал рассказывать о приключениях в лагерях НКВД. Арестовывали всех недовольных Советской властью, всех, кто ругал Сталина и его окружение.

...И опять — вновь и вновь встают вопросы: В чем же причины трагедии, пережитой советскими людьми в 30–50-е годы прошлого века? Почему граждане Советского Союза, сокрушившие в трех революциях царизм и самодержавие, победившие в ряде войн, пережившие нужду и голод, устоявшие против внутренних и внешних врагов в Гражданскую войну, строя-

щие новое социалистическое государство, так смиренно склоняли головы перед беззаконием и произволом, не сопротивлялись злу и силам террора, не отстаивали свое право на жизнь и счастье? Отвечая на них, кандидат исторических наук С.Н. Дашинский писал: «Невозможно дать на это однозначный ответ. И все же внимательно вглядываясь в то, что происходило на Кольском полуострове, пытаемся разобраться.

Определенно должно быть отмечено и поставлено на первое место то, что в нашей стране отсутствовали демократические традиции: их душили столетиями крепостное право, самодержавие. Мало что изменилось и после Октябрьской революции, которую замыслили, готовили, осуществляли и направляли как раз на то, чтобы покончить с произволом самодержавия, добиться для всех людей равных прав и свобод. Но с 1917 года страна находилась в осажденной крепости – в капиталистическом окружении, и тут было не до демократии: только бы выжить. Термин “военный коммунизм” точно соответствует духу того времени. После гражданской войны кое-что делалось для продвижения страны к демократии. Были ликвидированы ревтрибуналы, наказания стали осуществляться главным образом по судебным приговорам. Но в 1929 году разразился мировой экономический кризис, и у главных капиталистических стран возник соблазн решить свои собственные проблемы за счет СССР, где в это время проводилась насильственная коллективизация, стали применяться внесудебные репрессии. К тому же И.В. Сталин извратил общепринятое понимание демократии, выдвинул ошибочный тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. В 1933 году в Германии пришел к власти Гитлер, а это означало неизбежную войну и обострение политических репрессий внутри нашей страны. Сигналом к новой волне несправедливостей стало убийство 1 декабря 1934 года в Ленинграде С.М. Кирова, которое, как теперь хорошо известно, произошло на чисто бытовой основе, но широко использовалось И.В. Сталиным для расправы со своими явными и мнимыми противниками. Сокращались до десяти дней сроки следствия о террористических актах против представителей Советской власти. Обвинение вручалось за сутки до суда. Дела рассматривались без прокуроров и адвокатов. Обжалование не допускалось. Приговоры к высшей мере наказания приводились в исполнение немедленно.

Тогдашние руководители страны, опьяненные всевластием, безнаказанностью и безответственностью перед кем-либо, в том числе и перед собственным народом, шли дальше. Аналогичный порядок был введен с 14 сентября 1937 года и по делам о вредительстве и диверсиях».

«Мне представляется, – говорил далее Дашинский, – что одна из главных причин этого беззакония лежала не только в сфере политики, но и экономики. К вредительству в то время относили все что угодно – любую аварию, пожар, рухнувший пролет цеха или автомобильный мост, железнодорожную катастрофу, нарушение технологической дисциплины. По-

добрых случаев хватало, и действительно могло создаться впечатление, особенно в воспаленном мозгу, что действуют мощные и глубоко законспирированные организации, занимающиеся вредительством.

Но причина была в другом. Тонущие в море или даже у причалов суда, разрушавшиеся железнодорожные пути, обвалы в шахтах – все это происходило не по чьей-то злой воле, а по вполне объяснимым причинам: от усталости металла, халатности или неумения людей. Все это усугублялось тем, что на производстве оказалась масса необученных крестьян, насильно вырванных из деревни, которые не имели ни малейших навыков работы на предприятиях».

Колесо произвола все больше раскручивала болезненная подозрительность И.В. Сталина, бездумная и жестокая исполнительность его ближайшего окружения. И, конечно, сказались мнительность И.В. Сталина, его холодная беспощадность. Именно он был инициатором репрессий, по его распоряжению они проводились, он подписывал многочисленные списки с сотнями и тысячами фамилий людей, подлежащих уничтожению.

Кольский полуостров, хотя и оставался окраиной страны, не был изолированным от остального пространства, и все, что происходило в Москве, Ленинграде, Центральной России, быстро «аукалось» и здесь.

Далее по вопросу: «За что репрессирован?» С.Н. Дашинский высказывался так: «Чаще всего формальным поводом для ареста, последующего суда и расправы служили так называемые “антисоветские” высказывания человека, которые тут же становились известными НКВД. Никто нигде не чувствовал себя в безопасности: уборщица и командующий Северным флотом, парикмахер и первый секретарь окружного комитета партии, ни сам работник НКВД – каждый в любую ночь мог быть арестован. Единичные, нередко случайные или просто неверно понятые высказывания возводились в систему, превращались в антисоветскую пропаганду. Под нее легко подгонялись и незатейливый анекдот, и пересказанная новость, и безобидная шутка, и ненароком распространенный слух. При этом доходило до нелепостей. В уголовно-следственном деле отца известного финского писателя Свенна Локко записано, что тот вел систематическую антисоветскую пропаганду среди жителей своего села. А этот финн – рыбак и охотник жил не в селе, а на хуторе со всей своей семьей».

Одна из причин многочисленных арестов – показания ранее задержанных. Через них выявлялись и вскоре забирались мнимые соучастники. А это уже контрреволюционная организация. Сколько их напридумывали в области! «Антисоветская вредительская организация в Мурманрыбе», «Антисоветская вредительская организация в «Полярной правде», «Польская националистическая шпионско-диверсионная группа», «Финская контрреволюционная националистическая шпионско-повстанческая организация» и даже «Саамская националистическая повстанческая диверсионно-вредительская организация». Это лишь незначительная часть из «раскрытых» на

Кольском полуострове. Были подобные организации на всех промысловых и транспортных флотах, на Северном флоте, железной дороге, в «Колэнерго» и во многих других более-менее крупных предприятиях, учреждениях и организациях. Через подобные организации подвели под расстрел многих людей, сделавших немало доброго для развития нашего края...

Преступной считалась любая связь с иностранцами. На Кольском полуострове до конца 20-х годов, по сути, не было четкой границы с Норвегией и Финляндией, и многие финны и норвежцы, со времен колонизации Кольского полуострова, когда царское правительство разрешило на определенных условиях участвовать в ней, свободно приходили к нам, селились, обустранивались, жили годами и десятилетиями. В 30-е годы многие из них оказались «шпионами» или осуждались за «нелегальный» переход границы.

Нередко нечестные люди попадались на воровстве, махинациях, растратах, хищениях денег и материальных средств. Но, удивительно, их судили не как обычных воров, а по той же знаменитой 58-й политической статье — за вредительство. Поэтому они сегодня тоже реабилитированы и считаются жертвами политических репрессий. Арестовывали людей практически всех возрастов и профессий. Ночные «вóроны» увозили и дворника, и крупного хозяйственного руководителя. Был расстрелян В.И. Кондриков, человек, строивший комбинаты «Апатит» и «Североникель», города Кировск и Мончегорск. Сгинули ни за что секретарь окружного комитета партии В.К. Шаффилов, секретарь Кировского райкома И.Ф. Шатров, судья Г.Я. Шалыгин, директор Мурманского краеведческого музея В.К. Алымов.

Пострадало много людей творческих профессий и, в первую очередь, журналистов. Больше всего «изъято» их из «Полярной правды» и «Кировского рабочего». В областной газете забрали — не только действовавшего в то время редактора, но и несколько его предшественников, а заодно заместителя редактора, заведующего отделом. Были репрессированы также журналисты Колесников, Лавров, Лазаревич, Ломов, Молчанов, Панышин. Поэт Лев Ошанин, работавший в Хибинах в 30-е годы, составил целый список своих коллег — репрессированных тамошних газетчиков.

Главным оружием в борьбе с собственным народом, которое использовал И.В. Сталин, были органы НКВД. Но и они сами понесли тяжелые потери. В Советском Союзе было репрессировано, как мы уже говорили, более 20 тысяч работников органов. В их числе старые чекисты, соратники Ф.Э. Дзержинского, многие другие честные работники. В нашей области были арестованы и осуждены около 30 работников НКВД. Некоторые — за подозрительное прошлое своих родителей, другие — за мнимые или явные проступки.

Широко практиковались повторные аресты. Людям, отсидевшим в начале тридцатых годов немало месяцев и даже лет в камерах предварительного заключения и освобожденным судами и внесудебными органами,

в конце того же десятилетия вновь предъявлялись прежние обвинения, по прежним статьям, за те же самые явные или мнимые действия. И вторичные приговоры были более суровыми, как правило, высшая мера наказания.

Но оставим вопрос о природе и причинах массового террора в СССР и вернемся к проблемам реабилитации. Еще раз подчеркнем, что перестройка и рожденные ею процессы демократизации, гласности и плюрализма вывели эту тему из забвения, а главное – дали толчок продолжению работы по реабилитации жертв сталинского произвола. Новый политический лидер страны, М.С. Горбачев в 1987 году говорил: «Необходимо оценить прошлое с чувством исторической ответственности и на основе исторической правды. Это надо сделать, во-первых, в силу огромной важности тех лет для судеб нашего государства, судеб социализма. Во-вторых, потому, что эти годы находятся в центре многолетних дискуссий как у нас в стране, так и за рубежом. Наконец, нам нужны правдивые оценки этого и всех других периодов нашей истории особенно сейчас, когда развернулась перестройка: нужны не для того, чтобы сводить политические счета или, как говорится, надирать душу, а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов».

Следуя курсом восстановления справедливости, правды и законности, в 1988–1989 годах и первой половине 1990 года в СССР было реабилитировано более двух миллионов человек. Параллельно шел процесс восстановления доброго имени и чести, необоснованно обвиненных в политических преступлениях и подвергшихся репрессиям членов КПСС. За 1988–1989 годы партийные органы рассмотрели 11 839 персональных дел коммунистов, реабилитированных в судебном отношении, 11 399 из них были восстановлены в рядах КПСС.

Рассматривая в историческом плане проблему репрессий и реабилитации, нельзя забывать массовое и трагическое по своим последствиям раскулачивание крестьян во время насильственно проведенной коллективизации. Уместно вспомнить, что с конца 1929 года до середины 1930 года в СССР было раскулачено свыше 320 тысяч домохозяйств (это не менее 2 миллиона человек), конфисковано имущества на сумму около 400 миллиона рублей. Многие раскулаченные попадали в тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря или отправлялись эшелонами в спецпоселения в отдаленные районы страны, в т.ч. и на Кольский полуостров. По опубликованным данным, только к осени 1931 года было выслано из родных сел, изгнано из своих домов свыше 265 тысяч семей.

Однако общее число репрессированных крестьян значительно превышает эти цифры. В речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников (он состоялся в феврале 1933 года) Сталин привел данные о том, что до коллективизации на каждые 100 дворов в деревне можно было насчитать 4–5 кулацких дворов, 8 или 10 дворов зажиточных, 45–50 середняцких, 35 бедняцких. «Развернув колхозное строительство, – говорил

Сталин, — мы добились того, что уничтожили эту кутерьму и несправедливость, разбили кулацкую кабалу».

Как видим, на каждые 100 дворов в СССР вождь насчитал от 12 до 16 кулацко-зажиточных. Всего же тогда в стране было 25 миллионов крестьянских хозяйств, стало быть, около 3 миллионов из них было занесено в черную графу — подлежали репрессиям. Если учесть, что по данным статистики тех лет, в каждой «кулацкой» семье в среднем было по 7–8 душ, то в разряд крестьян-кулаков, подлежащих ликвидации, как класс, попадало около 20 миллионов человек.

Преследуя политические цели — покончить с оппозицией и остатками эксплуататорских классов, руководство СССР и ВКП(б) нашло дешевую рабочую силу для осуществления планов индустриализации. Это заключенные исправительно-трудовых лагерей «архипелага ГУЛАГ», раскулаченные крестьяне и высланная из центральных городов России интеллигенция. Выступая в 1931 году на Всесоюзной конференции работников промышленности, Сталин говорил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Вопрос о том, какую человеческую цену нужно за это заплатить, Сталина и его окружение не интересовал.

А когда началось разоблачение произвола и беззаконий сталинского периода, когда началась реабилитация жертв политических репрессий, то она коснулась и тех тысяч раскулаченных, что были высланы в 30-е годы в Хибин и Монче-тундру, под Кандалакшу и в Дальние Зеленцы.

Новый виток реабилитированного процесса относится к концу 80-х — началу 90-х годов прошлого века. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС докладывал, что на 1 января 1990 года в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года реабилитировано 807 288 человек, репрессированных по решениям «троек», коллегий и особых совещаний, а также 31 342 человека, привлеченных к ответственности решениями судебных и прокурорских органов. К сожалению, абсолютное большинство граждан (90%) реабилитировано в судебном и партийном отношении посмертно. Принятые решения по вопросам реабилитации доводились до сведения родственников, соответствующих трудовых коллективов и парторганизаций, об этом сообщалось в местной печати (у нас, в частности, в «Полярной правде» и «Рыбном Мурмане»). Тогда же началась работа по составлению поименного списка репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области. А в 1997 году вышла в свет «Книга Памяти жертв политических репрессий (20–50-е гг.)». Это издание, тиражом в 3 000 экземпляров, уже сейчас ставшее библиографической редкостью, ценно не только списком репрессированных (около 7 000 имен), не только биографическими данными о них (когда и где родился, где жил или работал в момент ареста, по какой статье осужден и кем, когда реабилитирован

и т.д.), но и публикацией документов, относящихся к теме «Реабилитация». Это выдержки из Уголовного кодекса РСФСР 1926 года (пресловутая 58-я политическая статья со всеми ее приложениями), Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начало 50-х годов», Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий (с изменениями и дополнениями от 03.09.93), постановление Правительства РФ от 3 мая 1994 года «Об утверждении положения о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий» и т.д. Очень удачно «вписались» в книгу карты ГУЛАГа и исправительно-трудовых лагерей Мурмана, обращение губернатора Ю.А. Евдокимова и вступительное слово тогдашнего начальника УФСБ по Мурманской области Г.А. Гурылева. Губернатор Мурманской области Ю.А. Евдокимов в предисловии к «Книге Памяти жертв политических репрессий (20–50-е годы)» писал: «Неумолимо летит время, и многое, казалось бы такое важное и необходимое, сглаживается в некогда безотказной памяти нашей. У многих из тех, кто был невинным свидетелем или жертвой массовых репрессий, уже кончают школу внуки и их самих с каждым годом становится все меньше и меньше. И вместе с тем с годами все яснее вырисовывается истинная сущность трагедии, охватившей страну в 30-х, 40-х и в начале 50-х годов и не обошедшей нашу область.

Появление настоящего тома «Книги памяти», специально посвященного жертвам политических репрессий, мне представляется событием исключительным. Во-первых, впервые поименно называются все репрессированные жители Кольского Заполярья. Во-вторых, издание этого труда по существу означает завершение процесса реабилитации безвинно пострадавших северян. В-третьих, этот труд сродни официальному документу, который снимает все надуманные обвинения в отношении безвинно осужденных. Справедливость восторжествовала! Дай Бог, чтобы страшные события периода репрессий никогда более не повторились в истории нашего государства».

А руководитель управления ФСБ России по Мурманской области генерал-майор Г.А. Гурылев в предисловии к «Книге памяти жертв политических репрессий (20–50-е гг.)» дополнял и конкретизировал: «В ходе реабилитации были сняты необоснованные обвинения с многих тысяч граждан, приняты меры к розыску их родственников, выданы справки о реабилитации родным, возвращены сохранившиеся в делах документы и письма, сообщены данные о льготах для пострадавших от незаконных репрессий, в соответствии с законом удовлетворены имущественные и иные претензии.

Только за период с 1989 по 1996 год по заключениям органов безопасности, прокуратуры и суда Мурманской области было пересмотрено 3 323 дела, по которым реабилитировано 3 711 человек. Всего же реабили-

тировано свыше 6 000 жителей Мурманской области. По имеющимся данным, за период репрессий на Мурмане осуждено к высшей мере наказания 1 379 человек, к 25 годам ИТЛ – 23, к 20 годам ИТЛ – 42, к 15 годам ИТЛ – 26, к 10 годам ИТЛ – 1 192, к 5 годам ИТЛ – 1 203, к 3 годам ИТЛ – 483, к 2 годам ИТЛ – 49, к 1 году ИТЛ – 37 человек, осуждено условно к различным срокам – 149, направлено в ссылку и выслано из страны – 411 человек.

Некоторым гражданам, повергшимся незаконным арестам, удалось избежать участи осужденных. Так, оправданы судами и военными трибуналами 84 человека, освобождены правоохрнительными органами с прекращением дел – 642.

...В настоящее время правоохрнительными органами Мурманской области пересмотрены практически все архивно-следственные дела тех лет и работа по реабилитации жертв политических репрессий близится к завершению. Так, до 1941 года реабилитирован 91 человек, в 1955–1960 гг. – 2 253, в 1961–1970 гг. – 375, в 1971–1980 гг. – 44, в 1981–1990 гг. – 2 663, в 1991–1997 гг. – 670 человек».

Но главное содержание «Книги памяти» не в предисловии и примечаниях, а в списке репрессированных, списке скорби и покаяния, обращении к добродетелям и милосердию, в идее нашей общей вины перед погибшими и пострадавшими.

Листаю эту книгу и на каждой странице нахожу известные мне по истории и краеведению имена. О некоторых хочется что-то добавить, в других местах что-то уточнить или детализировать. Кого только нет в этом коллективном некрологе! Секретари партийных комитетов и хозяйственные руководители, рыбаки и пастухи-оленоводы, журналисты и сторожа, русские и финны, евреи и саамы, норвежцы и немцы, коммунисты и беспартийные, комсомольцы и пенсионеры, мужчины и женщины.

На первой же странице этого трагического списка читаю: «Абрамов Абрам Израилевич, 1907, г. Россошки Уманского уезда Киевской губернии (Уманский район Черкасской области), еврей. Секретарь Мурманского окружного комитета ВКП(б). Осужден в 1937 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян. Место захоронения – г. Ленинград, Левашевское кладбище». И думаю, а не плохо бы добавить: а) что он возглавлял Мурманскую парторганизацию ВКП(б) с 1930 по 1936 год; б) что мурманчане его звали Андрей Иосифович; в) что его настоящая фамилия Бобрицкий.

На ту же первую букву русского алфавита в списке репрессированных идет Василий Кондратьевич Алымов, на момент ареста директор краеведческого музея (только это учреждение тогда в феврале 1938 года, было не областным, а окружным – область появится в мае). А следом в списке идет его супруга – Софья Петровна, акушерка Мурманской городской больницы. И ведь таких супружеских пар в этом скорбном списке немало – Евстифеевы, Душеновы, Эрштадт и др.

Открываю список на букву «Б», и опять знакомые фамилии: Е.Г. Бабаченко, первый секретарь окружкома ВКП(б) в 1937–1938 годах, П.П. Байрачный, член Военного совета Северного военно-морского флота, сподвижник К.И. Душенова. Оба были репрессированы вне пределов Мурманской области, в Ленинграде, и их следственных дел в Мурманске нет, но составители «Книги памяти» правильно сделали, что включили их в наш список покаяния. То же самое надо было сделать в отношении А.М. Арнольдова (начальник Мурманской железной дороги в 20-е годы), И.Л. Тартаковской (жена В.И. Кондрикова) и геолога В.К. Котульского (он отбывал десятилетнюю ссылку в Мончегорске в качестве консультанта на комбинате «Североникель»).

Да и об Ахматове, предшественнике Абрамова на посту первого секретаря Мурманского окружкома ВКП(б), надо бы сказать больше (почему-то нет ни инициалов, ни времени осуждения, ни статьи УК, ни времени ареста).

Среди репрессированных граждан на букву «В» меня особенно удивили китайцы Ваны. Их 12 человек, причем у четырех из них было гражданство Китая. А какие у них были специальности: Ван Зи-Ху и Ван Зи-Тан – чистильщики обуви, Ван Син-Тин – матрос, еще трое были поварами. Ну какие же это японские шпионы?

В списке репрессированных на букву «Г» есть Альберт Александрович Гейнке, один из немногих выживших в эпоху массового террора. Еще в 80-е годы прошлого века он, проживая в Кировске, вспоминал 1937 год, и тогда можно было уточнить его место работы: АНОФ (управляющий делами) или средняя школа (директор).

Надо бы уточнить и справку на Э.М. Годгильдиева – в ней нет ни одной даты: когда арестован, когда осужден, когда расстрелян. И насколько я помню, он не был вторым секретарем обкома ВКП(б). Все это происходило до создания области (или я ошибаюсь?).

А еще в этом разделе на букву «Г» примечательны две страницы (78-я и 79-я), где перечислены 16 Герасимовых, восемь из них саамы. Александр Григорьевич Герасимов – учитель, Андриан – охотник, Егор – плотник, Ипат – пастух, Макар – оленевод, Никон – служащий в отделе кадров, Сергей – рыбак, Акулина – рядовая колхозница села Восмус. Читаю я эти скорбные страницы и думаю: вот одна из причин, почему число саамов на Кольском полуострове не росло. В годы репрессий была уничтожена лучшая часть саамского населения. И это касалось не только рода Герасимовых. Из клана Матрехиных было арестовано 8 человек, пятеро из них расстреляны. Из саамских семей Осиповых было репрессировано 10 человек, в т.ч. две женщины (Евдокия Ивановна из Рестикента и 25-летняя Анна Андреевна из деревни Юркино Кольского района). Вспоминая репрессированных саамов, считаю своим делом выразить благодарность краеведу и фотохудожнику А.М. Степаненко за прекрасную книгу «Рас-

стрелянная семья», где собраны документальные материалы о репрессиях среди аборигенов Кольского Севера и процесс реабилитации их.

Попутно с репрессированными саамами надо вспомнить и финнов, и норвежцев, и иных, как тогда говорили, «инонационалов», которых в СССР преследовали все тридцатые годы: сначала в связи с начавшейся милитаризацией Кольского полуострова и созданием баз Северного флота, потом в связи с советско-финской и Второй мировой войнами. Я не буду рецензировать последующие списки реабилитированных (это длинный разговор), хотя отдельные замечания все же выскажу. Например, в справке об М.Э. Израэлите правильнее сказать: директор учительского института; почему нет справок о Сорокине и Снегове (о Светове есть, а о Снегове нет); почему есть справка о репрессированном в 1920 году А.А. Ушакове, а нет упоминаний о А.М. Юрьеве (первом «враге народа» на Мурмане) и В.В. Ермолове – главных героях периода 1918–1920 годов; надо бы поправить справку о Г.А. Ключе: во-первых, он был директором Мурманской биологической станции, во-вторых, по поводу его судимости есть другие данные. Почему в списке репрессированных нет мурманчанина С.Н. Кулешова и мончегорца И.М. Кузгинова. И последний штрих – в книге памяти более 70 Ивановых!

И в заключение еще два общих аспекта. Первый – хочется еще раз сказать о полной реабилитации раскулаченных: государство должно выполнить Указ Президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов», где говорилось: «И сегодня еще не подняты тысячи судебных дел. Пятно несправедливости до сих пор не снято с советских людей, невинно пострадавших во время насильственной коллективизации, подвергнутых заключению, выселенных с семьями в отдаленные районы без средств к существованию, без права голоса, без объявления срока лишения свободы. Должны быть реабилитированы представители духовенства и граждане, преследовавшиеся по религиозным мотивам».

И второй аспект. Проблема репрессий и реабилитации все же не снята с повестки дня. Газета «Аргументы и факты» в № 28 за 2007 год писала: «Пресловутый 37-й выделяется даже не массовостью арестов – во время раскулачивания и расказачивания их было, наверное, еще больше. Его уникальность состояла в том, что это были не просто репрессии. По словарю “репрессия” есть “карательная мера, наказание, применяемое государственными органами”. “За подрыв устоев” государство карало священнослужителей, казаков, “кулаков” и “подкулачников” и т.д. В 37-м же арестовывали и вредных, и полезных, и скептиков, и искренне преданных власти, и верующих, и атеистов. Состав “репрессированных” был абсолютно нелогичным, как будто чекисты раскрывали телефонную книгу и тыкали в нее пальцем. Цель, очевидно, состояла уже не в том, чтобы карать виновных, а в том, чтобы навести страх на все общество. Чтобы каждый человек

понял: в любую ночь за ним может приехать “черный воронок”».

Далее автор этой статьи (некто Виктор Тростников) высказал не бесспорные мысли: «Террор в чистом виде длился относительно недолго – до отстранения Ежова в конце 1938-го. Но он произвел на население колоссальное психологическое воздействие. Как ни парадоксально, это злое деяние Сталина как раз и привело к его пресловутому культу, достигшему кульминации именно в 1937-м. Иногда Сталина называют царем; на самом деле он поднялся выше царя.

Хрущев, сменив Сталина, выбрал иной способ возвыситься в глазах народа: гневно осудил террор, хотя репрессии в отношении инакомыслящих применял весьма широко. Предание же анафеме и террора, и репрессий произошло только при перестройке, и тут мы по своему обычаю шахранулись в противоположную сторону: стали избегать применения карательных мер даже по отношению к явным врагам государства».

И попутно еще один аспект. Проблема поисков исторической истины и реабилитации невинных жертв репрессий не будет решена до тех пор, пока не будут полностью открыты архивные фонды. За полвека работы в архивохранилищах я видел «оттепели» и «заморозки», приливы и отливы демократических тенденций в архивном деле. В свое время я одним из первых краеведов познакомился с коллекцией документов репрессированного В.И. Кондрикова (эти 65 дел находятся и сейчас в ГАМО), со следственными делами В.К. Алымова, К.И. Душенова и других. Но никак не могу добиться возможности познакомиться со многими другими документами. И вот, как бы в ответ на мои сетования, читаю пояснение зам. директора Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) Михаила Прозуменщикова: «Закон ограничивает засекречивание документов тридцатью годами. Но он фактически не работает. До сих пор многие документы, созданные в 20–40-е годы и позже, остаются в закрытом хранении. У нас в архиве таких около 60%. И мы сами ничего не можем поделать. Рассекречивает документы Межведомственная комиссия по защите гостайны. Она набирает экспертов, составляет план работы. Процесс тянется неторопливо, потому что чиновникам это особо не нужно. Живуч старый страх – как бы чего не вышло!

Конечно, среди бумаг может попасться документ, до сих пор составляющий гостайну. Но таких может быть 3–5%. Все остальное не представляет интереса для шпионов. Например, в нашем архиве закрыто огромное количество документов по культуре. Классический пример: программа концерта к годовщине Октября. Расписано, кто за кем должен выступать – Кобзон за Зыкиной или наоборот. Когда-то на это поставили гриф “секретно” – так он и стоит».

...Будем надеяться, что процесс демократизации общества коснется и этой проблемы, и процесс реабилитации жертв беззакония будет стопроцентно завершен.

ЭПИЛОГ, ИЛИ ВМЕСТО ВЫВОДОВ

В последние годы XX века интерес к проблеме заключенных и так называемой «зоне» был необычайный. Наши газеты и журналы сделали на эту тему столько публикаций, сколько не было за все предшествующие 70 лет.

Мы узнали, сколько в стране заключенных и сколько их в мурманских ИТК; каковы порядки в исправительно-трудовых учреждениях; каково в области и России положение с преступностью.

А преступность росла, причем непрерывно, с 1987 года: в тот год в Мурманской области было совершено 7 034 преступления. А в 1991 году их число уже достигло 13 207 – рост почти вдвое. Три четверти всех преступлений корыстного и корыстно-насильственного характера (число краж только за 1990–1991 годы увеличилось вдвое).

Так что тюрьмы и колонии и сейчас не пустуют. Академик А.Д. Сахаров в 1973 году обличал Л.И. Брежнева в том, что у него в местах заключения находились 1,7 миллиона зэков. М.С. Горбачев провел в 1987 году беспрецедентную за последние 40 лет амнистию: численность осужденных в СССР за 2 года упала в 2 раза: их осталось 800 тысяч.

Но затем этот показатель вновь менялся в сторону увеличения – в 1992 году в стране было уже 1,2 миллиона осужденных и заключенных.

В обществе идет дискуссия: «Как быть: то ли продолжать политику гуманизации по отношению к заключенным, то ли ужесточать систему наказаний?» Нет единства мнений и по проблеме амнистий, ибо каждая (и в 1953, и в 1967, и в 1977, и в 1987 годах) давала всплески преступности.

Немногие обыватели знают, что амнистия для заключенного может принести либо полное освобождение от наказания, либо замену более мягким, либо сокращение неотбытого срока. Так, по амнистии 1987 года в нашей области было освобождено полностью только 29 человек, но 552 – получили более мягкое наказание, а у 2 493 человек неотбытая часть наказания была сокращена на половину. (В это число входили не только заключенные ИТК, но и люди, стоящие на учете в спецкомендатурах и не лишенные свободы.)

В связи с упоминанием двух последних категорий осужденных нужно сказать, что принудительный труд сотен и даже тысяч «химиков» и условно освобожденных широко использовался в Мурманской области до развала СССР (особенно в 70-х – начале 80-х годов, когда шло расширение комбината «Североникель»).

В 1990 году спецкомендатуру в Мончегорске хотели закрыть, но комбинат подписал договор на 150 человек, и отдел кадров снова начал оформлять условно освобожденных. Их направляли в основном на те участки, где вольнонаемные не находили себе стимулов для постоянной рабо-

ты. Так, бригада грузчиков спецконтингента «закрывала» железнодорожный цех, другая бригада выручала базу орс на разгрузке вагонов.

О дешевизне рабочей силы в данном случае говорить не приходится. Комбинат сполна оплачивает неквалифицированный, непрестижный, но дорогой труд, к тому же содержит общежитие и штат сотрудников комендатуры.

И все же сдвиги в положительную сторону в исправительно-трудовых учреждениях России наметились. Это объясняется двумя причинами.

Во-первых, демократизацией российского общества. Гласность, отстаивание своих прав, борьба с произволом и беззаконием проникли и за колючую проволоку ИТК. И заключенные, и их родственники узнали, что в колонии особого режима положены: одно свидание и одна посылка (вес 5 килограммов) в год; одно письмо в месяц; что осужденный может купить продукты на 17,5 рубля, а 50 процентов заработанных денег останутся на его счету. В соседней колонии строгого режима (ИТК-18) другие порядки. Там заключенный имел право на три свидания в год (причем одно продолжительное – до 3 дней). В колониях появились священники, комиссии общественности, телевизоры. А ведь до 1972 года в лагерях было запрещено даже пить чай.

Вторая причина – в стремлении использовать международный опыт перевоспитания преступников. В 1989 году наше государство присоединилось к «минимальным стандартным правилам обращения с заключенными», принятым ООН еще в 1955 году. Наши руководители исправительно-трудовых колоний побывали в соседних странах, увидели, как решаются эти проблемы там. Конечно, нам далеко до передовых капиталистических стран (так, в ФРГ на 195 зэков есть один психиатр, а в соседней Финляндии заключенные живут по 2 человека в комнате), но использовать их опыт следует.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Книги и монографии общего содержания

- Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время. – М., 1992.
- Архив русской революции, изданный И.В. Гессеном. – М., 1991–1993. – Т. 9, 19.
- Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – М., 1990.
- Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. – М., 1990.
- Гернет М. Н. История царских тюрем: В 5 т. – М., 1960–1963.
- ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. – М., 2000.
- Десталинизация сознания: проблемы и перспективы. Тезисы Соловецкого форума. – Архангельск, 1990.
- Иванова Г.М. История Гулага. 1918–1958. Социально-экономический и политико-правовой аспекты. – М.: Наука, 2006.
- Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток (1933–1937 гг.): Сб. док-тов. – М., 1969.
- История сталинского ГУЛАГа. Конец 20-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: В 7 т. – М., 2004.
- Канал имени Сталина. История строительства / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. – М., 1934.
- Книга памяти политических репрессий 30–50-х годов – Мурманск, 1997.
- Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927–1937 гг.) – Архангельск, 1964.
- Конквест Роберт. Большой террор. – Рига, 1991.
- Кто мы: Сборник материалов и воспоминаний. – Мурманск, 1994.
- Локко С.П. Финны на Мурмане. – Мурманск, 1993.
- Медведев Р.А. Они окружали Сталина. – М., 1989.
- Мельгунов С.Г. Красный террор в России. – М., 1989.
- Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. – М., 1991.
- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. – М., 1998.
- Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956: опыт художественного исследования. – М., 1990.
- Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника В. Чуева. – М., 1991.
- Трифонов И.А. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М., 1975.
- Хрущев Н.С. Мемуары. – М., 1992.
- Чекисты Мурмана рассказывают: Сборник статей и материалов. – Мурманск, 1990.

- Чухин И.И. Каналоармейцы. История строительства Беломорканала в документах, цифрах, фактах, фотографиях, свидетельствах участников и очевидцев. – Петрозаводск, 1990.
- Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). – Мурманск, 1993.

2. Издания, вышедшие за границей

а) на русском языке:

- Авторханов А. Технология власти. – Франкфурт-на-Майне, 1976.
- Андреев Г. (Г.А. Хомяков). Соловецкие острова. 1907–1929 // Грани. – 1950. – № 8–20.
- Зайцев И.М. Соловки. Коммунистическая каторга или место пыток и смерти. – Шанхай, 1931.
- Никонов-Сморodin М.З. Красная каторга. – София, 1938.
- Розанов М.М. Соловецкие фактории // Завоеватели белых пятен. – Мюнхен, 1951.
- Розанов Мих. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939 годы. Факты – домыслы – «параши». Обзор воспоминаний соловчан – соловчанками: В 2 кн. – Издание автора, 1979. – Книга первая. – Части 1, 2, 3; Издание автора, 1980. – Книга вторая. – Части 4, 5, 6, 7, 8.
- Росси Жак. Справочник по ГУЛАГу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. Предисловие Алена Безансона. – Лондон, 1987.
- Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. – Париж, 1973–1976.
- Шаламов В. Колымские рассказы. – Лондон, 1978.
- Ширяев Б.Н. Неугасаемая лампада. – Нью-Йорк, 1954.
- Эсер. Соловецкая трагедия // Воля России. – 1924. – № 16 и 17 (Прага).

б) на иностранных языках:

- Bezsonoff V.D. Mes 26 prisons et mon evasion de Solovki. – Paris, 1928.
- Bessonov J.D. My twenty six prisons and my escape from Solovetsky. – London, 1929.
- Kitchin George. Prisoner of the OGPU. – London, New-York, Toronto, 1935.
- Malsadoff S.A. An Island Hell. – London, 1925.
- Malsadoff S.A. An Island Hell: a Soviet in the Far North. – London, 1926.
- Malsadoff S.A. Letters from Russian. – Prisons – New-York, 1925.
- Melgunov S.P. Krasnyi terror v Rossii. – Berlin, 1924.
- Tchemavin V.V. I speak for the Silent. – Boston, 1935.

3. Журнальные публикации

- Авторханов А.Г. Технология власти // Вопросы истории. – 1991. – № 1, 2.
- Беглов Г. Досье на самого себя // Нева. – 1988. – № 10.
- Бугай Н.Ф. Север в политике переселения народов // Север. – 1991. – № 4.
- Витковский Д.П. Полжизни // Знамя. – 1991. – № 6.
- Воробей А. Хроника раскрестьянивания. Социализация сельского хозяйства в Северном крае в 1929–1930 гг. // Север. – 1992. – № 1.
- Герман (Игумен). Возрождение Соловецкой обители // Россияне. – 1992. – № 5–6.
- Дряхлин Д.Н. Периодическая печать архипелага // Север. – 1990. – № 9.
- Дугин А.Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. – 1990. – № 7.
- Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. – 1991. – № 10.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. – 1990. – № 11.
- Киселев А.А. На всю операцию ушло двое суток... // Родина. – 1994. – № 5.
- Киселев А.А. Саамский заговор // Север. – 1994. – № 12.
- Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. – XXI. – 1999. – № 8.
- Конквест Р. Жатва скорби // Новый мир. – 1989. – № 10.
- Красильников С.А. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти // Исторический архив. – 1997. – № 4.
- Кураев М. Петя по дороге в царствие небесное // Знамя. – 1991. – № 2.
- Лихачев Д.С. В редакцию журнала // Север. – 1991. – № 4.
- Макуров В. Под руководством ОГПУ – НКВД... // Север. – 1993. – № 9.
- Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. – 1992. – № 2–6, 8–9 и др.
- Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. Исторический очерк // Знамя. – 1989. – № 2.
- Нагибин Ю. Из пережитого // Юность. – 1987. – № 10.
- Полак Л.С. Было так... // Вопросы истории естествознания и техники. – 1992. – № 2.
- Полчанинов Р.В. Советские концлагерные деньги // Север. – 1990. – № 9.
- Розанов М.М. Соловецкие фактории. Воспоминания // Север. – 1992. – № 9.
- Соловецкий мемориал // Север. – 1992. – № 9.
- Сталинские лагеря Европейской части СССР // ЭКО. – 1990. – № 6.
- Тетчуев Б. Трагедия в монастыре // Север. – 1991. – № 12.
- Упадышев Н.В. От Соловков к ГУЛАГу: зарождение советской лагерной системы // Отечественная история. – 2006. – № 6.
- Шашков В.Я., Лобан Н.В. Спецпереселенцы на Мурмане // Север. – 1992. – № 8.

Дополнительный материал по общим вопросам истории ГУЛАГа в СССР можно найти в следующих журналах:

- Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9. – С. 11; 1991. – № 7. – С. 65–73.
- Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 87, 176.
- История СССР. – 1991. – № 5. – С. 152–153.
- Карело-Мурманский край. – 1934. – № 7–8.
- Огонек. – 1988. – № 50. – С. 16.
- Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 135–146.
- Отечественные архивы. – 1993. – № 2. – С. 37.
- Родина. – 1989. – № 10.
- Соловецкие острова.

4. Газетные материалы

- Аргументы и факты. – 2007. – № 28.
- Аргументы и факты. – 1989. – № 45; 1990. – № 35.
- Известия ВЦИКа. – 1921. – 14 октября (статья Кудрина А. Концентрационные лагеря).
- Известия. – 1989. – 1 июля (Выступление В.И. Мельникова).
- Известия. – 1992. – 3 августа (информация с заседания коллегии МБ РФ).
- Комсомолец Заполярья. – 1988. – 12 ноября (Воспоминания Б. Соколова).
- Полярная правда. – 1924. – 23 декабря (Список лиц, лишенных избирательных прав по г. Мурманску).
- Полярная правда. – 1929. – 27 декабря (статья «Мастерская заключенных»).
- Полярная правда. – 1932. – 10 июня (Сообщение о приезде С.М. Кирова).
- Полярная правда. – 1936. – 5 ноября (статья В.А. Сутырина).
- Полярная правда. – 1937. – 27 января (статья Б. Мойжеса о пуске Нижне-Тулумской ГЭС).
- Полярная правда. – 1989. – 21 и 22 января (статья А.А. Киселева «Заключенные на Севере»).
- А также материалы газет «Котлован», «Мурманский вестник», «Новые Соловки» с приложениями «Соловецкий безбожник» и «Соловецкий крокодил».

5. Архивные источники

- Государственный архив Архангельской области (ГААО).
- Центральный государственный архив республики Карелия.
- Центральный государственный архив Коми республики.
- Государственный архив Мурманской области (ГАМО): а) ф. 174; б) ф. 773; в) ф. 996; г) особые папки Мурманского обкома ВКП(б).
- Архивы МВД и КГБ-ФСБ-ФСБ.

6. Воспоминания

- Белькова И.В.
- Бордоноса Г.Т.
- Витковского Д.П.
- Водяницкого А.И.
- Герасимовой А.С.
- Горелова А.Е.
- Кулешова С.И.
- Лопинцева Е.Е.
- Малько А.М.
- Новосельцева Е.В.
- Пучковой Л.П.
- Терентьевой В.Н.
- Христенко М.М.
- Шамонина Ф.Ф. и др.

7. Кино-, фотоматериалы

- Фрагменты из документального фильма «Власть соловецкая».
- Кадры художественного фильма «Холодным летом пятьдесят третьего...».
- Фотодокументы краеведческих музеев областей и республик Севера.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга оказалась бы неполной, если бы в ней ничего не было бы сказано о ее авторе и о том, как и почему она появилась.

Книга «ГУЛАГ на Мурмане», отдельные части которой были опубликованы в газетах и журналах в 80–90-е годы XX века, довольно долго шла к читателю. Она была написана не за один присест, а в буквальном смысле выстрадана автором в течение четырех-пяти десятилетий профессиональной деятельности по изучению Европейского Севера России.

Алексей Алексеевич Киселев – доктор исторических наук, профессор, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени и Отечественной войны, заведующий лабораторией исторического регионоведения Мурманского государственного педагогического университета, председатель Комиссии по вопросам помилования в Мурманской области, почетный гражданин города-героя Мурманска. Его путь в науку начался в далекие 50-е годы. Став аспирантом Ленинградского государственного университета, он начал изучать историю индустриализации Кольского Севера. Во время работы над кандидатской, а затем докторской диссертациями А.А. Киселевым были просмотрены сотни архивных дел и тысячи документов сталинской эпохи. Именно тогда и состоялось его знакомство с темами «ГУЛАГ на Мурмане» и «Репрессии на Кольском полуострове».

Впрочем, этому предшествовали детские и отроческие впечатления Алексея Алексеевича: в 30-е годы он жил в тех местах, где строился комбинат «Североникель» – значимая новостройка довоенных пятилеток. Здесь находился один из густонаселенных районов Архипелага ГУЛАГа, работали тысячи заключенных, в свое время направленных сюда со стройки Беломорско-Балтийского канала.

Заключенные и спецпереселенцы принимали активное участие в развитии производительных сил в разных районах Крайнего Севера. Не было исключением и Кольский полуостров. Однако если в труднодоступных районах Заполярья (Кольма, Воркута) на первых этапах освоения принудительный труд оказывался фактически единственным средством реализации крупномасштабных государственных программ, то на Кольском Севере, с его сравнительно мягким климатом и более-менее развитой инфраструктурой, он всегда соседствовал с добровольным трудом: именно в их сочетании и состояла одна из особенностей процесса индустриализации в Мурманском крае. Рассмотреть эту проблему в ее целостности долгое время не представлялось возможным: существовавшие в СССР традиции требовали иллюстрации решающей роли в социалистических преобразованиях одного лишь рабочего класса.

Только в конце 80-х годов появилась возможность всесторонне изучать и обсуждать историю ГУЛАГа. Вполне естественно, что профессор А.А. Киселев к тому времени оказался одним из наиболее подготовлен-

ных специалистов по этому вопросу. Вот тогда в региональных газетах и журналах начинают выходить его статьи по этой проблеме, в том числе и работа «ГУЛАГ на Мурмане», опубликованная в газете «Советский Мурман» в 1992–1993 годах.

Важно подчеркнуть, что публикация этого труда, независимо от воли и желания его автора, не могла не получить общественно-политического резонанса. «ГУЛАГ на Мурмане» был обнародован в тот момент, когда общество раздирали глубокие противоречия, когда защитники и противники советской системы активно искали компромат против друг друга. Что касается личной позиции самого А.А. Киселева, то в «ГУЛАГе на Мурмане» она не видна: автор спокойно, без эмоций и запальчивости, описывает исторические события, утверждая неоспоримую роль принудительного труда в создании индустрии и военных объектов на Кольском Севере, в формировании общественной атмосферы сталинской эпохи.

С момента публикации газетного варианта «ГУЛАГа на Мурмане» прошло 15 лет. Но и по сей день эта работа остается единственным целостным исследованием истории тюрем, лагерей, колоний советского времени на Кольском Севере и интересным опытом исторической публицистики. В связи с тем что, в отличие от книг, газета живет всего несколько дней (лишь в нескольких библиотеках читатели имеют возможность познакомиться со старыми подшивками), появилась мысль о переиздании работы в книжном варианте. В публикуемом тексте автору довелось уточнить некоторые детали, сделать дополнения. Думается, что новая книга профессора А.А. Киселева стала хорошим подарком к 70-летию Мурманской области.

П.В. Федоров,
кандидат исторических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
ГУЛАГ на Мурмане: история тюрем, лагерей, колоний.....	7
Начиналось с застенков, погребов, острогов.....	7
От ардома до исправдома.....	10
СЛОН и Мурман.....	12
«ББК».....	15
Разберемся с цифрами.....	17
Заключенные в Хибинах и в Ковдоре.....	22
Как строилась Туломская ГЭС.....	27
На каждом километре.....	33
Зэки и криминогенная обстановка.....	38
Зэки и Северный флот.....	41
Вдоль границы с Финляндией.....	44
В последние годы жизни Сталина.....	45
Заключенные на Севере.....	53
Зэки на Мурмане.....	64
Раскулаченные на Мурмане.....	69
Спецпоселенцы.....	75
Репрессии 30-х. Новые материалы.....	90
Следственное дело № 46197 (В.К. Алымов и «саамский заговор»).....	96
На допросах.....	96
Как создавались мифы в НКВД.....	98
Еще раз о главе «заговора».....	99
А.С. Салазкин – «военный министр» Лапландии.....	100
Еще один «заговорщик» – «Вань-Вань».....	101
О Никоне Герасимове и других.....	102
Как велось следствие?.....	103
Репрессии среди военных моряков.....	106
Волна репрессий среди рыбаков и судоремонтников.....	112
Депортация на Мурмане.....	117
«Власовцы» на Кольской земле.....	128
О послевоенных тюрьмах.....	130
Еще раз о доносителъстве, осведомителъстве и прочих «некрасивых» пороках общества.....	136
О руководителях ОГПУ – НКВД – МВД на Мурмане.....	139
Журналисты Мурмана – «враги народа».....	142
Как громили кировский комсомол.....	151
Репрессии в Териберке.....	161
Они тоже прошли через репрессии (о судьбах чекистов).....	166
О реабилитации.....	173
Эпилог, или вместо выводов.....	189
Источники и литература.....	191
Послесловие (Федоров П.В.).....	196

